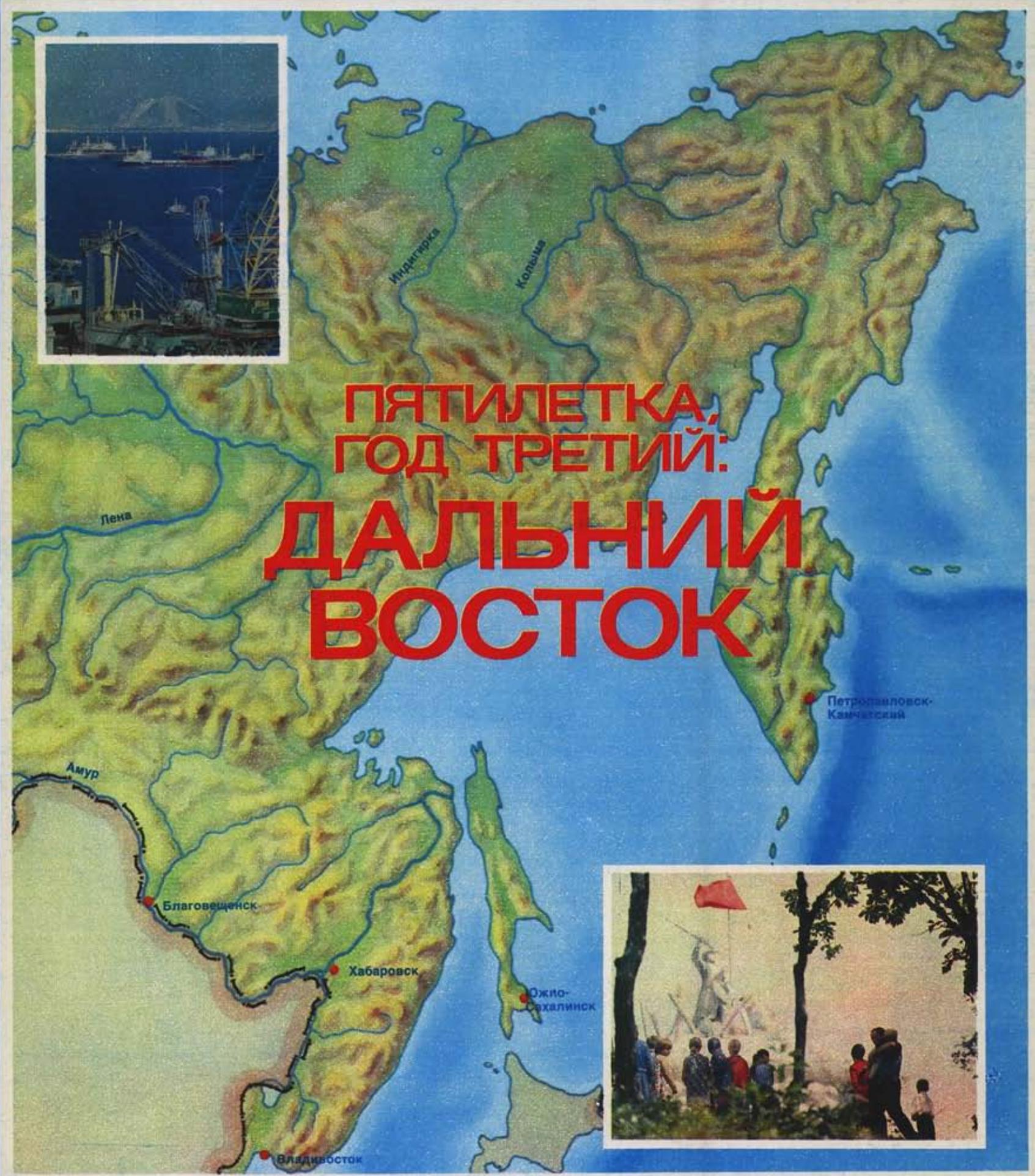

Сменка

№ 18 сентябрь 1978

ПУСТЬ И ВПРЕДЬ В ВАШИХ СЕРДЦАХ ГОРИТ ЧИСТЫЙ ОГОНЬ ПАТРИОТИЗМА, ЖИВЕТ БЛАГОРОДНОЕ ЧУВСТВО ЛИЧНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОРУЧЕННОЕ ДЕЛО, ЗА ВСЕ, ЧТО ПРОИСХОДИТ В СТРАНЕ.

Л. И. БРЕЖНЕВ.
из речи на XVIII съезде ВЛКСМ

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА "СМЕНА"!

ВСЯ МОЯ ЖИЗНЬ СВЯЗАНА С КРАЕМ, КОТОРЫЙ ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН НАЗВАЛ "НАШЕНСКИМ".

НАШ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК ДАВНО СТАЛ БЛИЗКИМ И РОДНЫМ ДЛЯ УРОЖЕНЦЕВ МНОГИХ ОБЛАСТЕЙ СТРАНЫ. ОНИ ПРИЕХАЛИ СЮДА КАК НАСЛЕДНИКИ И ПРОДОЛЖАТЕЛИ ПОДВИГОВ И ДЕЛ СЕРГЕЯ ЛАЗО, ВИТАЛИЯ БОНИВУРА, АЛЕКСЕЯ ЛУЦКОГО И ДРУГИХ ГЕРОЕВ, ОТДАВШИХ ЖИЗНЬ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ НАШЕГО КРАЯ ОТ БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ И ИНОСТРАННЫХ ИНТЕРВЕНТОВ. МОЛОДЫЕ ЛЮДИ, КОМСОМОЛЬЦЫ, СТАЛИ КОЛУМБАМИ ПРИМОРЬЯ И ЧУКОТКИ, КАМЧАТКИ И САХАЛИНА. НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ КОМСОМОЛЬСКА "КОЛУМБАМИ" НАЗЫВАЛИ НЕ ТОЛЬКО ТЕХ, КТО ПРИШЕЛ К БЕРЕГАМ АМУРА НА СТАРЕНЬКОМ ПАРОХОДИКЕ "КОЛУМБ", - ЭТО ДОБРОЕ, ХОТЯ НИКЕМ ОФИЦИАЛЬНО НЕ УТВЕРЖДЕННОЕ ЗВАНИЕ НОСИЛИ РЕБЯТА И ДЕВЧОЛКИ, ПЕРВЫМИ НАЧИНАВШИЕ ВОЗВОДИТЬ ДОМ ИЛИ ЗАВОД, СТРОИТЬ ДОРОГУ ИЛИ ЛИНИЮ ЭЛЕКТРОПЕРЕДАЧИ. ПО СУТИ ДЕЛА, ВСЕ ОНИ БЫЛИ И ОСТАЛИСЬ ПЕРВОПРОХОДЧАМИ.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК, ПОМНЮ, НАЗЫВАЛИ "РЫБНЫМ ЦЕХОМ" СТРАНЫ. МЫ И СЕЙЧАС ДОБЫВАЕМ РЫБЫ НЕ МЕНЬШЕ, НО ЕСЛИ БЫ ПОНАДОБИЛОСЬ ВЫБРАТЬ СИМВОЛ ДЛЯ НАШЕГО КРАЯ, МОГЛО БЫТЬ ЭТО СЕГОДНЯ - НЕ РЫБАЦКАЯ СЕТЬ, А СКОРЕЕ ВСЕГО СТРОИТЕЛЬНЫЙ КРАН ИЛИ МАСТЕРОК КАМЕНЩИКА. ПОТОМУ ЧТО ПРОСТОРЫ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ СТРАНЫ - ГИГАНТСКАЯ СТРОИТЕЛЬНАЯ ПЛОЩАДКА. ЗДЕСЬ ПОДНИМАЮТСЯ НОВЫЕ ГОРОДА И ЗАВОДЫ, ВОЗВОДЯТСЯ ПОРТЫ И ПЛОТИНЫ, СТРОИТСЯ НОВАЯ ЖИЗНЬ. И ЕСТЬ ВСЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРОЯВИТЬ СЕБЯ НОВЫМ КОЛУМБАМ.

ПОЛВЕКА СВОЕЙ ЖИЗНИ Я ПОСВЯТИЛА МОРЮ. И БЕЗ МОРЯ ПОРОЙ МНЕ БЫВАЕТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НЕ ПО СЕБЕ. НО СПРОСИТЕ ЛЮБОГО МОРЯКА, И КАЖДЫЙ СКАЖЕТ, ЧТО МИЛЕЕ МОРЯ ВСЕГДА БЫЛ И ОСТАЕТСЯ РОДНОЙ БЕРЕГ. НЕТ И ДЛЯ МЕНЯ НИЧЕГО РОДНЕЕ И МИЛЕЕ "НАШЕНСКОГО" ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА.

ПРИЕЗЖАЙТЕ К НАМ, ПОЖИВИТЕ ЗДЕСЬ, И САМИ СМОЖЕТЕ УБЕДИТЬСЯ В КРАСОТЕ И ВЕЛИКИХ ВОЗМОЖНОСТЯХ ЭТОЙ ЗЕМЛИ. НО ОТКРЫТЬ ЕЕ ДОЛЖЕН КАЖДЫЙ ДЛЯ СЕБЯ, КАЖДЫЙ ОБЯЗАН БЫТЬ СЕБЕ КОЛУМБОМ.

Анна Чемтибека

ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА,
КАПИТАН ДАЛЬНЕГО ПЛАВАНИЯ

60-ЛЕТИЮ
ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА
ПОСВЯЩАЕТСЯ

Командующий Краснознаменным Тихоокеанским флотом, кандидат в члены ЦК КПСС, депутат Верховного Совета РСФСР, адмирал Владимир Петрович МАСЛОВ отвечает на вопросы журнала «Смена».

ОТЧИЗНЫ ВЕРНЫЕ СЫНЫ

— Владимир Петрович, история и сегодняшний день Дальнего Востока и Приморья неразрывно связаны с военно-морским флотом. И прежде чем говорить о событиях, близких нам по времени, давайте вспомним, как зарождалась слава тихоокеанцев, как начинался один из наших военных флотов.

— Не одно столетие назад, благодаря исконно русской дерзновенности и мужеству первооткрывателей, был «постигнут» восточный край нашей Отчизны. Мы никогда не забудем имени людей, через пять морей пробивших путь к Тихому океану и положивших начало великому преображению Дальнего Востока. Казачьи атаманы, отважные мореплаватели Москвитин, Дежнев, Хабаров, Шелковников, офицеры русского военного флота капитан-командор Беринг, унтер-лейтенант Чириков, капитан-лейтенанты Невельской, Крузенштерн — это они и их товарищи водрузили русский флаг на суповой, далекой земле.

Цель, с которой российские мореплаватели осваивали тысячи мильные морские пространства и необъятные участки побережья, в корне отличалась от целей, скажем, испанских конкистадоров в Мексике или североамериканских переселенцев, истреблявших и колонизировавших коренное население Америки. Они открывали новые земли во имя национальной гордости, несли народностям, заселявшим Дальний Восток, прежде всего освобождение от невежества, суперий, болезней, несли культуру, которой традиционно отличались военные моряки.

Именно моряки дали первые научные описания побережья Дальнего Востока, Курильской гряды, Сахалина и Камчатки. Они образовывали первые прибрежные поселения, крепости, которым суждено было в дальнейшем стать крупными военными форпостами, промышленными центрами востока России. Но моряки не только осваивали, они с оружием в руках обороны дальневосточное побережье от врагов.

Сейчас каждый мальчишка, родившийся и выросший у берегов Тихого океана, может со всеми подробностями рассказать о героической обороне Петропавловска-Камчатского в 1854 году, когда небольшой русский гарнизон разгромил многочисленные объединенные силы англо-французской эскадры.

Для многих поколений военных моряков образом мужества и преданности своему долгу стал подвиг экипажей легендарного крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец».

Это не просто история. Это, как и любой подвиг вообще, который вершился нашими прадедами, дедами, отцами, есть нравственное, духовное начало военного и трудового подвига наших современников, фундамент наших побед, нашей мощи. Уже в годы Советской власти к парапету памятника матросам «Варяга» на морском

кладбище Владивостока была прикреплена медная доска с надписью, в которой есть такие слова: «Дело, за которое вы отдали свои жизни, воистине велико. Отныне и навсегда над водами Тихого океана будет реять гордый флаг Родины нашей — России!»

Храня и умножая замечательные традиции своего героического предшественника, морские просторы неизменно восхваляют советский ракетный крейсер «Варяг» — мощный современный корабль, гордость нашего флота, живая память подвига русских моряков.

— Владимир Петрович, становление Советской власти на Дальнем Востоке проходило в длительной и трудной борьбе. Какое участие принимали в ней военные моряки?

— Тихоокеанцы были настроены революционно в подавляющем большинстве. В ноябре 1917 года военные моряки на массовых митингах приветствовали Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, заявили о своей готовности встать на защиту революции, а потом делом доказали свою преданность ей.

Незабываемы подвиги матроса Ускова с миноносца «Лейтенант Малеев», который, пожертвовав собой, взорвал вражеский эшелон с семеновцами на станции Мадиевская, мужество экипажа монитора «Шквал» и канонерской лодки «Орочанин», в течение долгих месяцев обороны Приморья от интервентов всех мастей, отвага сводного морского отряда, которым командовал офицер флота Н. Воруев в боях за Волочаевку. В вооруженной борьбе с врагами революции и позже — в период конфликта на КВЖД, во время событий на озере Хасан множилась военная слава тихоокеанцев, формировались их боевые традиции, крепла партийная сознательность, воинская дисциплина.

— Владимир Петрович, Ленинский комсомол готовится отметить свой 60-летний юбилей. Одним из замечательных его дел было установление шефства над Военно-Морским Флотом. Что в практическом отношении дали первые массовые призыва комсомольцев на Тихоокеанский флот? Что было сделано молодежью для создания и укрепления Красного Флота?

— В 1922 году флота фактически не существовало. У причалов стояли полуразбитые, устаревшие корабли, которые не представляли ценности в военном отношении, да и они нуждались в капитальном ремонте. Все суда, державшиеся на плаву, были угнаны иностранными интервентами, с части кораблей захватчики сняли оборудование, артиллерию, жизненно важные узлы.

16 октября 1922 года V Всероссийский съезд РККМ по предложению В. И. Ленина принимает решение о шефстве комсомола над Военно-

морским Флотом. Сейчас, осмысливая значение этого события, сыгравшего заметную роль в строительстве советских военно-морских сил, нельзя не удивляться прозорливости ленинской мысли, направившей энергию и страсть тысяч молодых сердец на самые главные участки борьбы за укрепление завоеваний Октябрьской революции.

Буквально через несколько недель после съезда РККМ на все флоты страны, в том числе на Тихий океан, прибыли сотни комсомольцев. Многие из них были к тому времени уже опытными вожаками молодежи, прошли суворую школу гражданской войны. Они стали боевым ядром, идеиной силой экипажей кораблей и береговых частей. Впоследствии многие из тех, кто пришел на флот по первому комсомольскому призыву, выросли в прославленных флотоводцев, боевых адмиралов и офицеров.

Газеты тех лет и документы рассказывают, с какой страстью и упорством овладевали бывшие пугилюзовцы, уральские металлурги и байкальские рыбаки военно-морской техникой, с каким энтузиазмом работали они вместе с трудящимися Владивостока и других городов-портов на восстановлении флота.

Неоценимую помощь окказал Тихоокеанскому флоту Ленинский комсомол в тридцатые годы в деле подготовки военных кадров. Закрепленные за флотом постановлением ЦК ВЛКСМ западносибирская, восточносибирская, дальневосточная комсомольские организации создали широкую сеть военно-морских кружков и успешно готовили в них молодежь к службе.

— Известно, что в тридцатые годы Тихоокеанский флот вырос как в количественном, так и в качественном отношении. Были ли это вызвано только военными приготовлениями нашего дальневосточного соседа — Японии или существовали какие-то еще причины?

— Безусловно, главной из причин была агрессивная политика тогдашних правителей Японии. В ответ на это наше правительство, стремившееся к мирному урегулированию всех вопросов, тем не менее посчитало необходимым укрепить в военном отношении дальневосточные сухопутные и морские рубежи. Других способов умерить великодержавные захватнические аппетиты японского милитаризма в то время просто не существовало.

Намерение же Японии были слишком очевидны, особенно после того, как в 1931 году она, пренебрегая существующими международными договорами, ввела свои войска в Маньчжурию и начала спешно накапливать силы в непосредственной близости от границ с Советским Союзом. Одной из мер, способных воспрепятствовать агрессии, было создание на Тихом океане более крупного, более современного военно-морского флота. С Запада на Восток шли эшелоны с оборудованием для

судостроительных заводов, на специальных платформах перевозились торпедные катера, самолеты, артиллерийские орудия и другая боевая техника. Потребовались гигантские усилия тысяч людей, помощь многих предприятий Сибири, Урала, всей страны, чтобы в минимальный срок построить авиационные базы, судоремонтные и судостроительные предприятия, аэродромы, казармы, военные приличы, разместить батареи береговой артиллерии, склады и многое другое. В те же годы благодаря массовому трудовому героизму советской комсомолии был заложен мощный индустриальный форт на Дальнем Востоке — Комсомольск-на-Амуре, и тем самым сделан еще один значительный шаг в освоении края.

Тихоокеанский флот рос невиданными темпами. Только с февраля 1933-го по февраль 1934-го число боевых кораблей флота увеличилось в 10 раз. Он пополнился новейшими по тому времени подводными лодками, могучими крейсерами, боевыми самолетами.

— Ведь именно к тому периоду относятся первые легендарные походы подводников, во время которых тихоокеанцы установили рекорды автономного плавания...

— Первое такое автономное много-месячное плавание было осуществлено экипажем подводной лодки «Щ-117» под командованием Н. П. Египко и военного комиссара С. И. Пастиухова. В те годы, когда тихоокеанские морские силы росли и развивались особенно интенсивно, важно было знать, каковы пределы человеческой выносливости под водой и как ведут себя в условиях автономного плавания в восточных широтах наши подводные лодки. Кроме того, это вообще было время массовых рекордов, устанавливаемых на полях, заводах, в небе, на воде. Естественно, подводники не хотели оставаться в стороне.

Зима выдалась тогда на редкость суровой: штормы, туманы, холод, видимость почти нулевая. Всё время обмерзали корпус и антенны, механизмы лодки работали на предельных режимах, людей изматывала постоянная качка, «голодный» воздушный паек, физическое перенапряжение.

Подлинное мужество и мастерство в этом походе проявили матросы — комсомольцы В. Манышкин, П. Петров, Н. Смирнов, А. Панкратов и многие другие. С благодарностью и уважением проносят нынешние моряки тихоокеанцы их имена, имена всех тех, кто, рискуя жизнью, прокладывал дороги в неведомое, в завтрашний день флота. За геройизм, проявленный подводниками во время похода, все члены экипажа были награждены орденами.

— Меньше чем через три года после хасанских событий наша страна оказалась перед лицом нового труднейшего испытания, вступив в бой с фашистскими захватчиками. Какое

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 18 (1232) СЕНТЯБРЬ 1978

МОСКВА ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ПЯТИЛЕТКА, ГОД ТРЕТИЙ: ДАЛЬНИЙ ВОСТОК. СПЕЦИАЛЬНЫЙ НОМЕР.

1 Командующий Краснознаменным Тихоокеанским флотом, адмирал Владимир Петрович МАСЛОВ. «ОТЧИЗНЫ ВЕРНЫЕ СЫНЫ».

4, 8, 28 ПО СТРАНИЦАМ МОЛОДЕЖНЫХ ГАЗЕТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА.

5 «ХАБАРОВЫ ИЗ ХАБАРОВСКА». Фotoочерк Валерия ЕВСЕЕВА и Сергея ВЕТРОВА.

9 Рассказ Леонида КОКОУЛИНА «В ОЖИДАНИИ СЧАСТЛИВОЙ ВСТРЕЧИ».

12 Лина ТЫНЕЛЬ, председатель исполкома Чукотского окружного Совета народных депутатов. «С ЛЮБОВЬЮ О ЧУКОТКЕ».

14 ПИСЬМА ИЗ РАЙКОМА. Борис ДАНЮШЕВСКИЙ. «ЭНЕРГИЯ ДЕЛОВИТОСТИ».

16 Сергей РАЗУМЕЦ, секретарь комсомольской организации БМРТ «Ленинец». «КУРС НА КАМЧАТКУ».

18 НОВОЕ ИМЯ. Стихи Татьяны АЧИРГИНОЙ.

19 ПОСВЯЩАЕТСЯ 60-ЛЕТИЮ ВЛКСМ. КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ «ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО».

20 Владимир САНГИ. «СЛОВО О САХАЛИНЕ».

22 Александр РЕУТОВ, плотник-бетонщик треста «Амурскстрой». «ЖИЗНЬ ЗДЕСЬ СВЕТЛА СВОЕЙ МОЛОДОСТЬЮ».

24 «ОКЕАНСКИЕ ВОРОТА БАМА». Фотоочерк Генриха ГУРКОВА и Альберта ЛЕХМУСА.

26 «ДОРОГИЕ ИМЕНА».

29 Рассказ Александра ПЛЕТНЕВА «МАРШАЛЫ В ОТСТАВКУ НЕ УХОДЯТ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), В. Г. ПОВЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник С. П. Тюнин. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда». «Смена». 1978 г.

участие принимал в Великой Отечественной войне Тихоокеанский флот, базировавшийся далеко от мест, где разворачивались решающие сражения?

Ход войны сложился таким образом, что весь удар гитлеровские полчища и военно-морские силы вермахта нанесли по западным границам нашей страны, на Балтике, на Баренцевом и Черном морях. Дальневосточный театр долгое время оставался относительно спокойным. Но агрессивная политика военного партнера фашистской Германии — Японии, расплывавшей очень крупными военно-морскими силами и сосредоточившей возле наших сухопутных границ на Дальнем Востоке более чем миллионную армию, вынуждала Советское правительство держать в постоянной боевой готовности корабли Тихоокеанского флота и значительные сухопутные силы.

В то же время флот был одним из мощнейших стратегических резервов, откуда на самые горячие участки войны направлялись хорошо подготовленные, полностью укомплектованные соединения, части и корабли. Только на сухопутные фронты с Тихого океана ушли 143 тысячи моряков.

В 1942 году, совершив труднейший переход Северным морским путем из Владивостока в Полярное, в борьбу с врагами на Севере и на Балтике вступили лидер «Баку», эсминцы «Разумный» и «Разъяренный», отряд подводных лодок и другие корабли Тихоокеанского флота.

Подводным лодкам пришлось добираться до Полярного через Тихий и Атлантический океаны, преодолев 17000 миль. В составе отряда шла «С-56», которой командовал капитан-лейтенант Г. И. Щедрин. На долю экипажа этой подводной лодки выпали труднейшие военные испытания, в которых моряки проявили высочайшее мужество. За боевые заслуги перед Родиной «С-56» была удостоена гвардейского звания и награждена орденом Красного Знамени, а ее командир — Щедрин стал Героем Советского Союза. Легендарная лодка — ныне памятник славы тихоокеанцев-подводников, превращена в музей флота и установлена на владивостокской набережной — своем последнем вечном причале.

На тех, кто тогда уходил на Запад сражаться, смотрели как на счастливцев. Попасть на фронт для любого тихоокеанца было величайшей наградой.

...Тут я позволю себе немного отвлечься. Я принадлежу к поколению комсомольцев сороковых годов. С первого дня войны мы рвались на фронт, добиваясь этого всяческими правдами и неправдами. И хотя наша комсомольская совесть отвергала ложь в любой форме, прибавить себе возраст, чтобы попасть в армию, считалось вполне допустимым. В конце концов, весь класс добровольно оказался на фронте. Наши военные судьбы сложились по-разному, мои товарищи стали артиллеристами и связистами, пехотинцами и танкистами, я, несмотря на то, что уже тогда хотел на флот, попал в авиацию и до конца войны воевал в 382-м полку штурмовой авиации в составе 1-го Белорусского фронта (моя рокировка я стал уже после войны).

Я вспомнил об этом потому, что мы заговорили о том времени, о нашей комсомольской юности, которую мы, как и миллионы наших сверстников, отдали борьбе с врагом. Мы жили тогда этой борьбой и мерили сознательность каждого степенью участия в ней. Так вот, из всего нашего класса в живых осталось человек пять, остальные погибли. Уверен — знай они об этом заранее, они все равно ушли бы на фронт, ушли добровольно, как в 1942 году. Потому что речь шла тогда о значительно большем, чем наши жизни, о том, быть или не быть нашей Родине.

Так в годы войны думали миллионы советских людей. И поэтому мы победили фашизм, а потом в беспримерной по своей быстротечности кампании, в которой Тихоокеанский флот принял самое непосредственное участие, разгромили японский милитаризм.

Наша Родина вновь обрела исконно русские земли — Южный Сахалин и Курильские острова, получила свободный выход в Тихий океан, оказала интернациональную помощь народам Китая, Кореи и других азиатских стран в их борьбе за независимость.

— Владимир Петрович, мы много говорили с Вами о прошлом флота, его героической истории. В не меньшей степени наших читателей интересует, что собой представляет современный Тихоокеанский флот, каково его значение в системе обороны страны.

— Военно-Морской Флот олицетворяет собой морскую мощь государства и предназначена для защиты страны от угрозы нападения с океанов. Правда, развитие кораблестроения, военно-морской техники и оружия, особенно за последние десятилетия, значительно расширило круг задач, которые может выполнять флот. Не секрет, что сегодня надводные и подводные корабли оснащены мощным, современным оружием. Но наше оружие, какими бы техническими возможностями оно ни обладало, находится в руках мирных людей, и применить его мы будем вынуждены лишь для отражения агрессии.

Совершенствование оборонной мощи нашего государства — процесс естественный и оправданный, потому что пока далеко не все страны как на западе, так и на востоке от наших границ заинтересованы в разрядке международной напряженности, больше того, некоторые из них пытаются нагнетать атмосферу враждебности и страха. В этих условиях с нашей стороны будет непростительной ошибкой закрывать на это глаза и ослаблять бдительность.

Я хочу привести слова Леонида Ильича Брежнева, произнесенные им во время встречи с тихоокеанцами на борту крейсера «Адмирал Сенявин». Они очень точно выражают смысл нашей политики: «Мы никому не угрожаем. Разговоры о так называемой «советской угрозе» — это явный вымысел противников разрядки международной напряженности, не больше. Мы совершенствуем нашу оборону с единственной целью: надежно защищать завоевания Великого Октября, прочно охранять мирный труд советских людей, наших друзей и союзников. Этой благородной цели служат воины Советской Армии и Военно-Морского Флота».

Тихоокеанский флот — восточный морской щит страны, гарантия ее безопасности перед лицом любой военной угрозы со стороны агрессоров.

Что же представляет собой Тихоокеанский флот сегодня? Прежде всего это флот, сбалансированный во всех отношениях, в котором не отдается предпочтения какому-то одному виду оружия. Прошли времена поочередного увлечения или надводными кораблями, или подводными лодками, или еще чем-либо. Ныне флот — это комплекс разных видов войск и оружия. В его составе — морская ракетоносная авиация, атомные подводные лодки, мощные надводные корабли, несущие на борту ракетное оружие и авиацию, корабли на воздушной подушке, части морской пехоты, береговые ракетно-артиллерийские войска и множество других подразделений.

Любая военно-морская операция сейчас выглядит и строится совершенно иначе, чем два-три десятилетия назад, именно за счет того, что флот неизмеримо вырос в огневом, техническом, я бы сказал еще, профессиональном отношении. К примеру, се-

годня в высадке морского десанта на побережье участвуют множество различных подразделений, помимо морской пехоты, задача которых обеспечить захват десантом берега. В море, на подходе к району высадки десантные суда охраняют авиация, подводные лодки, корабли прикрытия, среди которых крейсера, тральщики, ракетные катера. Идут с десантом и гидроаэронавты. Иными словами, десант надежно прикрыт от угрозы из-под воды, с моря и с воздуха. Да и сами десантники вооружены совсем не так, как, скажем, в годы Великой Отечественной войны: в их распоряжении суда на воздушной подушке, одинаково легко передвигающиеся по морю и по земле, плавающие танки и бронемашины, средства мощной огневой поддержки.

ние радиотехники, электроники, автоматики, механики. Все процессы управления системами корабля, его ракетным, реактивным, торпедным, артиллерийским оружием производятся автоматически. Матрос-оператор, обслуживающий оружие из недр корабля, должен знать его принцип действия, схемы блоков управления им, разбираться в приборах, с которыми приходится иметь дело. Он обязан в случае необходимости заменить своего товарища, работающего на соседнем боевом посту, стало быть, знать еще и его технику. Плюс к этому идеальный оператор, а это одна из ведущих морских специальностей, должен обладать превосходной памятью, быстрой реакцией, быть уверененным в себе и предельно исполнительным.

Высокую оценку боевых качеств

Все, что мы вкладываем в светлое, чистое слово — Родина.

Коммунистическая убежденность военных моряков, присущие им высокие чувства патриотизма, мужество, стремление постигнуть воинское мастерство, знать и уметь завтра больше, чем сегодня, — это могучий фактор в обеспечении безопасности нашей Родины.

И не только безопасности, а и социального, экономического прогресса страны. Попробуйте это объяснить. Годы, которые отдают молодые люди службе на флоте, воспитывают из них не просто воинов. Военная служба — это школа политической, профессиональной зрелости. Мне часто приходится встречаться с экипажами, вернувшимися из длительных плаваний с заходами в иностранные порты.

квалифицированных рабочих кадров. Мне трудно на память назвать сейчас конкретные имена, их много; очень часто в газетах, по радио и телевидению рассказывается о трудовых достижениях бывших военных моряков. В свое время эти же имена назывались среди победителей флотского социалистического соревнования. Сняв военную форму и вернувшись к мирной работе, эти ребята не уронили марки тихоокеанцев.

Замечу, кстати, что многие из тех, кто служит на Дальнем Востоке, после демобилизации остаются здесь навсегда. Причин тому немало. Нельзя не влюбиться в этот прекрасный, щедрый, суровый край. Но он славен не только удивительной природой, с необычайным размахом здесь идет строительство, буквально на глазах растут

**ПОСЕЩЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНЫМ
СЕКРЕТАРЕМ ЦК КПСС, ПРЕДСЕ-
ДАТЕЛЕМ ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР,
ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ СОВЕТА
ОБОРОНЫ СССР
Л. И. БРЕЖНЕВЫМ
ТИХООКЕАНСКОГО ФЛОТА.
ВСТРЕЧА НА КРЕЙСЕРЕ
«АДМИРАЛ СЕНИЯВИН».**

— Вы сказали, что флот вырос в профессиональном отношении. А что вообще должен знать и уметь современный военный моряк?

— Нынешняя техника предъявляет к тем, кто работает с ней, все более высокие требования. Современный корабль — это глобальное сосредоточе-

ния, действии его командного состава дал присутствовавший недавно на одном из учений Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР, Председатель Совета Обороны страны товарищ Леонид Ильич Брежнев. Да, мы умеем держать порох сухим и понимаем, что технический прогресс флота очень важен в современных условиях. И все-таки важнейшим, решающим звеном в повышении боеспособности флота, как и любого рода войск, были и остаются люди. Советские моряки исполнены сознания того, что они стоят на страже морских и океанских рубежей Отчизны.

За кормой их корабля, за их спинами — то, что дорого им с детства, то, во что они свято верят. Они защищают мирный созидательный труд миллионов людей, их счастье, их будущее.

И когда моряки рассказывают опечатлениях, я внутренне радуюсь их способности анализировать свои наблюдения, оценивать факты с партийных позиций. Это мысли политически зрелых людей, которые гордятся своей Родиной, своим флотом.

Кроме того, демобилизованные моряки — это готовые специалисты многих ведущих отраслей хозяйства. Ведь руки, управлявшие корабельными двигателями, ремонтировавшие радиоаппаратуру, с таким же успехом могут собирать узлы комбайнов и сложнейшие приборы мирного назначения. И еще. У флотского комсомола есть добная традиция — направлять демобилизованных моряков на главные стройки страны, туда, где решаются первостепенные задачи нашей экономики. Так что армия, флот — это еще надежный и мощный резерв высокок-

новые города, заводы, порты, сквозь тысячелетнюю тайгу пробиваются дороги. А там, где происходит потрясающее по масштабам обновление, всегда есть надобность в сильных и умелых руках, в горячих сердцах, неукротимой человеческой фантазии. И вот, глядя на гигантское преображение Дальнего Востока, я думаю, что, лишь беззаветно любя свою землю и дорожа ею, можно так щедро отдавать ей свой талант, энергию, горение, как отдают их тысячи молодых строителей, среди которых немало воспитанников флота.

— Владимир Петрович, Ленинский комсомол шефствует над Краснознаменным Тихоокеанским флотом с первых месяцев создания Советских Морских Сил на Дальнем Востоке. Расскажите, в чем выражается это

шествие сегодня, какова роль комсомола в повышении боеспособности флота?

— Содружеству флота и комсомола уже более полувека. Качественно изменились, наполнились новым содержанием формы шефства. Но неизменными остались глубокое заинтересованное участие комсомола в жизни флота, понимание его задач. Впрочем, иначе не может быть: у ВЛКСМ и у наших Вооруженных Сил общая главная задача — воспитывать патриотов своей Родины, закаленных, мужественных бойцов, готовых на подвиг трудовой и военный. Стало быть, и решать эту задачу надо сообща.

На Тихом океане приходит немало ребят, направляемых краевыми и областными комсомольскими организациями, в том числе Приморской, Камчатской, Хабаровской, Бурятской, Томской, Тюменской, Магаданской, Читинской, Амурской, Иркутской, Новосибирской, Сахалинской. Почти вся молодежь до службы проходит подготовку в военно-морских кружках и секциях ДОСААФ, знакома с флотскими порядками. Большинство посланцев комсомолии в первый же год становится отличниками боевой и политической подготовки, классными специалистами. Издавна ведется и персональное шефство организаций ВЛКСМ над кораблями, носящими почетные комсомольские наименования «Томский комсомолец», «50 лет шефства ВЛКСМ», «Дальневосточный комсомолец», и другими. Я знаю, с каким нетерпением ждут на кораблях представителей шефских краев и областей, какие страсти разгораются в экипажах, борющихся за право хранить на своих кораблях переходящие знамена шефских комсомольских организаций.

Особенно прочные связи у флота с комсомолом Приморья. Ежегодно, по сложившейся традиции, представители приморской комсомолии и флота идут на боевых кораблях по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа. В таких походах юноши не только пробуют морскую романтику, но и воспитываются нравственно, закаляются физически. Приморский краевой комитет ВЛКСМ ежегодно вручает пять переходящих знамен лучшим кораблям и частям флота. Учредил переходящее знамя и Военный Совет КТОФ, которым награждается районная или городская организация, добившаяся наилучших результатов в военно-шефской работе.

Не могу не вспомнить добрым словом наш флотский комсомол. Комитеты ВЛКСМ кораблей и частей — это надежные помощники командования, партийных организаций в деле воспитания личного состава, повышения боеспособности флота. На счету у комсомольцев много прекрасных, жизненно необходимых починов, которыми тихоокеанцы вправе гордиться.

— Владимир Петрович, в чем сегодня воплощается верность боевым традициям и боевой славе флота?

— Говоря коротко, в точном, безуказненном выполнении задач, которые ставят перед тихоокеанцами наша партия и правительство, выражющие интересы всего советского народа.

Понятие же верности боевым традициям в чем-то схоже с понятием верности традициям трудовых. Молодой производственник, заменивший у станка своего отца, видит выражение этой верности в том, чтобы работать не хуже, чем отец. Военный моряк — в том, чтобы мастерски владеть своей корабельной специальностью и быть готовым в любую минуту выполнить свой долг с такой же решительностью и отвагой, как и военное поколение советских моряков.

С каждым годом увеличивается чис-

ло классных специалистов, мастеров военного дела, все больше кораблей и частей удостаиваются звания отличных.

Верность боевым традициям неотъемлема и от верности делу интернационализма.

В 1974 году тихоокеанцы приняли участие в разминировании Сузского залива. Более 6 тысяч часов советские корабли провели на минных полях Сузда, пройдя по нему с тралами свыше 17 тысяч миль. В обстановке, ничем не отличающейся от боевой, наши моряки множество раз демонстрировали подлинный героизм, высокую дисциплинированность, отличное знание своих обязанностей. Ни один не проявил нерешительности, более того, экипажи, образно говоря, рвались в бой, стремясь выполнить задание командования как можно быстрее и лучше. А ведь это была очень небезопасная работа, при которой просто невозможно предусмотреть все неожиданности.

Как-то во время очередного траления у самого борта одного из тральщиков взорвалась мина. Корабль, получив тринадцать подводных пробоин, оказался в критическом положении: в трюм мощными потоками хлестала вода, из пробитой цистерны поступало топливо. Вахтук в машинном отделении нес комсомолец Юрий Миронов. Мгновенно оценив ситуацию, он нырнул под слой соляра и начал заделывать одну из пробоин. А потом еще несколько раз, рискуя захлебнуться, нырял в густой, вязкий соляр и вслепую заделывал пробоины. Благодаря самоотверженности Миронова и его товарищем корабль остался на плаву, экипаж справился с повреждениями и привел тральщик на базу. Там комсомольцы своими силами отремонтировали корабль и вернули его в боевой строй. Многие тихоокеанцы совершили в те месяцы немало мужественных поступков.

Время от времени мне приходится слышать рассуждения молодых людей о том, что, мол, они бы и рады были проявить себя, да негде, беда-де наша жизнь ситуациями, в которых можно пойти на подвиг. Уверяю, это не так! Возьмите поступок Миронова, действия его товарищей в Сузде, возьмите жизнь тысяч молодых людей, по зову партии и комсомола без колебаний пошедших покорять тайгу, строить города за Полярным кругом, прокладывать трассы через болота и хребты. Не подвиг ли это? Я знаю немало примеров, когда люди, причем очень молодые, здесь, на Дальнем Востоке, совершили чудеса героизма, так сказать, в современных условиях. И вот что я думаю. Если человек занят настоящим делом, нашел себя в нем, живет им лишь одним, он никогда не посетует на отсутствие сложных ситуаций.

...Однажды один из давних товарищ спросил меня, удовлетворен ли я своей работой. Сам он занимался физикой и считал, что ничего важнее его науки в мире нет. Я сказал, что, возможно, избрал бы что-нибудь другое, например, археологию или историю, если смог бы сам себя убедить в том, что моя нынешняя работа не нужна. Пока я себя в этом, увы, убедить не могу.

— А как ты считаешь? — спросил я приятеля.

Он улыбнулся:

— Я бы себя чувствовал гораздо спокойнее, если бы ты оставался тем, кто ты есть сейчас...

Да, пока тысячи людей вынуждены оставаться военными, потому что так нужно твоей стране, твоему народу. Это и есть высшее счастье — быть там, куда послала тебя страна, партия, комсомол, и честно, самоотверженно выполнять свою работу — защищать Родину или сеять хлеб, добывать рыбу или прокладывать газопроводы.

Комсомольская хроника. Год 60-й.

ПО СТРАНИЦАМ МОЛОДЕЖНЫХ ГАЗЕТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

НАША С ТОБОЙ БИОГРАФИЯ

В Амурском областном музее красаведения открыта выставка «Навстречу 60-летию Ленинского комсомола».

История рождения и становления Амурской областной комсомольской организации представлена в новой экспозиции фотографиями делегатов I съезда красной молодежи Амура, документами и материалами, среди которых первый из комсомольских билетов, какие выдавались членам организации, — билет Михаила Пашко, секретаря Амурского окружкома в 1926 году.

Большое место на выставке занимают экспонаты, рассказывающие о трудовых делах амурской комсомолии в наши дни. Здесь комсомольская путевка на строительство БАМа, выданная бойцу отряда имени XVII съезда ВЛКСМ, плотнику СМП-567 управление «Бамстройпуть» Петру Стороженко, награжденному медалью «За трудовую доблесть», его почетные грамоты, свидетельство о присвоении ему звания лучшего по профессии.

«Амурский комсомолец»,
Благовещенск

Программа ростовчан включает в себя три большие композиции: «Первый эшелон» — об истории комсомольских ударных строек; «Ребята, рожденные бурей» — о молодых рабочих «Ростсельмаша»; вокально-поэтическое эссе «Рассказывай про БАМ, рассказывай». В программу органично вошли кинокадры из документальных фильмов «Наши марши» и «Комсомол». Они приближают к будням великих строек, зримо подтверждают достоверность событий и судьбы героев Ленинского комсомола.

«Амурский комсомолец»,
Благовещенск

«ФАНТ» — КЛУБ ФАНТАСТОВ

Кажется, это было совсем недавно... Хабаровский школьник Георгий Федин приспал в газете письмо с предложением организовать городской клуб любителей фантастики. Редакция опубликовала его письмо и пригласила «заинтересованных лиц» собраться и обсудить идею клуба. Так 13 марта 1976 года родился «Фант».

Два года существования — серьезное испытание для любительского молодежного объединения. Мы знаем немало примеров, когда молодежные клубы угасали так быстро, как возникали, потому что исчерпывали себя. Этого не произошло с «Фантом». Члены клуба полюбили «Фант», между ними завязались дружеские отношения, они дорожили общением друг с другом.

Валерий и Виктор Полтавские выдвинули идею — всем клубом писать пародийный роман «Вы назначаетесь героям!». Рассылаются письма во все концы страны — и вот заочными собеседниками членов клуба становятся А. Стругацкий, О. Ларионова, С. Снегов, А. Балабуха, любители фантастики из Софии, Ленинграда, Свердловска, Амурской области, с Сахалина...

Клуб занялся переводами, подготовил сборник рассказов начинающих хабаровских литераторов.

«Фант» объединил очень разных людей — и по возрасту и по профессиям — рабочих, инженеров, школьников, студентов, преподавателей, журналистов... На вопрос «Почему вы ходите в клуб?» каждый может ответить: «Потому что интересно!». «Фант» расширяет кругозор, развивает творческие способности, дает возможность дружеского общения, позволяет взглянуть в будущее — и готовить себя к нему.

«Молодой дальневосточник»,
Хабаровск

У отряда — юбилей

В этом году исполняется 10 лет ССО «Данко» Благовещенского педагогического института. Меняются члены отряда, но остается его доброе имя, множатся полезные дела. Десять различных народнохозяйственных объектов построено бойцами «Данко».

Нынешний отряд «Данко-78» состоит из 35 девушек. Место их работы — Тамбовский кирпичный завод. С первых же дней бойцы взяли ударные темпы. Во многом это заслуга бригадиров Гали Цикиной и Люды Задорожной.

«Амурский комсомолец»,
Благовещенск

«Юность строит города»

Так называется программа, с которой перед участниками первого областного слета молодых строителей Приморья выступила агитбригада Ростовского обкома ВЛКСМ. Ребята приехали по путевке ЦК ВЛКСМ.

В составе агитбригады — лауреат Всесоюзного смотра агиттеатр «Нива» и вокально-инструментальный ансамбль «Поднимающие паруса» завода «Ростсельмаш».

ЧЛЕН ЦК ВЛКСМ, ФРЕЗЕРОВЩИК ЕВГЕНИЙ ХАБАРОВ
В ЧИСЛЕ ДРУГИХ ПРЕДСТАВЛЯЛ СОВЕТСКУЮ МОЛОДЕЖЬ НА ВСЕМИРНОМ ФЕСТИВАЛЕ В ГАВАНЕ.

ЗАДАЧА ПОГРАНИЧНИКА СЕРГЕЯ ХАБАРОВА — ОБЕСПЕЧИТЬ НАДЕЖНУЮ СВЯЗЬ.

МЕДСЕСТРА ЛЮДМИЛА ХАБАРОВА РАБОТАЕТ В НОВОЙ ГОРОДСКОЙ БОЛЬНИЦЕ КОМСОМОЛЬСКА-НА-АМУРЕ.

хабаровы из хабаровска

Валерий ЕВСЕЕВ. Фото Сергея ВЕТРОВА. Специальные корреспонденты «Смены».

Близость большой воды чувствовалась уже давно. Чувствовалась по теплу, влажному ветру, по тому неповторимому речному запаху, так и подмывающему издать боевой клич, ускорить шаг и, на ходу сбрасывая одежду, по-детски раскинув руки, броситься в столь желанные при нынешней жаре объятия реки.

Но Хабаров ничем не выдал своего волнения от предстоящей встречи с рекой, до которой проделал путь не в одну тысячу верст. Его тяжелые сапоги неспешно и размеренно ступали на прокаленные зноем камни, покуда не замерли на одном из них. Отсюда Хабарову, хоть и ожиданно, но все же до ошеломления внезапно сразу открылась вся необозримая картина Амура, увиденного им впервые, — и песчаная отмель острова напротив, и круглые, подернутые маревом и оттого кажущиеся еще более далекими сопки на другом берегу, и сама река, тихая и спокойная сейчас, искрящаяся солнечными бликами, но не теряющая от этого своего величия, — желанная река, ответственность за будущее которой ложилась теперь и на его, Хабарова, плечи.

— Это Амур? — только и спросил вдруг севшим голосом Хабаров, обращаясь не то к своим спутникам, не то к самому себе.

— Амур, Ерофей Павлович, Амур. Ну, как он тебе показался? Как вообще Дальний Восток нравится? — отозвался Хабарову Володя Федотов, работник Хабаровского крайкома комсомола.

...Насчет Ерофея Павловича Володя, правда, пошутил: «нашего» Хабарова зовут Сергеем Александровичем. А попросту Сережей, потому что ему только восемнадцать лет и даже новенькая военная форма не придает должной солидности.

Еще совсем недавно Сережа жил в небольшом городке Абдулино, что в Оренбургской области. Там он и родился, там окончил десятилетку, работал слесарем на ремзаводе. Там проводили его и в армию. В том, что он стал пограничником, для самого Сергея не было неожиданности — еще в Абдулине вместе с другими ребятами занимался он на специальных курсах, готовя себя к пограничной службе (к месту сказать, и отец Сергея, Александр Дмитриевич, в свое время служил в погранвойсках, так что это уже как бы семейная традиция). Но вот попасть на Дальний Восток, в город-тезку, Сергей Хабаров, конечно, не думал.

К тому времени, когда мы с ним познакомились, он уже успел в учебном подразделении постигнуть первые навыки своей новой армейской специальности связиста и несколько дней назад прибыть к месту службы. Тогда-то с разрешения командова-

ния мы и совершили с ним прогулку по городу, носящему имя его знаменитого однофамильца, прогулку, во время которой состоялось первое свидание Сергея Хабарова с Амуром.

...Гораздо труднее сказать, как происходило такое же свидание триста лет назад у Ерофея Павловича Хабарова. До нас вообще дошло крайне мало свидетельств жизни этого великого русского землепроходца, да и те, что дошли, настолько противоречивы, что только и остается гадать, так или не так оно было на самом деле.

Бессспорно одно: Ерофей Хабаров был личностью весьма незаурядной. Этот крепких мускулов, дерзкого ума, недюжинной отваги вологодский мужик за свою жизнь успел совершить столько, что и сегодня диву даешься. Будучи еще моложе нашего знакомого, Сергея Хабарова, совершил он первую свою «вылазку» в Сибирь, пройдя на коче из Тобольска в мангайские земли, лежавшие в устье реки Таз. Затем побывал на Таймыре, на Енисее и Лене, на Куте, на Чечуе, на Витиме, Киренге, Олекме и Алдане...

Найдите эти места на карте, соотнесите их между собой, прикиньте по масштабу расстояние, мысленно сотрите ниточки каких-либо дорог — не было их, только реки были, а через водоразделы легкие (это только так говорится, легкие!) кочи волоком, воло-

ком по земле-матушке — вот и представьте теперь, какой энергией, каким мужеством надо было обладать, чтобы совершить все эти походы, если и два с половиной века спустя приамурский генерал-губернатор писал, что «приезд сюда (в Хабаровск. — В. Е.) из Европейской России и обратный отъезд — огромное путешествие, сопряженное всегда с приключениями, ложащимися печатью на всю жизнь».

А ведь Ерофей Хабаров не просто путешествовал. Достигнув новых земель, он жил там полнокровной жизнью, какая была по плечу не каждому. Он торговал и выискивал пахотные земли (с его именем связывают начало русского пашенного хозяйства в верховьях Лены, там, где сейчас берет начало БАМ), промышлял соболя и открывал соляные варницы, составлял карты рек и основывал поселения, ссорился с воеводами и разорялся, даже сидел в тюрьме за отказ ссудить деньгами воеводскую казну, но, выйдя на свободу, снова созывал сотовщицей и отправлялся в новый дальний поход.

Пружина его жизни была, кажется, заведена не на тот век, в котором он родился. Ему бы по плечу петровское время либо даже девятнадцатое столетие с его возможностями для предпринимчивости и деловитости, но кто знает, так ли была бы тогда богата событиями эпоха русского землепроходчества, оставшаяся без Хабарова.

А ведь, строго говоря, Ерофей Павлович не был первооткрывателем. Даже свой главный, наиболее знаменитый поход к берегам Амура он совершил, можно сказать, по следам отряда Василия Пояркова. И до него на Дальнем Востоке уже побывали казаки Ивана Москвитина, Семена Шелковникова и Семена Дежнева. Но нет ошибки в том, что именно его имя, Ерофея Хабарова, носит сегодня крупнейший город Дальнего Востока. Потому что именно с именем Хабарова навсегда связано не открытие, а начало освоения приамурских земель russkими людьми. В 1649-ю весну, выхлопотав разрешение идти на восток, он уже на следующий год с отрядом в 70 человек достиг Амура, основав на нем Албазинский острог, а затем и Кумарский и Ачанский городки — первые русские поселения на великой реке. Тогда же в своей «отписке об амурских землях» Ерофей Павлович писал: «Заведутся тут пашни и против всей Сибири будет место в том украшено и изобильно. На Амуре реке пашенных гожих мест, и сенных покосов, и рыбных ловель, и всяких других угодий гораздо много».

И сегодня, читая эти строки, давайте поклонимся памяти выходца из Великого Устюга, русского крестьянина, торгового и промышленного человека, морехода и землепроходца Ерофея Павлова Хабарова Устюжанина, по прозвищу Святитского, поклонимся за то, что свою беспокойной жизнью открыл он для нас край близкий и любимый — Дальний Восток.

Умер Ерофей Павлович, как говорится в Большой Советской Энциклопедии, «после 1667 года», не прожив и шести десятков лет. Могила его, по преданию, находится где-то на Лене, но где точно, не знает пока никто.

Но и сегодня, приехав в открытый Ерофеем Павловичем край, можно встретиться с Хабаровыми. К сожалению, связать воедино родословные ниточки, тянувшиеся из XVII столетия и века нашего, не представляется возможным: простые русские люди никогда не проявляли изрядного усердствования в уходе за своими генеалогическими древами. И все же, мне думается, окажись Ерофей Павлович в наших днях, не мудрствуя лукаво и не ломая головы, признал бы он всех Хабаровых своими сородичами и соратниками, потому как достойно носят они фамилию землепроходца на его пионерных землях.

В Хабаровском крае живут несколько сотен Хабаровых. В адресном бюро, удобно устроившись за столом, — работа не на один час — перекладываем стопки карточек. Должен сразу предупредить читателя, что никаких «заранее подготовленных

экспромтов» в нашей работе не было. Готовясь к встрече с каждым Хабаровым, мы знали о нем (или о ней) только то, что можно узнать из адресной карточки, в которой, понятно, характеристики ни человеческие, ни служебные не приводятся. Таким образом, наш поиск приобрел оттенок социологического мини-эксперимента. Скажу сразу, что ни разу нам не пришлось разочароваться в столь иенаучном методе выбора своих героев. Может быть, нам покровительствовала магия самой фамилии Хабаровых, которая происходит от слова «хабар», что на Вологодчине (помните, Ерофей Павлович родом как раз оттуда?) означает счастье, удачу?.. Не знаю, но факт остается фактом — все «наши» Хабаровы оказались людьми симпатичными и интересными.

— А мы ведь не настоящие Хабаровы. Моя девичья фамилия Ручкина, а Саша, муж, должен быть Ковалевым.

— ?!

И я услышал простую, но берущую за душу историю...

Но это было потом, в самом конце нашего знакомства, а сначала Валентину Александровну Хабарову мы застали в школе, которая была по-каникулярному пуста, пахла краской и почему-то заставляла говорить, понизив голос. Вы замечали: школьным зданиям уют придает не тишина, а толчек и гвалт ребятишек. В каникулы же школа кажется кораблем, выброшенным на берег. Но и в эти дни она продолжает работать — ремонтируется, набирает новые первые классы, продолжает занятия с отстающими... Троих таких своих подопечных Валентина Александровна только что отпустила и вошла в кабинет директора, немного уставшая и совсем не похожая в своем летнем платье на строгую учительницу.

— Трудных ребят? — спросил я.

— Трудных детей не бывает, — вздохнула учительница. — А если у них что-то не так, значит, мы, взрослые, виноваты, родители, педагоги...

Валентина Александровна преподает — нет, преподает не слово — воспитывает самых младших школьников. И хотя она сейчас учится на третьем курсе филологического факультета педагогического института, но и после ее окончания не хочет бросать младшие классы. «С ними, мне кажется, интереснее. Ведь что заложишь в человека с самого начала, то в нем будет. Вот в этом году мой самый первый класс, который я получила, прия в эту школу, закончил десятилетку. Совсем взрослые люди. А я смотрю на них — и своих первачков в них узнаю. И знаете, человек я не сентиментальный, а на «последнем звонке» расплакалась».)

Да, в сентиментальности эту молодую женщину не заподозришь, когда узнаешь, что на ее счету 267 парашютных прыжков и 1-й разряд. («Запомнился, кажется, 20-й прыжок. Не успела открыть парашют, но автоматика сработала... Сын обязательно будет прыгать. Это хорошая школа мужества».) Но не только о спорте может рассказать Валентина Александровна, хотя, кажется, после педагогики это одна из ее любимых тем. Коренная дальневосточница, она, окончив Хабаровское педучилище, работала пионервожатой, избиралась секретарем комсомольской организации школы, членом бюро райкома и членом горкома комсомола, депутатом горсовета.

— Сейчас от всех этих дел пришлось отпуск взять, — смеется Валентина Александровна, — дети...

Раскроем маленький секрет. Пока в семье Хабаровых дети лишь в единственном лице — в лице полуторагодовалого Алешки. Но к тому времени, когда читатели получат этот номер журнала, должен появиться на дальневосточной земле еще один Хабаров.

— Если будет сын, назовем его Павлом, чтобы потом его сын смог стать Ерофеем Павловичем, настоящим Хабаровым.

Что ж, может, через несколько десятков лет

другой журналист захочет встретиться с Хабаровыми и начнет свой рассказ со знакомства с Ерофеем Павловичем.

...А история фамилии, которую рассказала Валентина Александровна, вот в чем. Когда началась Великая Отечественная война, Хабаров ушел на фронт, оставил молодую жену. Он воевал вместе с другом — Ковалевым. В одном из боев Хабаров героически погиб, подорвав свой миномет и уничтожив немало фашистов. После войны Ковалев женился на вдове друга, но в память о нем детям своим дал фамилию Хабаровых...

Вот такая встреча произошла у нас в 29-й средней хабаровской школе, в одной из почти семисот школ края, бывшего некогда краем массовой неграмотности. Проведенная в 1923 году перепись дала неутешительные сведения: 63,5 процента населения Дальнего Востока совсем не знало грамоты, а среди коренных народностей этот показатель был равен 98 процентам. Таков был итог деятельности царского министерства народного просвещения, которое В. И. Ленин назвал министерством «народного затмения».

Сегодня же в Хабаровском крае только студентов высших учебных заведений в три раза больше, чем в 1915 году было учащихся общеобразовательных школ. Впрочем, то, что Хабаровск — город студенческий, можно понять, и не прибегая к помощи статистики.

Наш гостиничный номер, выходящий окнами на центральную площадь города, кстати, как говорят хабаровчане, самую красивую площадь в Азии, до самой поздней ночи дарил нам полузабытую атмосферу студенческого общежития, которая царствовала в Хабаровске в те июньские дни, вовравшие в себя сразу три важных события — окончание сессии, начало работы стройотрядов и приезд нетерпеливых сонскателей на звание студента. Послушав вечерний Хабаровск, наполненный гитарными пение, реборами и бесчисленными веселыми и грустными студенческими песнями, хотелось снова стать абитуриентом. А им в Хабаровске раздолье — выбирай любой из восьми вузов города, не считая филиалов заочных институтов страны. Крупнейший вуз края — политехнический, в котором учатся больше 11 тысяч студентов, занимает целый городок на северо-западе города. Мы зашли сюда, чтобы поклонять традиционное «ни пуха ни пера» второкурснице Наташе Хабаровой. В тот день Наташа сдавала экзамен «самому декану» не так давно открытого в институте архитектурного факультета.

Профессия архитектора очень нужна городу, население которого перевалило за полмиллиона. Ныне Хабаровск тянется вдоль Амура на сорок пять километров, занимая площадь около четырех-с половиной квадратных километров.

120-летнюю историю Хабаровска можно изучать по его архитектуре. Уже доживающие последние дни деревянные, затейливые резной отделки домов... Тяжело-красные, как бы надувшиеся, с маленькими оконцами, кирпичные купеческие постройки... Помпезные, с аляповатыми балконами, массивными козырьками карнизов здания, родившиеся в начале нашего века... Знакомые каждому русскому городу строения 50-х годов...

Нелегкая задача стоит перед зодчими — сделать старый город современным, сохранив при этом исторические особенности застройки Хабаровска, его архитектурные достопримечательности. Построенное сегодня должно быть не только удобным, но и красивым. Вот почему несомненной гордостью хабаровчан стали две новостройки города — уникальное здание театра музыкальной комедии и взметнувшаяся ввысь у амурского берега гостиница «Интурист» (в скобках заметим, что гостей в ней принимает старшая горничная Ирина Георгиевна Хабарова).

Многоэтажные микрорайоны выросли на бывших окраинах. Жилья в Хабаровске каждый год сдается больше, чем было его во всем городе до революции. И, конечно, среди тех, кто возводит

ВСЕ
КОГО
ВЫ ВИДИТЕ
НА ЭТИХ
СНИМКАХ,
ХАБАРОВЫ...

На привокзальной площади гостей встречает Ерофей Павлович.

Появилась на свет еще одна представительница славной фамилии.

Алешка, так же, как и его мама, Валентина Александровна, будет парашютистом.

Николай — один из лучших шоферов Вяземского лесхоза-техникума.

новый город, тоже есть Хабаровы — строитель с 35-летним стажем Федор Петрович и его молодой коллега, кровельщик Саша.

С Хабаровыми и делами их рук в Хабаровске вы можете столкнуться на каждом шагу. Покупаете хлеб — возможно, его пекла Мария Хабарова. Едете на поезд — он вышел из того локомотивного депо, где мастером работает Александр Хабаров. Берете билет на самолет — его штурманом может оказаться Константин Хабаров. Прибывая с мороза, греете руки у батареи — это тепло к вам пришло с ТЭЦ, где работает Зинаида Хабарова. У перекрестка затормозила машина, любезно уступая вам дорогу, — за ее рулем могут быть и Александр, и Николай, и Сергей, и Геннадий Хабаровы. Читаете вы репортажи со строительства Восточного участка БАМа — знайте, по этим местам одним из первых прошел геодезист Петр Хабаров. И лечить вас, и воспитывать ваших детей, и писать для вас картины, и доить коров, и создавать сложные машины — все могут многочисленные Хабаровы из Хабаровска.

Но разве можно представить себе Хабаровск без Амура! И разве был бы полным наш рассказ о Хабаровых, не окажись среди них человека, своею профессией связанного с великой рекой, того, кто ходил бы теми же водными путями, что и Ерофей Павлович триста лет назад... Вот почему, перебирая адресные карточки, так пристально вчитывались мы в графу «место работы». И он нашелся, он не мог не найтись — Хабаров-речник. Геннадий Николаевич Хабаров, капитан-механик РТ-669, один из самых молодых капитанов Амурского речного пароходства.

Правда, отыскать капитана в картотеке оказалось значительно проще, чем «поймать» его теплоход на просторах Амура. Но, наконец, в диспетчерской пароходства сообщили — завтра 669-й будет в Хабаровске.

РТ пришвартовался в затоне судоремонтно-судостроительного завода, где мы сначала познакомились с отцом капитана — Николаем Александровичем. Ровесник Октября, бывший детдомовец, без малого полвека назад пришел он на этот завод и за это время не изменил ни ему, ни своей специальности, — начав в 1931 году учеником, стал слесарем высшей квалификации. Сейчас Николай Александрович на пенсии, но продолжает работать на своем привычном месте. За долгие годы он подготовил не один десяток опытных слесарей.

— А вот токаря одного не смог сделать, — улыбается Николай Александрович.

Токарем на этом же заводе начинал свою трудовую жизнь его сын Геннадий. Но, видно, амурские ветры сманили будущего капитана в Благовещенск, в речное училище. С тех пор вся его жизнь с рекой связана.

— Я-то вот все на берегу, а уже «Заслуженный речник Амура», а Геннадию до этого звания еще плавать и плавать, — добродушно ворчит старый рабочий. Наверное, все еще переживает, что не пошел сын по его стопам. Ну, а с другой стороны, гордится, конечно. Речник — в Хабаровске профессия уважаемая.

Теплоход Геннадия издали похож лишь на половину настоящего корабля — это из-за срезанного высокого носа. Собственно говоря, так оно и есть. РТ — это речной толкач, и целое он представляет, лишь толкая впереди одну или несколько барж. РТ-669 — теплоход современный, мощный, оснащенный сложным навигационным оборудованием. Сейчас он возит гравий для строителей БАМа. Содержимого одной его баржи хватит, чтобы загрузить несколько десятков железнодорожных вагонов. Привезти груз в срок, в любую погоду — вот задача экипажа речного толкача.

Коллектив РТ-669 вызвал на соревнование экипаж РТ-665. Этот теплоход тоже хорошо знаком Геннадию, на нем он плавал старпомом.

— Нынешним месяцем мы их обошли, надеюсь, и в следующем не подкачаем.

Соперничество вообще в духе русского человека. А помноженное на хорошую организацию, оно делает абсолютно верной несколько затершуюся газетную формулировку «соревнование силы множит».

Своим тупым носом (мы идем без баржи) толкач, точно асфальтировочный каток, степенно подминает под себя темно-тяжелую воду Амура. С трехэтажной высоты капитанского мостика далеко видно. И постоянно в поле зрения теплоходы, толкачи, баржи, катера, моторы, быстрокрылья «Метеоры» и «Ракеты»... Едут люди, везут грузы — уголь, песок, нефть, машины... Дальний Восток строится. И великая его транспортная артерия — Амур не затихает ни днем, ни ночью. Протяженность водных трасс, по которым плавают нынче суда Амурского речного пароходства, составляет почти тридцать тысяч километров. Вышли амурские речники и в океан. Без перевалок из Хабаровска доставляют крупнотоннажные теплоходы грузы в Охотск и Магадан, на Сахалин и в Японию. За годы десятой пятилетки Амур перевез почти 100 миллионов тонн народнохозяйственных грузов.

Короткими гудками приветствуем мы встречные суда. И невозможно оторвать глаз от красавицы реки.

Амур обманчив. Плыешь в ином месте — от берега до берега рукой подать: где же великая река? Но смотришь — берег слева оказался вытянувшимся на несколько километров островом, а за ним другая протока, и еще одна... Сотни островов на Амуре. «Необитаемые», — скажет мой спутник. Но вот на одном из них проплынет аккуратно сложенный стожок сена, повеет дымком с другого... Амур не любит выставлять себя напоказ, лишь иногда, оставив на время позади острова и отмели, раздвигает безбрежно он свои горизонты, и кажется тогда, что плывешь ты не по реке, а по морю.

...С капитаном Хабаровым мы доплыли до Воронежа, где он должен был забрать разгруженные баржи.

Воронеж под Хабаровском целых три: первый, второй и третий. И не в том дело, что не хватило у их основателей фантазии на разные названия, а в том, что каждый хотел сохранить в них память о покинутых родных местах. Ну что же, что есть уже Воронеж — и мое село будет Воронежем! А порядковые номера им раздали уже потом.

Что и говорить, нужной, но нелегкой и горькой была та страница русской истории, что писалась на рубеже двух веков по сибирским, размытым дождями трактам натруженными ногами воронежских, вологодских, вятских мужиков, стронувшихся из родных мест «встречь солнцу» в поисках лучшей доли. «Ехали год — на масленицу выехали, на масленицу и приехали». Год! А это значит — 25 километров каждый день. И в дождь, и в жару, и в снег, и в метель. Не у всех хватало сил добраться до океана, многие оседали по дороге, но все же какова была сила притяжения дальневосточных земель, если только с 1885 по 1913 год из центральных и западных областей России переселилось сюда 372 тысячи человек, вплетавших в нанайские, нивхские, эвенкийские названия поселения свои Тамбовки, Орловки, Хабаровки, Воронежи...

В хабаровском Воронеже, как в капле воды, отразилось многотрудное обживание этих мест. Пять лет назад здесь мне довелось листать удивительный альбом — историю села, по крупицам собранную и записанную школьниками со слов их дедов и бабок. Уже вернувшись из этой командировки в Москву, я достал старый блокнот и вот какие выписки из истории Воронежа нашел в нем:

«Сначала появилось село на месте нынешнего Воронежа-3. Затем люди стали обживать другие места. Появились Воронеж-2, Воронеж-1».

Многие жители занимались рыбной ловлей, заготовкой дров на продажу, сенокосом. Землю пахать и сеять начали только в 1903—1905 годах. Весь скот пускали на волю без присмотра. Иногда случались несчастья. Дикие звери уничтожали коров.

телят. Медведи заходили в село, на огороды жителей».

«Бабушка много раз натыкалась на медведя с «галстучком» (гималайского), встречалась с тигром, других зверей было много».

«Магазина в селе не было. За всеми продуктами ездили в Хабаровку. В город везли дрова, продаются, а накупали товаров и хлеба на много дней».

«Связь с городом осуществлялась по Амуру. Один человек шел по берегу и тянул лодку за веревку, другой правила. Если позволяло течение, ехали на всплахах. Постоянной дороги по берегу не было. Зимой до города вел санный путь по замерзшему Амуру».

«В 1886 году была построена первая в селе 2-х классная школа во Втором Воронеже. Родители учеников обязаны были за каждого привезти кубометр дров для отопления школы, платили сторожу и учителю».

Комментировать эти безыскусные строки, видимо, нет необходимости. Хочу только с благодарностью назвать фамилии ребят, записавших их в тот школьный альбом: О. Прокопчук, В. Мазуренко, А. Казаков, А. Кузелабский, В. Ворона, А. Кабанова, Л. Золотова. Интересно, где вы сейчас, тогдашие ученики 9-й воронежской школы?

С воронежцами на Амуре мы неожиданно встретились снова, но уже тремя сотнями километров ниже хабаровского Воронежа, в Комсомольске-на-Амуре.

Этот город — особая страница в освоении Дальнего Востока, ставшая возможной только в советское время. Две главные составные успеха Комсомольска — это коммунистический энтузиазм его строителей и социалистическая политика государства в вопросах не просто заселения, но рационального использования приамурских земель. Отличие этой политики от прежних методов обживания окраинных мест, думается, прежде всего в новом, индустриальном, я бы сказал, глобальном подходе к решению старой задачи. И дело не только в орудиях производства — в тридцатые годы они тоже были не ахти какими завидными. Дело в том, что, пожалуй, впервые переселенцы на Восток были вооружены конкретной программой-максимум, которая сразу же стала общенародной заботой. Не просто закрепиться, обжиться в безлюдных местах, а построить город, гигантский завод!

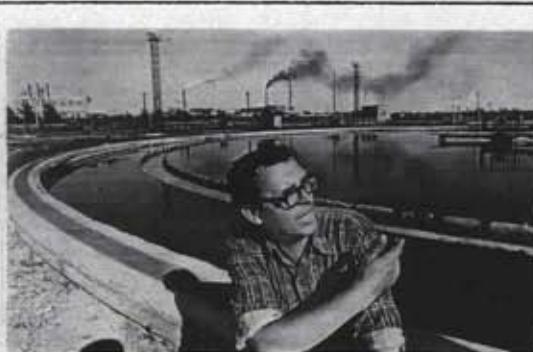
Не буду пересказывать историю Комсомольска, хорошо всем известную, памятную не только по документам, а и по живым рассказам. Приведу лишь три даты, на мой взгляд, характеризующие главное в судьбе Комсомольска — неистовое, напорное желание молодых строителей быстрее перекроить таежное прошлое на новый, социалистический лад.

Итак, 10 мая 1932 года первые комсомольцы со старых колесных пароходов «Колумб» и «Коминтерн» (не знаю уж, почему суда с этими названиями стали транспортом для первостроителей, но символика, согласитесь, налицо!) высадились на крутом берегу Амура в районе глухой деревушки Пермское. В июле того же года, когда поселок представлял из себя лишь несколько десятков обмазанных глиной шалашей да саманных бараков, на первой же комсомольской конференции стройки юные энтузиасты обратились к правительству с просьбой переименовать село Пермское в город Комсомольск-на-Амуре. 10 декабря того же 32-го года Президиум ВЦИК преобразовал селение Пермское в город, присвоив ему ставшее легендарным имя. Случай, возможно, беспрецедентный — статус города был дан не городу, а мечте о нем. Но мечта эта подкреплялась десятками тысяч заявлений с просьбой послать на восточную новостройку.

Трудностей было много, но и сегодня в самых бытовых воспоминаниях о тех 30-х годах звучит не уныние, а радость, светлая гордость днями своей молодости. Забегая вперед, перескажу слова одной из представительниц семьи Хабаровых, с которой мы познакомились в Комсомольске, Анны Андреев-

В этой дружной семье — представители всех поколений легендарного Комсомольска-на-Амуре.

Анатолий Иванович — электрик на станции биологической очистки Амурского ЦКК.

Полвека работает слесарем Николай Александрович.

Геннадий — один из самых молодых капитанов Амурского речного пароходства.

ны, комсомольчанки с сорокалетним стажем: «Поселили нас, семь пар молодоженов, в одной комнате. Только чайники деревянные у каждого свои, все остальное — чайник, кастрюли — общее. Но жили дружно, весело, не скорились никогда...» И в мелкой детали этой, внимательно приглядевшись, тоже можно рассмотреть дух Комсомольска.

Сегодня Комсомольск — обычный город. Я говорю это не для того, чтобы обидеть комсомольчан. Сегодня город имеет все, что должен иметь большой, промышленный город, — широкие проспекты и красивые здания, музеи и институты, общественный транспорт и гостиницы, театр и дворцы культуры, клубы... Но это закономерно — все это было заложено уже в том, упомянутом нами обращении комсомольцев к правительству с просьбой преобразовать село Пермское в город... Обычный город.

Когда семья Хабаровых — десять человек, и еще не все, в сожалению, присутствовали, — собралась в квартире Степана Клементьевича, нам представили все поколения города комсомольского подвига. За одним столом сидели ветераны и полные сил дети ветеранов — шофер, медсестра, рабочие, и совсем юные — учащаяся ПТУ, школьница, самые младшие — дошкольята Леночка и Настенька Хабаровы.

Первым в 1937 году приехал сюда Григорий Клементьевич Хабаров. Не цивильным уютом, а барабанной прозой встретил его пятилетний Комсомольск. Но на родину, в Воронежскую область, шли не письма-жалобы, а письма-приглашения — приезжайте, мол, не пожалеете. Сразу же после войны, в солдатской шинели приехал в Комсомольск второй Хабаров — Степан Клементьевич. Сейчас оба брата, два слесаря, отдавшие родному заводу, который вырос на их глазах, в общей сложности почти 70 лет честной работы, на пенсии. Но и сегодня в рабочей перекличке города достойно звучит фамилия Хабаровых. О каждом из молодых продолжателей дела отцов можно сказать немало заслуженно хорошего. Но послушаем старшего в этой дружной семье, Григория Клементьевича:

— Женьке рассказывайте, нынче его год...

Нынешний год для фрезеровщика Евгения Степановича Хабарова действительно особенный. Самый памятный в его 25-летней жизни. Можно сказать, триумфальный. Но давайте проследим путь к этому триумфу.

Родился Женя в Комсомольске. Еще заканчивая десятый класс, твердо решил стать фрезеровщиком («Мастерские у нас в 41-й школе хорошие, там и выбрал профессию»). Поступил на завод, где работали и отец и дядя, — на авиационный завод имени Ю. А. Гагарина. Специальность изучал в заводском отделе технического обучения («Помню первую деталь — пирамидку. Трудно получалась она, но тем интереснее стало»). Шестимесячный курс учебы он закончил досрочно и получил третий разряд. Работать направили в только что созданную новую группу. Все начинали с нуля. В 1971 году их группа получила звание группы коммунистического труда. В том же году ушел Евгений в армию. После службы вернулся на свое рабочее место. Продолжал осваивать фрезерное дело. («Однажды начал сверлить деталь — не идет. Оказывается, в марках стали запутался. Мне говорят: шел бы ты в школу мастеров, это же институт для фрезеровщиков».) Школу он окончил успешно и вскоре получил пятый разряд. Знания помогали творческому подходу к работе. Сегодня на счету Евгения двенадцать рационализаторских предложений, которые дали заводу тысячи рублей экономии. О высокой эффективности его работы свидетельствуют знак ЦК ВЛКСМ «Молодой гвардеец пятилетки», знаки победителя социалистического соревнования всех последних лет. План трехлетки Евгений выполнил ко дню открытия XVIII съезда комсомола и получил заслуженное право рассказать об этом непосредственно в Москве.

Вот оно — первое памятное событие. Событие второе — на съезде члена цехового комсомольского бюро, председателя совета молодых рабочих цеха, члена краикома комсомола Евгения Хабарова единогласно избрали членом ЦК ВЛКСМ. Событие третье («По очередности, но не по значению», — по правилам Женя) — по возвращении из Москвы Евгений стал кандидатом в члены КПСС. И, наконец, в этом же году в числе других посланцев советской молодежи поехал фрезеровщик из Комсомольска на Всемирный фестиваль в Гавану.

Традиционный вопрос к Евгению:

— Как ты сам оцениваешь все эти события?
— Как аванс. И еще... Помню, на съезде во время перерыва ко мне стали подходить люди и просить автограф. И отказать неудобно, и не знаю, почему ко мне такое внимание. Оказалось, ребята наши подшутили и представили меня как потомка Хабарова. Шутка шуткой, но потом уже подумалось: а разве не Хабаровых я потомок? Вот и попробуй-ка подкачай!..

Комсомольская хроника. Год 60-й.

ПО СТРАНИЦАМ МОЛОДЕЖНЫХ ГАЗЕТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ТАЕЖНЫМИ ТРОПАМИ ПРИАМУРЬЯ

Школа инструкторов-спелеологов открылась при туристском клубе Хабаровска. Лекции, практические занятия проводят геологи, краеведы, врачи, ученыe Института геологии и геофизики Дальневосточного научного центра АН СССР. Большинство слушателей — рабочие, служащие, студенты — уже не первый год посвящают свободное время увлекательным путешествиям. Летом они сами водят по Приамурью отряды энтузиастов. Десятки уникальных карстовых пещер обследованы на территории края. Среди них подземные гроты Октябрьского, Верхнебуреинского, Аяно-Майского районов. Собранные материалы помогут специалистам и ученым в раскрытии тайн недр земли, дальневосточной природы.

Члены секции спелеологов активно участвуют в спортивных соревнованиях. Так, сборная края была призером первенства Дальнего Востока по скалолазанию. Интересный и полезный отдых — туристский — широко прописался в крае. Маршруты тысяч любителей путешествий пролегают к заснеженным вершинам Баджала, отрогам Джугджурских гор и Сутарского хребта. На автомобилях, мотоциклах отправляются десятки групп по памятным и историческим местам Дальнего Востока.

«Молодой дальневосточник»,
Хабаровск

ДЕРЕВЯННАЯ ШАПКА АЛЕУТА

Более двухсот лет прошло с тех пор, как потерявшее управление судно русского путешественника Витуса Беринга пристало к неизвестной земле в океане.

Так командором Берингом в последний год странствий были открыты новые острова недалеко от Камчатки, острова, получившие имя «Командорские» в честь первооткрывателя.

Идут годы, но земля хранит следы отважных русских исследователей. На берегу бухты, где пристал когда-то фрегат Беринга, до сих пор находят бисер: разноцветные стеклянные шарики обменивались на продукты у местных жителей. И найденный на месте стоянки большой медный корабельный гвоздь — тоже подлинный. Многие музеи страны хотели бы иметь его в числе своих экспонатов.

Эти и другие предметы хранятся в народном музее села Никольского. Между прочим, и само здание музея — тоже памятник архитектуры XIX века. Экспозиция рассказывает о том, как боролся маленький мужественный народ — алеуты с суровой природой, как обживал остров и строил на кусочке земли в объятиях океана свой поселок.

Только алеуты-старожилы помнят времена, когда мужчины на острове ходили в кампейках — длинных куртках с капюшонами, сшитых из кишок сивуча. Обувью им служили торбаса, подбитые шкуркой нерпы — она предохраняла от скольжения. Все вещи сшиты жилами животных — обычные нитки из-за тумана и частых дождей сгнивали. Молодые жители Никольского и даже их родители не помнят ни камлеек, ни парок — одежду из шкурок птиц. А в музее время как будто застыло...

Инициатор создания музея — Евдокия Георгиевна Попова. Командоры — ее родина, земля ее предков. Евдокия Георгиевна — одна из первых комсомолок на острове. Ее портрет висит теперь в зале музея, посвященном периоду социалистического строительства. Преемница Поповой — учитель географии Зоя Александровна Иванова. По ее предложению создан отдел природы.

Заслуга инициаторов создания музея на Командорах неоценима. Они не дали кануть в Лету истории самобытного народа, по крупицам воссоздали его облик, собрали предметы одежды и домашней утвари. Коллекции богаты, одна за другой заполняются страницы истории Командор. А сколько загадок еще хранят эта пасмурная, суровая земля!

Оказывается, в давние времена местные жители носили на голове раскрашенные деревянные шляпы-шлемы. Как объяснить использование алеутами столь странного головного убора? Ни одного такого «шлема» на Командорах не нашли.

Объяснить эту на первый взгляд причуду предков, может быть, удастся сегодняшним жителям острова Беринга, хранителям и собирателям истории родной земли...

«Камчатский комсомолец»,
Петропавловск

Дальневосточный анчар

Ломали старый японский дом. Вдруг между досками что-то блеснуло. Через минуту бульдозерист держал в руках старинную изящную вазу. По черному полу лака летел восточный дракон, злобный и отвратительный.

Парень спрятал находку в сарае, решив, что вечером удивит родителей. А на утро следующего дня почувствовал на руках жжение, появились волдыри, сильный зуд и боль. Старичок фельдшер осмотрел внимательно: «Наверняка траву ядовитую хватнул руками?»

Прав оказался фельдшер: старинная японская ваза была покрыта лаком, приготовленным из сока самого ядовитого растения Дальнего Востока — сумаха, или токсикодендрона.

На Южных Курилах, а также изредка на юге Сахалина можно увидеть раскидистый полутора-метровый кустарник с многочисленными изогнутыми, словно змеи, тонкими ветвями. Иногда этот оборотень растительного царства имеет форму лианы, обивающейся вокруг деревьев и кустарников. Мелкие зеленовато-белые цветы сумахи восточного, или «ипритки», курильчане отличают безошибочно и стараются держаться «от греха подальше».

Однако, оказывается, некоторые люди «запаслись» врожденным иммунитетом против растительного яда. Они могут сдирать кору, растирать ее кожу — и ничего. А другим достаточно пожать руку, державшую ветвь сумахи, и начинаются страдания: кожа сходит как при ожоге. Проходит несколько дней, пока все заживет.

Люди давно нашли применение ядовитому растению. Японцы готовят растительный лак, не боящийся ни воды, ни кислот, ни щелочей. В тропических странах растет орех кашью из семейства сумаховых. Плоды его съедобны, а околоплодник содержит жидкость, из которой готовят смолы, применяемые в автомобильной промышленности.

«Молодая гвардия»,
Сахалин

Человек родился

В семь часов вечера по радио в Усть-Большерецкую районную больницу сообщили о том, что в Кихчиках должна рожать женщина, а в поселке нет ни инструментов, ни врача. Только двумя видами транспорта можно добраться до летней базы Октябрьского рыбокомбината, что находится в Кихчиках: водным и воздушным. Но на море в тот день бушевал шторм, а санавиация неизменно отвечала: «Нелетная погода».

Надежда была только на катер ЖК-503, направлявшийся в Кихчик. На его борту находился молодой фельдшер А. А. Тетерин, который спешил на базу к месту новой работы.

На берегу фельдшера ждали, и через полчаса катер уже отходил в обратный путь: Тетерин спешил доставить женщину в больницу. Снова огромные волны, рев мотора, дождь...

Роды начались прямо в море. Тщетно пытались выйти на связь и дать необходимые советы врачи областной больницы. Рация молчала.

Фельдшеру, три года назад окончившему Петропавловское медицинское училище, пришлося действовать самостоятельно. Помогал ему староста В. Потапов. В 4 часа 10 минут утра в судовой журнал была занесена запись: «На борту появился новый пассажир».

Через три часа мать и дочь были доставлены в районную больницу. «Назовите ее Марией», — напутствовал Ларису Константиновну Хромову староста. — Ведь родилась-то она в море!»

«Камчатский комсомолец»,
Петропавловск

Леонид КОКОУЛИН,
Магаданская область,
поселок Синегорье.

В ОЖИДАНИИ СЧАСТЛИВОЙ ВСТРЕЧИ

РАССКАЗ

-Ну что с тобой делать. Иван Петрович? — начал Тимуров планерку, не дожидаясь, пока в его кабинете перестанут двигать скамейками, стучать табуретками. — Не тянешь ты, Иван, мягковат. Где бы и надо характер показать, а ты... — Тимуров замолчал. Он увидел, что Иван его не слушает. «Как бы покрепче подобрать слова, чтобы пронять его». — План горит, Иван, а мы хладнокровничаем. Рыбыя кровь.

Иван поерзал на скамейке. Он сидел в третьем ряду от начальника. «Это у меня-то рыбыя кровь», — зацепило Ивана, — в наш водоем «холодуву́»¹ кинь, и у той кровь закипит, сварится. Вон сколько бригадиров, мастеров, прорабов, а он на меня накинулся. Вот и профорг Вяткин — глаза что-то у профорга закисли, тоже недосыпает. Механик мается, должно быть, почки сдаются, под глазами синие мешки. Пока на Вилюйском с женой жил, этого не наблюдалось. Теперь один в общаге, Ольга его на материке. Вот так у нас с Тонькой, — сравнил Иван. — Моя, наверно, извялась на узлах, ждет вызова. Ничего, теперь уж немного ждать, вроде заложили домик для малосемейных».

— Иван Петрович, — долетело до Ивана, — как думаешь вытягивать участок? Встань и скажи.

— Сказать по правде, и в эту декаду прогорим, — он порылся в карманах, развернул бумагу — оказалось, Тонькино письмо. Иван стушевался, выложил из карманов в шапку все содержимое и отыскал нужное — исчерканный клочок, начал читать:

— а) на постоянную работу потребуется кран К-162...

— Чего, чего? — переспросил Тимуров.

— Кран проши. Чем поставлю ходовые звездочки? И вообще без крана труба. Толчем воду, а экскаваторы стоят. Только за эти дни пятнадцать тысяч кубов грунта недобрали.

Два экскаватора на издыхи, а клюевский по чайной ложке выдает, какой уж тут план...

— Это мы уже слыхали, — отмахнулся Тимуров, — давай по существу, о внутренних резервах.

— А я про свою бабушку, что ли?

— Иван продолжал:

— б) закрепить за бригадой тягач пожизненно, как землю за колхозом.

в) дать новую рукоять для оборотного ремонта. А то что получается, — Иван оторвал глаза от бумажки, — мы вроде пожарников: полетела конструкция — кругом бегом, хватай, имай, пока латаешь, экскаватор стоит. И на какой стыне варим — разве металл будет дюжий?.. Сколько уже нашлепок насадили, срам глядеть. Вон как у Гошки на физиономии пластыри после Нового года...

С первого ряда по четвертый все засмеялись. Гошка тоже ощерил свой большой рот.

— Не строй, Иван, из себя шута, — предупредил Тимуров.

Иван будто не расслышал.

— Пусть склад выдаст электродвигатель, сальники, подшипник ходовой, звездочки. — Иван передал Тимурову письменное требование. — И надо что-то, Тимуров, делать со взрывниками, — вздохнул Иван, пока тот разбирал его писанину. — А то ведь как взрывают? Экскаваторы не могут взять: «козел» на «козле» и «козлом» погоняет — догробим технику. Нет у людей совести. Вот и вы, товарищ Тимуров, как начальник, не проявляете заботы — работаем без графиков, на износ.

— То есть как? Пронин!

— А вот так. Положено техническое обслуживание, а вы не даете ставить машины. — Иван сел.

Тимуров вышел из-за стола.

— АБВГДейку читать нам не надо, Пронин. То, что рукоять нужна, — нужна. А где ее взять? Негде. Стало быть, надо исходить из местных условий, настраивать людей по-боевому. А кто вам, Иван Петрович, мешает производить качественный ремонт? Укрылся брезентом, подключил обогревательный калорифер, сбил температуру — и варя. Няньку вам надо — подай, поднеси. Ты, Иван Петрович, смотри у меня, — пригрозил Тимуров, — как вы потом краснеть не пришлось.

— Стыд не дым, — отозвался сидевший рядом с Иваном бригадир Ляпунов, — жмете на бригадиров, куда бедному Ивану податься...

— Ты, Ляпунов, сиди, — оборвал Тимуров, — если надо сказать, возьми слово.

— И возьму, я что в самом деле...

— Короче говоря, — подытожил Тимуров, — расходитесь, а ты, Пронин, побудь.

— Будут стружки снимать, Иван, крикнешь, — подтолкнул Ивана Ляпунов.

— Иван, иди сюда, — позвал Тимуров. — Давай бери под забором спящий тягач, ставь на ход и считай, он твой.

Иван недоверчиво посмотрел на Тимурова.

— Отберешь, «Беларусь»-то отобразил.

¹ «Холодушка» — лягушка для охлаждения молока.

— Так то был и метла, и бульдозер, и экскаватор, чем бы рыли траншеи?

— А не отнимешь?

«Не должно бы, не похоже на Тимурова», — подумал Иван. Взять хотя бы случай с Вяткиным: когда в старой Мухтубе прорвало дамбу, если бы не Тимуров, гнить бы сейчас Вяткин в земле сырой. Вспомнить жутко: вначале скотнули заречный карьер, а потом хлынуло в вяткинский, а Тимуров как раз оказался на перешейке, ему бы драты на гору, а он в карьер, и тут его машину настиг вал — накрыло. Тимуров ножом располовил тент, попала под руку пустая канистра и стала поплавком. Плавает Тимуров по карьеру и слышит: в шуме воды кто-то склоняется. Вяткина нашел он на камне. Вода тому к горлу подступала. Отдал канистру и помог выплыть. А другой вот случай. Сам Иван свидетель. Летели они тогда с Тимуровым домой в Заполярный, да прихватила их в Киренске непогода. Целую неделю ошивались в порту. Народу набилось, как мошки в ненастную погоду. Вдруг подходит женщина и обращается, дескать, попала в беду, не выручите? Тимуров достал кошелек, трояк оставил на двоих, остальные отдал женщине, та еще пытались расспросить: «Ладно», — махнул Тимуров, — если встретите в Заполярном, отведите. Прилетели тогда как раз на Новый год, сидели за столом. Вваливается Вяткин с компанией, полные руки пакетов, и та женщина с ними. «Какой из них?» — спрашивает Вяткин. Та огляделась — и к Тимурову. Женщина оказалась женой Вяткина. Вот так и было.

Нет, не может Тимуров обмануть, сколько уж постройкам вместе. Начинали экскаваторщиками, бригадирами, потом Тимуров подался в механики, а когда открыли на стройке техникум, с отличием закончил его и выдвинулся в начальники. А Иван так и остался в бригадирах. Попытался в институт, да сорвался на экзаменах. Теперь уж ни к чему, Тоньку бы только дождаться, сынишку до ума довести. Какое уж там учение.

— Ну, ладно, — сказал он Тимурову, — с тягачом решено, давай кран.

— Выложил и дал, — Тимуров вывернул наизнанку карманы брюк, — на!

— Красноречиво. Меня такие сюжеты не устраивают, кран давай! У тебя душа не болит, а мне людей кормить надо.

— Не знаю, не знаю.

— К начальнику стройки, что ли, податься? Ругаться буду...

— Ну да, еще не хватало к начальнику.

— Такая нуда-то — похоже чесотки, — буркнул Иван и снял с телефона трубку, покрутил диск, а когда в трубке отзывалось, сунул ее Тимурову.

— Видите ли, какое положение, — начал заняться Тимуров, — Кран К-162...

— Авария? Несчастный случай?.. — рокотал в трубке. — Нет! Тогда на планерке доложите. — В трубке щелкнуло.

— Ну ты, Иван, достукаешься у меня, — пообещал Тимуров. — Эти шуточки...

— Учту. Ну надо же что-то предпринимать.

— Поедем со мной.

Тимуров снял с гвоздя полушубок, бросил на стол, поглядел пристально на Ивана, быстро оделся и в двери. На улице он постоял около машины, по-видимому, соображая, ехать или не ехать, потом сказал решительно:

— Ну что ты, Иван, топчешься, как глухарь на току. Садись. А ты давай гони на техбазу, — приказал Тимуров водителю.

Безрессорный «газик» трепало по ступняку, как по стиральной доске.

— Хоть бы песку подсыпал! — морщился Тимуров.

— Толку-то, водой бы залили колдобины, — посоветовал Иван, — не используют холод.

— Поверни-ка к крану, — попросил Тимуров шофер, когда они выехали на базу. — Соловьев, почему не работает? — крикнул Тимуров в приоткрытую дверцу.

— Работаем, — ответил крановщик, — транспорт ждем, с утра ждем...

— Ну вот тебе и кран, Пронин. Забирай Сомова, поставьте «звездочки», отпустишь Сомова, поедешь в распоряжение Пронина. Вылезь, Иван, да не тянни резину...

— Не понял, — сказал Сомов, — к кому ехать. Спроситесь у начальника базы.

— А я тебе не начальник? Ты у кого, Сомов, деньги получаешь?

— Ну, у вас, — нетвердо признал Сомов. — Но рапорт подписьивает он. Кстати, вот он идет.

— А-а, здорово! На ловца и зверь. Почему не используете технику? — приступил Тимуров к начальнику базы.

— А тебе какое дело! Деньги за машину-смену получаешь? Чего еще? Мне выгоднее кран держать на простое, нежели транспорт. Подойдет машина, потом бегай, ищи. Так что снимать ни в коем случае не разрешу. Сорвешь разгрузку — простой за твой счет. Лицо оформлю акт.

— Ишь ты, какой скорый, за мой счет, — обмяк Тимуров, — видели его... Ты видел, Пронин?

— Видел. У него же в жилах гудрон, сам не съем и людям не дам. — Иван плонул и направился к дороге. Тимуров тоже хлопнул дверкой и укатил вовсю. Иван на перекрестке подождал попутку на тринадцатый карьер. Но ни встречных, ни попутных машин не было. Непросушенные валенки стучали колотушками, ноги зашлились от мороза. Иван немного потоптался, досадуя: «Сколько времени потерял зазря... Начальник базы еще тот гусь — к себе гребет. Видите ли, машины пространствуют, а экскаватор бездействует — это что, не машина? Сколько простой экскаватора стоит государству? Да и кран-то надо всего на пару часов, вот как дело поставлено. Каждый себе...»

Дорога шла круто в гору, дышать становилось трудно. Иван укоротил шаг. «Вот так, Антонина! А ты, наверное, думаешь: твой Иван вершит дела на колымской земле. Интересно, что она сейчас делает? — Иван поглядел на часы. — Э-э, еще потягивается». Иван представил ее в одной рубашке, с распущенными волосами — защемило сердце. Он одолел последний кругой взлобок и сразу оказался в карьере.

Экскаваторщики увидели бригадира, вышли из кабин, спустились на землю.

— Почему бортовые не мажете? За версту слышно, как хрюстят...

— Мазали, — ответил старший машинист Клюев, — только и делаем, что мажем.

— А напорные?

— Не видишь разве?

Иван забрался на гусеницу.

— Полезай, полезай, — пригласил он следовать машиниста.

Проверили. Действительно, плохо напорные шестерни смазаны, сухие зайчики на зубе гроют.

— Вот халтурщики! Одни как надо делают, другие так себе, — оправдывался Клюев. Иван слез с экскаватора и стал набирать в шприц из бочки коричневый, как повидло, солидол.

— Ладно, бригадир, — забирает у него шприц помощник, — сами справимся.

— Разогнать бы вас, — не повышая голоса и ни к кому не обращаясь, говорит Иван. Он понимает, что говорит глупость. Куда разгонишь! Просто зло берет. Как в плохой семье — все шиворот-навыворот. — Ну что вы кряхтите, должны же мы за что-нибудь отвечать.

— Экипаж что-то бузит, — отвечает Клюев.

— Вот, вот, — встремев помочник, — некоторые приходят на работу, как на парад, только белых перчаток не хватает.

— Иди ты! — Клюев нахлобучивает помощнику шапку на глаза.

— Сквозняк гоняешь без толку, машина крутиится — ладно, поломалась — на отдых. А грохи ведь от колеса наматываются.

Иван еще не ложим, к чему Клюев клонит, но слушает терпеливо.

Клюев прикурил потухшую сигаретку.

— Сколько за это время перебывало на экскаваторе? Не меньше дюжины... Вот ведь какая закавыка, а вы как чуть — гнать. Куда гнать? Ну, выгнали человека, ушел. Ладно. Подался в другой коллектив, получилось, вину с себя сняли... Не узнали как следует, не наставили человека. А куда выгнали? На другую планету? Нет. С луны он к нам свалился? Опять нет. Выгнать проще. А о чем думает в это время бригадир?.. Нечего сказать, да?!

Мысль Ивана билась в поисках достойного ответа Клюеву, а руки уже привычно отмеряли складным металлическим метром расстояние проушин на обшивке. Иван давно собирался заменить отбитый бруск на клюевском экскаваторе.

— Ну, как живешь, Иван? Чего не заглядываешь? Моя уже интересовалась, — спросил Клюев как ни в чем не бывало. И, не дожидаясь ответа, продолжал: — Ты давай хлопочи насчет крана, сколько можно?

— Если не забуду, не закручу. Вы одни, что ли, у меня? — Иван приосанился, повысил голос: в самый раз бы отдалась от Клюева, уйти.

— Слушай, Иван, вот ты говоришь, если не забуду — кран добуду! А в табеле-то ставить десятки себе не забываешь?

Ударило в висок. Иван внутренне весь напрягся.

Клюев хмыкнул.

— Совесть нечиста у тебя, Иван. Видишь, как тебя коробит. Зачем мне-то пришлили десятку в субботу? Ни кой два часа приписал? Ребята ведь пахали.

— Я тоже не сидел сложа руки да еще горло драл, за вас же! — выпалил Иван.

— На то ты и бригадир, — мирно сказал Клюев, — сверху получаешь. Человека, Иван, только располня: руки загребущие, глаза завидующие. Все гроши, Иван, не захапаешь. Клюев затянулся, обдул с сигаретки пепел, — опасный ты, Иван, становишься человек. Исправляться давай, Вания. Вот что я тебе скажу.

Клюев докурил сигаретку, обжигая пальцы. Сходил, проверил масло в бортовой, сколько помощник налил. Вернулся.

— Что же это ты такой сморенный, Иван? — сменил пластинку Клюев. — Тоскуешь? Если надо, скажи, балок сварганим, подсобим. Чего зря убиваться. Когда Антонина-то приезжал? Могли бы и у меня пожить.

— Все равно жизнь загублена, — криво улыбнулся Иван.

— Ну это ты зря. Мужик ты талантливый.

— Никаких у меня талантов, — разозлился Иван, — бросила меня Тонька.

— Не ври. Такого быть не может. С моей-то они переписываются письмами. Моя за тебя всю плешь проела.

Клюев вспомнил, как еще на той стройке, в Заполярном, копали котлован. Белое безмолвие, будочка на отшибе. В будочек, насквозь щелеватую, симпатичная девушки целыми днями топит железную бочку-печку, ставит точки шофера — ездки. И грызет Ивана. И чай соляркой пахнет, и плохо запаривается. Это Тонька. Жили они с Иваном тогда в палатке за карьером, где не достают взрывы. Ничего жили, бодро. Наряды рисовали вместе, если не сходились ездки с фактурой, лазали по карьеру. Тонька с кивелиром, Иван с рейкой. Построили первый дом, дали им комнату. Тогда настояли они, чтобы и Клюев вызвал Наташу, четвертом жили — и ничего. Вздохнул Клюев, оглянулся, а где же Иван? Иван зубилом рубил на гусенице проволоку. Клюев подошел.

— Что, Иван, тряс собираешься менять?

Иван поднял глаза. Клюев стоит в телогрейке-обдергайке, уши спрятал в кузы воротник. Ветер срывает колючий снег с верхних ярусов и крутит в карьере, словно в воронке.

— Берите ключи, — говорит Иван, — снимем пока с «тройки», все равно не работает экскаватор, привезут трос, перебросить недолго.

— Кто это мы? — Высовывается из-за гусеницы помощник.

— Все. Вы. Машинисты и помощники.

— Это не мое дело, мое дело «телегу» мазать, «шарманку» крутить, я не пойду трос снимать, вези готовый...

— Не пойдешь — не ходи, крестик в табеле поставлю.

— Не поставишь! Мы свои права, брат, знаем, почтываем «Человек и закон», местами иногда и профсоюзные справочники, так что...

— Слушай, Иван, вот ты говоришь, крестик в табеле поставлю, — опять вступает в разговор Клюев, — на нервы давишь, калаешь на мозги. А сам ведь не в состоянии кран дать. Сальник течет, обгадил всю машину, масло жрет, какая уж тут производительность...

— А какие надо принимать меры? Как ты считаешь? — бросил Иван. — Ты ведь тоже голова, старший машинист, так! Другой посчитает за оскорблечение, если в его дело нос сунули.

— У меня же нет базы, склада. Мне дали — я поставил, и вперед, — стал оправдываться Клюев, — нужен контакт.

— Ну, а если нет контакта, леняй на себя, никакой ты тогда не голова.

— Смотри, как ты заговорил, — не обиделся Клюев, — что-то я раньше не замечал, дипломатом стал, не иначе.

— Арифметика простая, — понизил голос Иван, — пришли машинист с помощником. На смену дай машину, как положено. Экскаватор — это рабочее место и хлеб тоже. Отработал — сдай, как положено, пожалей всего хорошего и отдыхай. Но уж если поломка — крутись. Свистать всех наверх, тут уж ты голова.

— Да ладно, завелся. Это все прописные истины при нормальной работе... А мой оголец, знаешь что, Иван, отмочил? — засмеялся Клюев, протягивая Ивану сигарету. — Сочинение написал: «Мой батя на стройке служил в тяжелой артиллерии, легкой на подъем. И выполнение государственного плана в основном зависит, как сработают механизаторы и мой отец». Каков, а? Стоит жить. Понимаешь, Иван, когда мы с тобой Вилойскую еще начинали, экскаваторы дали, помнишь? Я ведь топора в руках не держал. А потом как навострился. Как заведенный после работы балок строил. Интерес был. Понимал, с моей Наташкой никак нельзя врозь. Вспомни, вспомни: штаны не держались, а душа пела... Иван вспомнил, тогда он еще подначивал: «Вот увидишь, Клюев, сбежит от тебя Наташа!» Клюев, Клюев... Эх, и Тонька, Тонька! Ну, что квартира, чего ее караулить, куда она убежит. Гарнитур жалко, поцарапают, обдерут черную полировку. Глядись теперь в нее. А если сердце на куски, все в ссадинах — этого мы не видим, не замечаем. Все как мыши стали, хватаем гарнитуры, дубленки, канделябры-модельяры и все к себе в нору гроют. Собираются по праздникам даже перестали. Песен не поем. Только и тойкум о сберкнижках да о машинах. Едим друг друга поедом. Вот и мы с Клюевым без соли жрем друг друга, злее не знаю кого стали...

— Ну, я пошел, — сказал Иван.

— Давай, давай.

Иван выбрался из карьера и вышел на широкую наезженную дорогу. Перед ним открылась панorama поселка: до самых домов стоял окружавший лиственничный лес. Сквозь курсак пропустали черные, будто обуглившиеся прутья. За деревянным кварталом поднимались пятиэтажные дома. Иван уже знал, где должен встать малосемейный дом, а когда подошел к поселку, ужаснулся: из-под земли торчали сваи. Тоска отозвалась в сердце едкой болью. У Клюева жена, и пацан при нем. Когда делили первый дом, больше всех драл голос кто? Клюев. Лез из кожи — теперь живет. А Иван все телится, как говорит Клюев, да и Тонька сама виновата: уведут, потом будем локти кусать. Верно, что жизнь не стоит на месте. Но и бурю переть тоже нехорошо. Иван злился, а на кого, и сам не знал.

К начальнику он не вошел, а влетел, бухнулся в дверь. За столом сидел Тимуров. Больше в кабинете никого не было.

— До каких пор это будет продолжаться, вы что, Тимуров, издаваешься!..

— Не будет тебе крана, Иван, кричи не кричи, — остановил Ивана Тимуров.

— А-а! — только и сказал Иван и вышел.

У крыльца стоял «газик». Иван бросился к шоферу.

— Спроси шефа, — кинул водитель и тут же посмотрел на дверь.

Иван побежал к масловозу.

— Слушай, браток, подбрось на монтажную, а то ноги не гнутся.

Шофер высунулся из кабины, посмотрел бригадиру на ноги.

— Два подбросим, раз поймаем. Лады. Поехали.

Иван бухнулся на сиденье и хлопнул дверкой.

— Ты, бригадир, на моей «Катке» зло не срываи, она ни при чем тут.

— Извини.

Некоторое время ехали молча.

— Тиши и благодать, — первым заговорил Иван, оглядывая пустое заснеженное поле, на котором валился разобранный кран.

— И филонов не видать! — подсказал водитель.

— Не видать. Даже сварочный не подключили, ни линии, ни трансформатора.

Иван направился к обогревалке. Над трубой плескался красный язык пламени, словно будка дразнилась. «Опять дранку палат». Иван резко открыл дверь — шибануло парким, спрятным воздухом. Он задержал дыхание.

— Ну, вот и Иван нарисовался, а говорили, не придет, — подхватили монтажники.

— Не удивился, так явился.

— Садись, бригадир, врежем козла. Да садись!

— Еще успеет насищаться.

— Раньше сидет, раньше выйдет...
— Ты скажи, Иван, работа стоит, а как зарплата, идет?
— Может, все-таки попробуем укрепить узлы,—предложил Иван,—что так сидеть?
— Давай кран. Тогда и разговор будет.
— Ну, что темнить, оси не совпадают,—подал голос звеньевой.—Вымеряли ведь, деформация... пусть начальство чешется...
— Сидите, прите,—лавши голосом сказал Иван.
— Так и захворать недолго. С жару—да на мороз.
Иван поставил ногу на пучок дранки.
— Чья работа?

Стало тихо, только было слышно, как с потягом заливалась печка.
— Ты, Маслов, пойди-ка спроси у мастера, сколько недостает у него дранки и сколько она стоит?
— Давай оформляй на полставки, буду бегать, а так не-ет,—протянул Маслов.
— Тогда политбеседа окончена, выходи строиться.
— Ты извини, бригадир,—опять подал голос из темного угла звеньевой.—Как будем жить дальше? За прошлый день актировать? Или как, что указать! В акте, почему простой, кто не распорядился?
— Зачем акт, подведем человека!—зашумели монтажники.—Можно договориться. Площадку ведь чистили, а в Магаданской области ого-го сколько снегу, на сто бригад хватит. Так, бригадир?

— А кто ответственный за монтаж базы. Захар?—спросил, в свою очередь, Иван.—Почему отверстия не прогнали, как на высоте стыковать станете? На первый случай, Захар, коэффициент участия тебе ставлю 0,5.

— Ты это брось, это тебе не царское время—работягу рублем по брюху...
— От этого изверга всего можно ожидать,—сказал кто-то.

По голосу Иван не разобрал, рассматривать постеснялся, сделал вид, что не расслышал, а у самого спина взмокла. «Изверг»,—гудело у Ивана в ушах.—Сами тунеядцы». Он привалился к косяку. На него смотрели чужие, незнакомые лица. И это его товарищи, с которыми столько лет он работал вместе. Ивану казалось, что рушится все, чем он до сих пор жил и был счастлив. «Конечно,—промелькнуло у него в голове,—можно бы отвесить поклон, превратить все в хохму. Ничего не стоило добавить в наряд и снегу. Тимуров подпишет. Кран ведь он не обеспечил, пусть расхлебывался бы, а парни пусть в тепле сидят, козла режут. Но сколько веревочка ни веялся, конец один. «Изверг». Ведь понимают, сам посеял. Сколько ловчил, приписывал и не только колымский снег... Тут надо решиться: или быть бычку на веревочке, или рубить—так рубить... Приписывал, да! Вроде думал, для ребят... А получалось—маскировал бесхозность, нераспорядительность. Породил невзаждение. А какой же теперь выход? А выход один. Нет. Не увертки, послал выиграть время и извернуться, а начистоту, ложь под корень. Так больше невыносимо».

Иван поднял глаза. Мужики, наступившие, сидели на лавках и ждали. Иван поморщился, как от зубной боли. На память пришел Костя Смирнов: он же отказался от грамоты. «Не мог я дать такую выработку,—доказывал машинист,—точковщицы напортачили. Другое дело бы, если наростились ковши, тогда...»

В бригаде сказали:
— Что тебе, жалко, брал бы, раз дают, гляди—и премия.

— Дают, говорите? Разворачивают дутыми рекордами...

Икры нечем.

Иван подшагнул к столу, достал лист бумаги, сел составлять акт. Сгорбившись над столом, он неторопливо водил шариковой с красным набалдашником ручкой. Иногда, задумавшись, грыз набалдашник. И тогда было слышно, как царапалась в оконном стекле поземка. В конце листа Иван размашисто поставил свою подпись и положил акт перед звеньевым.

— Расписывайтесь.

Пока Иван складывал в карман свои бумажки, ручку, звеньевой пробежал акт, а последние строчки прочитал вслух.

— Простой звена произошел по нераспорядительности бригадира. Мы, монтажники бригады И. П. Пронина, требуем на законном основании лишить его бригадирских и строго...

— Кстати,—перебил Иван звеньевого,—укладывать шпалы, рельсы, бить костили, «шить» путь можно и без крана...—и направился к выходу.

— Мужики,—послыпалось за его спиной,—человек себя не пожалел, если по честному—нас голову ложит...

Иван толкнул дверь, вывалился из будки, глотнул свежего воздуха и побрел по колено в снегу направляясь к конструкциям. Из-под снега торчали скрутики проволоки. Иван потянул за скрутку, разгреб ногой снег — оказалось, монтажная стойка. Сходил за кувалдой и стал рубить проволоку. Захар принес и бросил к его ногам ключи, ломики—отвернулся и стал смотреть, как пурхается в снегу тягач.

— Ну что он, белены объелся?—всплеснул руками Захар.—Рвет так технику!—И махая, побежал навстречу. Тягач подтащил треллер, и взмокший Захар подошел к нему.

— Вот,—сказал он,—его родная стрела, а эта,—он постучал по решетчатой конструкции,—эта не от той стенки гвоздя.

— Почему колеса у треллера не крутятся, юзят?—обратил внимание Захара Иван.

— Как почему?—удивился Захар,—и верно.
— Ведь резину погребите.

Колеса дымили паром.

Скрипнула дверь. Из будки один за другим выходили монтажники с инструментом и направлялись на площадку.

— Никакой ты не монтажник, Захар. Иди забивай костили в шпалы. Отстраняю...

— Один момент,—наклонился Захар и, украдкой взглянув на товарищей, на крановщиков Алену, вполголоса попросил:—Ну, Иван, не повторяется, слово...

К ним подходили звеньевой, Маслов.

— Один момент.—Захар схватил стропы и побежал к треллеру, остановил тягач, помягчил руками, застрипил треллер, и не успел Иван моргнуть глазом, как треллер лежал кверху колесами. Захар сбегал с ведромком за маслом. Пока звеньевой со своими ребятами собрал пролет пути под монтаж крана, Иван вымерял и делал разбивку осей. Захар поставил треллер на ноги. У колес в лужице масла задрожали звезды.

— Тут, на севере, звезды крупнее, что ли?—сказал Иван.

— Крупнее,—поддержал Захар,—когда крупнее, но пару фонарей не мешало бы, осветить площадку. День-то что он, чирк—и нету. Разреши, я сбегаю к электрикам на тягаче?

Иван хотел было возразить: что еще выдумали, на тягаче—велосипед, что ли, но махнул рукой, вали, дескать. Через час тягач, отфыркиваясь выхлопной трубой, волок передвижную опору, и вслед гуськом шли электрики с когтями на плечах.

Захар выпрыгнул из будки.

— Видал, Иван, сачки мне нашлись,—кинулся Захар на электриков,—день проболтавшись — и смываться.

— никто не хотел,—обиделся один электрик,—сами телились день, а теперь в жмурки играй с вами.

— Гляди на него,—удивился Захар,—мы же виноваты. Вот паутинщики! Да ты знаешь, что это за объект? Ну, ладно,—примирительно сказал Захар.—Натягивайте.

Электрики провешивали контур площадки, подтянули опоры, «раскрыли» их, словно складные ножи. Натянули провод.

— Ну вот, теперь другое дело,—радовался Захар.—Алена, ты бы чаек поставила. Чайку пошвыркаем, байки помыркаем, наберем силы, можно и домкратами поднять базу. Верно я говорю. Иван, Алена, давай купеческого. А мне нравится Алена, правда, чересчур тоненькая, зато глаза какие чистые. И косы. Хорошая девушка,—проводил взглядом крановщицу Захар.

— Тебе бы такую жену,—сказал Иван.

— Не возражал бы.

— Да кто за него пойдет, какая по недоразумению клюнет, на второй день сбежит,—поддел Маслов.

— Ну, это ты зря. За такого парня...—вразбранил Иван Маслову.

— У нас в деревне,—вдохновился поддержкой Захар,—был такой случай. Батяня мой

и говорит, как раз на День Победы было. А что, Захарша, пойдем сватать Глафиру Андреевну, агронома нашего. Мамана, конечно, супротив.

«Ты что, сдурул, за такого охламона—первая невеста». «Это я-то охламон, плохо вы меня, мамана, знаете». «Какой же он охламон,—вступил отец.—Парень как парень. Ты, Захарша, не лупай зенками, надевай мои хромовые сапоги. Достань, мать».

Ну я, чин чинарем, оделся, глянул в зеркало, еле устоял—прин...

Мамания тоже обиживала, пуговицу на ходу пришивала. Возмы, говорит, что-нибудь в зубы, а то память зашибь. Взял конец галстука, стоя, жую. Мамания присобачила пуговицу, покрутила, поддергала каждую на пиджаке. Ну, говорит, касамол, благослови тебя бог. Как же, говорю, будет бог благословлять комсомол—не положено.

— Ну, ну, Захар, не уводи, давай ближе к делу,—зашумели монтажники.

— А что ближе, прихватили четверть первача—и к Глафира Андреевне. На огонек, говорим, завернули. «Вот и хорошо сделали,—отвечает.—Радость у меня—гость приехал. Очень хорошо, что зашибь».

Слышу, кто-то за перегородкой фыркает под умывальником. А Глафира Андреевна глаз от меня оторвать не может. Какой, говорит, ты, Захар, жених, и все тут. Жаль, опоздал...

— Мужики!—помахала из будки Алена.

— Давай, ребята, чай готов, потом доскажу.

— Чай пить—не дрова рубить... Может, и в самом деле Алена сосватаем, а, Захар?

— Другой бы спорил.

— Ты это серьезно?

— Более чем серьезно.

— Ладно.

Ребята с шумом ввалились в теплушку, сбросили у порога рукавицы, телогрейки, примостились у стола.

— Да будет свет,—сказал электрик и щелкнул выключателем. Стало до боли в глазах светло. На столе дымили паром кружки, в изоляторе—пильные кусочки сахара.

— Прелест!—потянулся носом Захар.—Медаль тебе, Алена, за такое полагается, первый буду голосовать.

А Иван, наклонясь к Алленке, шепнул:

— Видела, как у Захара глаза загорелись? Отчего бы это, не догадываешься?

Алена пожала плечами.

— Не заметила.—Полные губы ее вздрогнули.

— Ну, Захар, и молодец же у тебя Алена,—прихлебывая чай, похвалил звеньевой.

— С чего ты взял, что «у него»?—хочотнула Алена.

— Да Захар ничего парень, вон какой здоровый.

— Сваи забивай!—заржал парни.

— Но это вы не от ума,—заступился Иван.

— Ума нету, считай, калека,—смеялся и Захар.

— Все это белыми нитками шито,—сказала Алена.—Пейте да мотайте, уже поздно, сваты несчастные.

— А что, Алена, может, и правда в сельсовет, оформим отношения. Пара вы—что надо.

— Хороший ты, Иван, человек, а что это ты за других переживаешь? Ты за себя...

— Давай,—подхватили парни.—Нам-то не все ли равно за кого пить,—оба вы бравые, оба хороши.

— Спасибо, Алена,—сказал Иван.—Я ведь ненормальный—однолюб. Тонька у меня.

— А у меня Санька. На Курейку оборотом сматывался. Тут ему не жилось. Видите ли, река мутная, харюзом мало. Подожду еще год, два, три. Плохо, конечно, одной, что скрывать. Но вот запал человек в душу, и уже ничем не вытравишь. И надо ли вытравлять...

— Пошли, хлопцы! Шабаш! Свадьбы не будет, чай кончился.

— Пошли так пошли,—поддержали монтажники своего звеньевого. Кто-то уже из темноты за порогом сказал:

— Видал, какая женщина.

И заскрипел под валенками снег...

Утром на площадку Иван пришел чуть свет. Здесь уже вовсю стучали молотками. Слышался простуженный голос Захара. Тут же и Алена в тую перетянутом меховом комбинезоне подавала ключи.

— Ты только погляди, бригадир,—встретил Захар Ивана,—как изуродованы монтажные стойки, отверстия не совпадают, а стрела не стрела, коленчатый вал.

— Поглядим, поглядим, так уж и коленчатый вал,—ответил Иван.—Неси-ка, Захар, проволоку.

Захар принес моток миллиметровки. Они с Иваном натянули струны к стреле. Иван ввернул оси—действительно пропеллер. Подходили монтажники, «стреляли» глазом. Потом достали сигареты, сели на шпалы. Задымили, головы не поднимают.

— Что вы, как хороните? Иван, ты-то хоть думашь?—поднялся звеньевой.

— Думай не думай—а воробей орлом не станет,—невесело отозвался Иван. Бросил окорук и пошел к парку тяжелых машин.

Ребята смотрели в спину бригадира, что это он еще надумал.

— Топиться пошел,—предположил Захар.

Часа через два, мигая фарами в предрассветной мгле, на монтажную площадку въехала «Техломощь». Из дверей полетели стяжки, струбцины, клинья, домкраты, а за ними и Иван спрыгнул.

— Вот что, парни, надо кого-то откомандировать за краской, подобрать идентичный колер.—Иван потолкал ногой ярко-желтую конструкцию.

Монтажники переглянулись. Захар подмигнул:

— Понятно.

— Ну, кому же поручим? Конечно, Алена Трубачевой.

Алена не возражала, ей даже было приятно поручение. Только не все понято у этих монтажников.

— Только смотрите,—усомнилась она,—если хотите глаза замазать, то не выйдет.

— Мы тебе, Алена, новую конструкцию отштампую,—шутлили ребята. И «отштамповали»—захочешь, не придерешься.

Теперь дело стало за кабиной.

— Куда же эта кабина годится. Ведь кабина—лицо крана. А к такой фигуре такое перекошенное лицо!—хомхили монтажники.—Придется тебе, Алена, смотреться в командинку на завод через Курейку за новой кабиной...

Иван ходил вокруг кабины, обнюхивал, вымерял, рисовал. В такие минуты на сердце у Ивана отпускало, Антонина как бы отходила в сторонку, не на большое расстояние. Не думать о ней он не мог.

Белые облака из дымчатых переливах спокойно плыли по колымскому холодному, вытекенному до блеска небу.

Иван привез кровельное железо, ножницы на подставке, циркуль, похожий на журавля, и закрылся в обогревалке. К концу смены весь взмокший, в одной рубашке, без шапки вынес выхройки.

— Бери бензозор,—сказал он Захару.—кроить будем.

И пошел одеваться.

— Шила милому кисет, вышла рукавица,—пропел Захар. А у крановщицы защемило сердце: разрезать-то разрежут, а как не соберут? Нет, собрали! Отрихтовали, вставили стекла. Подкрасили—совсем как новый кран, сейчас с завода. Опробовали. Испытывали. Даже весу при испытании прибавили на гак.

Алена с облегчением вздохнула и похвалила ребят. А похвала женщины для мужчин всегда дороже...

— Может, Антонина кого присмотрела,—размышил дорогой домой Иван.—И думать забыла. С глаз долой—из сердца вон. Как это все у женщин просто устроено! Иван тряхнул головой: лезет всякая белиберда в голову. Может быть, от Тоньки письмо лежит в ящике. Иван шумно зашагал неровной обочиной, все прибавляя шаг. И только когда уперся в крыльца общежития, понял, что бежал. Воротило оглянулся по лесенке—и в коридор. Заглянул в почтовый ящик, для верности пошарил рукой. Злой и разочарованный, толкнул дверь в свою комнату. Да так толкнул, что дверь распахнулась настежь. Сидевшая на стуле женщина испуганно обернулась.

— Тонька?! А я тебя вовсе и не ждал...

Иван опустился на кровать и стал снимать валенок.

— Что-то ногу жмет,—сказал он.

Колени его мелко дрожали.

СЛЮБОВЬЮ О ЧУКОТКЕ

Лина ТЫНЭЛЬ,
председатель исполнкома
Чукотского окружного
Совета народных
депутатов,
член Президиума
Верховного Совета
СССР.

Kогда меня спрашивают, где я родилась, я отвечаю: в тундре. Точнее сказать, не могу. Это произошло — мама и бабушка рассказывали мне — весной, в одну из последних перекочевок, когда олени шли на летовку, на летние пастбища, бесконечные, зеленые, обильные, какими богата Канчаланская тundra.

Есть такая известная песня «С чего начинается Родина?». У каждого, непременно, свой ответ. Для меня Родина начинается с моей Чукоткой. Географически это и в буквальном смысле так: самые восточные меридианы Советского государства — чукотские. Летом солнце у нас вообще не заходит. Коснется кромки горизонта — и снова вселяет вьсь. Кто не слышал о ленинградских белых ночах? А я, когда училась в Ленинграде, все вспоминала наши чукотские белые ночи. Похожие — и все же какие-то другие. Иной раз задумашься: ведь до чего лаконичны наши пейзажи, сливаются небо и земля, разделенные еле уловимой чертой. Но сколько обаяния в бескрайности тундры — зимой белоснежной, а весной, летом и осенью расцветающей фантастическими узорами. Веселый, причудливый калейдоскоп трав, желтые островки рододен-

дронов, голубые ковры ягодных полей, а над всем этим — сияющий купол неба, высвеченный гигантской призмой двух скошенных. Каждый, кто у нас здесь побывал, знает, что Север с его простором, с его красками, то мягкими, пастельными, то удивительно яркими, праздничными, ни с чем не спутаешь. И невозможно остаться равнодушным к нему.

Чукотка — это любому школьнику известно — не остров. Но тем не менее, говоря обо всем, что за ее пределами находится, у нас употребляют слово «материк». Материк — это и Магадан, и Хабаровск, и Владивосток, и Свердловск, и Москва. Материк. Большая Земля. Большая Родина — далекая и такая близкая. Тысячами и тысячами нитей мы связаны с ней.

Ежедневно, если только не снирепствует турга и не завывает над равни-

ной тундры сердитый, порывистый ветер с Берингова моря, в аэропорт Анадырь приходит рейсовые самолеты из Москвы. Везут письма от старых друзей — и везут новых друзей, тех, кто выбрал Чукотку местом работы: геологов и пограничников, горняков и зоотехников, рыбаков и строителей.

Выпасы 3200-мильную кривую от Мурманска до Магадана, пройдя Северным морским путем, обогнув Чукотку и Камчатку, на два месяца раньше обычного открыл в этом году полярную навигацию дизель-электроход «Капитан Мишинский». Пробивал ему путь могучий ледовый богатырь — атомоход «Сибирь». А вскоре после этой экспедиции, за которой следили все дальнепосточники, мощный пароходный гудок прозвучал на рейде Анадыря: сухогруз «Бодайбо» был первым судном, азвестившим о начале нави-

гатори-78 в морском порту чукотской столицы. К разгрузке приступили комсомольско-молодежные бригады докеров.

Грузы с Большой земли — как бы мы обходились здесь без них? Край наш уверенно расправляет плечи, его экономика становится масштабнее и многосторонней. В символику сегодняшней Чукотки входят все новые и новые понятия современной эпохи. Например, расщепленный атом. Билибинская атомная электростанция — это ставшая уже привычной реальность нашей жизни.

Как быстро человек привыкает к новому, к такому, что совсем еще недавно представлялось немыслимым, невозможным! Мощный рефлектор «Орбиты» возле городской черты Анадыря и цветной телевизор в доме — кто этому сегодня удивится? Я помню, добиралась до школы, как и все мои

сверстники, верхом на олене — сегодня чукотские мальчишки и девчонки, никогда в жизни не видевшие поезда, самым что ни на есть нормальным средством передвижения считают вертолет...

У Федора Тыннетегина, первого чукотского прозаика и поэта, есть строчки о том, что карандаш и книгу чукчам дал Ленин. И это не поэтическая гипербола. Книга в яранге? Откуда ей было взаться до революции, кто привез бы ее в стойбище, — быть может, купец или исправник?

Судьба малых народов Севера — кому это не известно? — в предреволюционное время казалась беспроблемно трагичной. «Инородцы», выражаясь слогом царских канцелярий, были обречены на вымирание. Цивилизации, символами которой предстали инчестер и «веселящая вода», безжалостно разрушала все пути к жизни, достой-

ной человека. Тупое, жестокое время. «Двуногими зверями» назвал Максим Горький русских и иностранных купцов, избивших и грабивших народы Севера. Творилось преступление. «Историческаяineизбежность», — пожимали плечами высокие чины в Петербурге, Вашингтоне, Токио. С лолениющим душу бесстрастием приходился в исполнение смертный приговор людям Севера, нынешний миром капитала. Севера, нынешний миром капитала.

Этот приговор в нашей стране отменяла Октябрьская революция.

На высоком берегу над анадырским морским портом стоит на постаменте человек со знаменем. Здесь, у подножия монумента, похоронены члены первого ревкома Чукотки, расстрелянны белогвардейцами в феврале 1920 года. — Михаил Мандриков, Август Берзин и их товарищи. К камню с дорогими именами приносят цветы туиды наши школьники.

«Рабочие всего мира, мы ждем вас в наши ряды», — это текст радиограммы, переданной членами Анадырского ревкома телеграфистам Америки. Они были патриотами и интернационалистами, эти люди, поднявшие красное знамя на Крайнем Севере. Через два года мы будем отмечать 50-летие Чукотского автономного округа. Полвека непоколебимой верности этому знамени. Полвека великих перемен.

Никогда не забуду, как поразила меня встреча с замечательным человеком и педагогом Львом Васильевичем Беликовым, одним из первых учителей на Чукотке. Я вдруг услышала, как приездой, ни местный, в совершенстве владеет чукотской разговорной речью. Он изучил наш язык, кочуя со школой по тундре. Позднее, уже закончив Ленинградский педагогический институт имени Герцена и работая в Магадане, я с радостью и гордо-

ЛЕНИНСКИЙ ЗАЧЕТ В КАНУН 60-ЛЕТИЯ ВЛКСМ: ПОИСК НОВЫХ ПУТЕЙ ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ

Мы сидели в курилке на берегу Амура. В нескольких метрах от нас, у дюстroeчной стеки, стоял почти готовый, но еще связанный с берегом разными проводами и шлангами МРС—малый рыболовный сейнер, прозванный рыбаками «жуком» за свою способность оставаться на плаву, какой бы силы волны ни захлестывали палубу. Сейчас на ней наводила последний глянец бригада Володи Привалова. Над нашими головами с тихим шорохом терлись друг о друга листья четырех молоденьких кленов. Так трут ладони о ладонь, когда хотят согреться. Но нам не было холодно. Просто курилку насквозь продувало утренним ветром с реки.

Володя Лукин, секретарь комитета комсомола судостроительного завода имени Октябрьской революции, то и дело пятерней забрасывая назад свой светлый чуб, говорил:

— Может быть, я и не прав, но мне кажется, что личные комплексные планы—это то же, что социалистические обязательства. И поэтому мы стремимся оценивать работу комсомольско-молодежных коллегий по их производственным показателям...

Мы—первый секретарь Ленинского райкома ВЛКСМ Благовещенска Александр Залесский. Лукин и я—сидели и беседовали о том, как комсомольцы завода, участвуя в Ленинском зачете, реализуют свои личные комплексные планы «Учимся коммунизму, строим коммунизм!», и такой поворот в разговоре показался мне несколько неожиданным, ибо мы все глубже вторгались в сложные лабиринты одних только производственных проблем.

Еще до знакомства с судостроительным заводом и его людьми, когда я только приехал в Благовещенск, чтобы написать о том, как райкомы ведут поиск путей дальнейшего развития и совершенствования Ленинского зачета, мне в Ленинском райкоме комсомола сказали, что комсомольская организация судостроителей на хорошем счету в районе, а зачет там проходит активно и деловито. Что касается личных комплексных планов, с составления которых, собственно, и начинается участие комсомольца в зачете, то надо поехать на завод и посмотреть все своими глазами.

В комитете комсомола мы встретились с Володей Лукиным, и он, естественно, предложил сначала познакомиться с бригадиром одного из лучших на заводе коллективов судомонтажников Володей Приваловым. «Поговорите с ним,—настаивал Лукин,—он вам все расскажет, что к чему».

В обеденный перерыв мы сидели с Володей в комитете комсомола, и он неторопливо, просто и без деталей рассказывал:

— Бригада у нас дружная, основной костяк уже лет девять держится без изменений. Если кто-то уходит на учебу, берем в бригаду новенькоого. Он тоже приживается скоро, потому что все члены бригады становятся над ним наставниками. И каждый чувствует свою ответственность за того, кто только вступил в бригаду. Вот так было и год назад, когда мы приняли Игоря Чипунова, его брат—один из ветеранов бригады. До армии Игорь работал на электроаппаратном заводе. Там стакки-автоматы в цехе стоят. Такой станок включил, наладил, он сам детали и гонит, а ты сиди себе покуриваешь. Ну, Игорь и привык так работать. Понапалу решил и у нас подобный метод использовать: какую работу ему дадут—сделает, а затем заберется куда-нибудь подальше от глаз людских, и спать. Я ему раз сказал, что у нас так не принято работать, другой, потом ребята пристыдили, брат разъяснил:

стюю принимала участие в качестве редактора в подготовке к изданию сказок Чукотки, собранных моим учителем. Сейчас Магаданское книжное издательство готовит к выпуску эти сказки в переводах на русский язык, думаю, что они помогут многим поближе узнать и оценить добрый характер и большую душу моего маленьского народа.

Лучшие, вероятно, формы самовыражения народа—легенды, сказки, песни, танцы. Их вынес далеко за пределы Чукотки наш фольклорный ансамбль «Эргырон»—в переводе это означает «Рассвет». Страна на рассвете... Такая она, моя Чукотка. Такой предстает она в замечательных произведениях узленских косторезов. Чукотская графика на моржовом клыке—чудо Вашей земли,—писал Еле-не Янис, мастеру-резчику из Узлена.

Письма из райкома

ЭНЕРГИЯ ДЕ

работу по-семейному провел, и Игорь стал как все. Хотя,—Володя лукаво как-то улыбнулся,—еще не совсем как все. Учиться не хочет. Восемь классов одолел еще до армии, а сейчас остановился. Мы уж его и так и этак агитировали за десятилетку, да и пример ведь прекрасный перед глазами: половина бригады имеет высшее и среднетехническое образование. А Игорь думает: вон сколько народа учится, и если я школу брошю, никто и не заметит. Отсюда и к работе такое отношение: мол, как умею, делаю, а лучше и не надо.—Володя взял сигарету, помял ее большими сильными пальцами и, затянувшись, сказал с сожалением:—В общем, не стала пока для него бригада чем-то дорогим и важным. Волнует это не только меня как бригадира. Мы уже четвертый год являемся комсомольско-молодежным коллективом и за это время выработали принцип «Честь бригады—выше всего». К нам часто рыбаки- дальневосточники, для которых мы делаем суда, обращаются: «Ребята, у нас путаница на носу, план и все такое прочее, сдайте заказ пораньше». Пораньше—это примерно за месяц до планового срока. Собираемся и решаем все вместе: надо, значит, будем работать в две смены. И не было еще случая, чтобы мы подвели рыбаков. Вот такая у нас в бригаде атмосфера,—бригадир потушил сигарету, как бы подводя черту под своим рассказом, и добавил:—Хорошая, согласитесь, атмосфера, если за девять лет никто с бригадой не расстался, даже после учебы возвращаются к нам.

Да, это добрые приметы товарищества и крепкой рабочей сплайки одного молодежного коллектива. Без шумихи, по-деловому делают ребята свою работу, которая, судя по всему, приносит им и радость, и моральное удовлетворение, и материальный достоинство. Вот только когда мы после производственной темы коснулись общественной жизни бригады и я спросил Володю, какие комсомольские поручения выполняют ребята, ответ его прозвучал для меня неожиданно:

— В летнее время, а точнее, с весны и до глубокой осени, пока идет достройка судов на воде, нам некогда заниматься комсомольской работой.

Признание это наводит на размышление о явлении, которое, к сожалению, еще встречается в некоторых комсомольских организациях. Я имею в виду организации, где вполне довольствуются уже тем, что, к примеру, комсомолец Петр достиг значительных успехов в своей профессиональной деятельности. А то, что этот Петр ни разу не выступил на собрании, ни разу не принял участия в подготовке цехового вечера отдыха, не поделился секретами своего мастерства с выпускником ПТУ,—это ни секретаря, ни комсомольских активистов не заботит. У них проблемы производственные отодвинули на второй план вопросы нравственного и идейного воспитания молодежи.

Нечто подобное произошло, по-моему, и на судостроительном. Бригада Привалова действительно хороший, дружный коллектив, дорожащий своей честью и трудовой славой. Но сам бригадир признает, что комсомольская работа большую часть года у них замирает. Знают ли об этом секретарь комитета комсомола завода Володя Лукин и ответственная за идеологический сектор Людмила Палладий? Знают, конечно. Не могут не знать. Так почему не помогли бригаде и в этот напряженный период оживить комсомольскую жизнь? Ведь не работой же единой жив человек. И трудится-то он во имя того, чтобы ему было жить интересно. Думается, Лукин и члены комитета просто свыклились с тем, что приваловцы всегда преуспевают в производственных показателях, а потому успокоились, почлили на их трудовых лаврах.

Между тем, прояви они обыкновенный интерес к, так сказать, «незаводской» жизни молодежного коллектива, узнали бы, что в бригаде есть и музыканты—Виталий Чипун когда-то на трубе в эстрадном оркестре играл, и певцы—комсогоры Володя Махракова даже в Амурский народный хор звали, и книгу—у Виктора Попова, по рассказам самих ребят, прекрасная библиотека, многие книги из которой прочитали все члены бригады.

Любое производство, а следовательно, и процесс трудового воспитания неразрывно связан с внутренним миром человека, и потому не может ограничиваться одним только воспитанием трудом. Когда-то А. С. Макаренко сказал: «Вы можете заставить человека трудиться сколько угодно, но если одновременно вы не будете воспитывать его политически и нравственно, то этот труд будет просто нейтральным процессом, не дающим положительного результата». Социальные, общественные интересы сегодняшней молодежи очень обширны. Да и сама наша жизнь чрезвычайно многогранна. Практически каждую жизненную ситуацию—на производстве или дома, в семье—можно и нужно рассматривать с позиций коммунистической нравственности. Воспитанием ее подрастающего поколения призвана заниматься комсомольская организация. Ибо она—организатор всей работы с молодежью. Стратегия же и тактика ее деятельности в этом направлении четко определены Л. И. Брежневым как «...комплексный подход к постановке всего дела воспитания, то есть—обеспечение тесного единства идеино-политического, трудового и нравственного воспитания...». Ленинский зачет как раз и призван помочь комитетам комсомола комплексно решать эти многообразные проблемы.

О методике проведения Ленинского зачета мы много говорили с работниками Ленинского райкома ВЛКСМ. Беседы эти дали богатый материал, а главное, что видел, мои собеседники были единодушны, положительно оценивая зачет как наиболее приемлемую форму комплексного воспитания молодежи. Нашли мы согласие и в том, что райком комсомола должен больше уделять внимания методической подготовке заводских секретарей, а те, в свою очередь, чаще и подробнее должны инструктировать цеховой актив по части проведения общественно-политической аттестации.

Участие в Ленинском зачете, каждый комсомолец, как это уже стало традицией, принимает личный комплексный план—своевобразное обязательство того, как он будет жить, трудиться и работать над собой в определенные зачетом сроки. Кстати—говорю это специально для Володи Лукина,—личный комплексный план тем и отличается от производственных сообязательств, что сама идея плана и его составление основаны на личностном отношении комсомольца к своим обязанностям. К своим способностям, сознанию, совести, наконец. Составленный грамотно, конкретно, личный комплексный план открывает перед комсомольцем заманчивые перспективы. И прежде всего перспективу собственного роста. В работе. В учебе. В общественной деятельности. Причем комсомольская организация обязана помогать комсомольцу приближать эту перспективу: поддерживать его в добрых начинаниях, оберегать от возможных ошибок, подсказывать, как раскрыть себя на общественной работе.

— Задача состоит в том,—объяснял мне Саша

выдающийся американский художник Рокузал Кент Кенту, в творчестве которого Север всегда занимал особое место, в день 80-летия подарил в Москве клык моржа, украшенный работой чукотской мастерицы

В облике сегодняшней Чукотки гармонично соединились традиции и современность—сборная, кипучая, стремительная. Я уже говорила, что все активнее утверждают себя в нашем окружке новые или сравнительно новые для нас отрасли хозяйства. В первую очередь горнорудная промышленность. Перспективы ее развития, по оценкам геологов, грандиозны. Страна уже получает в больших количествах и будет с каждым годом получать больше и больше ценнейших полезных ископаемых

И все же сегодня, как и прежде, к главным богатствам Чукотки относят-

ся олени. На севере Советского Дальнего Востока—треть мирового поголовья оленей. Олень—это пища, это транспорт, это одежда, это жилье для человека тундры. И оленеводство у нас никогда не потеряет своего значения. Размышила над задачами, сформулированными Генеральным секретарем ЦК КПСС Председателем Президиума Верховного Совета СССР товарищем Леонидом Ильичем Брежневым в ходе его поездки по районам Сибири и Дальнего Востока и в докладе на июльском (1978) Пленуме ЦК КПСС мы ищем новые, дополнительные возможности укрепления этой важнейшей для Чукотки отрасли хозяйства. И злениель не называть проблему, в решении которой большую помощь призван оказать комсомол. Речь идет о кадрах оленеводов.

Вот в чем суть проблемы...

Трудно в тундре на кочевке с детьми. Мы создали для сыновей и дочерей оленеводов ясли, сады, школы-интернаты. Это естественно и закономерно. Но недаром случалось, что ребята, живи в городе или поселке, годами видели оленя только в кино или на картинке в учебнике, отыкали от специфики жизни тундры, теряли связь с оленеводческой профессией. Громадное пространство, многие сотни километров от школы до мест, где трудятся родители-оленеводы,—вот та объективная трудность, которую долгое время мы не могли преодолеть.

Сейчас создаются восемь летние и средние школы в центральных усадьбах крупных совхозов. Школа, иначе говоря, приблизилась к производству. Появились новые условия для продуманной, основательно подготовленной профориентации. Открываются в

ЛОВИТОСТИ

Залесский свое понимание зачета,— чтобы доходить до каждого комсомольца, отыскивать в людях ту живинку, которая, я убежден, скрывается даже в самых инертных характерах.

«Дойти до каждого»—это та заветная цель, к которой стремится комитет комсомола в своей работе с молодежью. Но как практически соединить массовость с индивидуальным подходом к каждому молодому человеку? Вот здесь на помощь комсомольскому работнику и приходят личные комплексные планы.

Надо сказать, что разговор между мной и Володей Лукным, с которого начал я это «Письмо» и в котором меня удивила его реплика: «личные комплексные планы»—это то же, что социалистические обязательства», произошел до того, как я просмотрел с десяток личных комплексных планов комсомольцев завода управления—молодых инженеров и техников. Уже тогда я обратил внимание, с каким поразительным дилетантизмом были составлены эти планы. Впечатление такое, будто их писали по принципу «лиши бы что-то написать», слабо представляя себе и суть зачета, и его содержание, и назначение предстоящей общественно-политической аттестации. К тому же и похожи они были друг на друга, как сиамские близнецы. Например, в графе «общественно-политическая активность» все комсомольцы, как один, написали ничего не значащее «активно участвовать в общественной работе». Каким образом участвовать, как конкретно и в какой форме—это осталось тайной за семью печатями. И, думаю, не только для меня, знакомившегося с этими планами, но и для тех, кто их заполнил.

Руководитель этой группы молодой инженер Николай Мельников составил свой план 7 февраля. Поскольку планы остальных членов группы заполнены примерно так же, как у Николая, то для наглядности приведу его план полностью.

1. Изучить три работы В. И. Ленина. (Какие именно работы и по какой тематике—неизвестно.) 2. Выполнить производственные задания. (Думается, не будь Николай комсомольцем, он все равно обязан был бы «выполнять производственные задания».) 3. Повышать производительность труда. (Без конкретных цифр этот пункт ни к чему не обязывает.) 4. Участвовать в рационализации и изобретательстве. (Василий Филатов один из группы откровенно написал: «Техническое творчество входит в мои производственные обязанности».) 5. Сдать нормы комплекса ГТО, заниматься физкультурой и спортом. (Какой вид спорта по душе Николаю, на какой значок рассчитывает он при сдаче комплекса ГТО—эти вопросы так и остались без ответа.) 6. Активно участвовать в общественной работе. (Большой расплывчатости и неопределенности в ответе на этот пункт плана не придумавши)

Отвечает ли этот план букве и духу Ленинского зачета? Является ли он личным и комплексным? Конечно, нет. Ибо не видно в нем ни трезвого учета своих возможностей, ни стремления реализовать их с максимальной пользой для себя и для производства.

Явление это, старое как мир, известно под названием «формализм», и расшифровывается оно всеми толковыми словарями одинаково—«соблюдение внешней формы в ущерб существу дела». Соблюди форму комсомольцы завода управления? Соблюди, нет слов, грамотно, без орфографических ошибок заполнили, как под копирку, типовые бланки личных комплексных планов. «Вот, пожалуйста, все у нас есть, все в полном порядке»,—с таким видом Володя Лукин положил передо мной стопочку планов, пере-

данную ему комсоргом группы Галей Масловой. Когда же я поинтересовался, а где план самой Гали, она спокойно и совершенно невозмутимо ответила: «Он точно такой же, как эти». И интереса особого, говорили глаза Гали, поэтому не представляет.

Форму в этой группе соблюли, а о существе дела не позабылись. А оно, существо дела, заключается в том, что план во многом учит комсомольца умению ставить перед собой жизненные цели и последовательно добиваться их осуществления. И если при этом подходить к нему неформально, то он станет своего рода стимулатором жизненной активности. Содержание личных комплексных планов намного выиграет, если комсорг предварительно поговорит с каждым из членов группы, подскажет ему, какое обязательство лучше принять, чтобы его интересы не шли вразрез, а совпадали с интересами товарищей, всей комсомольской организации. Чтобы личные обязательства каждого комсомольца касались сегодняшней жизни его бригады, цеха, района в целом, чтобы план заставлял человека задумываться над тем, каков он есть и каким может стать. Работники Ленинского райкома говорили мне, что они об этом напоминают секретарям первичных комсомольских организаций буквально на каждом совещании, однако Володя Лукин, когда я его спросил, какую работу он проводит перед аттестацией, откровенно и с полнейшей верой в свою правоту ответил:

— Мое дело — раздать бланки личных комплексных планов всем участникам зачета, а там уж они сами сядут и напишут все, что нужно.

При всем стремлении—и похвальном, это надо признать,—к активной деятельности на комсомольском поприще, у Лукина и других активистов завода берет пока верх некомпетентность в вопросах организационной работы, незнание элементарных вещей из теории, и потому на всем, что ими делается, лежит отпечаток какой-то легковесности, инфантильности, что ли.

Единственное, пожалуй, объяснение этому попыталось дать Саша Залесский, когда мы искали с ним причины тех явлений, свидетелями которых стали на судостроительном.

— Лукин — секретарь молодой, — с сожалением сказал Саша, — опыта комсомольской работы у него нет, и потому многое он делает почти наугад, на свой собственный страх и риск.

Мне уже хотелось высказать упрек по поводу увиденного на судостроительном в адрес работников Ленинского райкома комсомола—дескать, не сумели довести суть зачета, назначение комплексных планов до комсомольских активистов, потому и походит их проведение в жизнь больше на любительскую затею. Но я тогда не стал это делать, да и сейчас воздержусь от подобных упреков в адрес райкомовцев, ибо все они «довели», всех в свое время «пронструктировали», всем «указали». А те издержки в зачете, о которых говорилось выше, можно и в самом деле отнести за счет молодости и неопытности секретаря.

Повторяю, его стремление сделать все в лучшем виде не вызывает сомнения. Нуждается Лукин только в одном: в том, чтобы его научили как сделать лучше, и показали верный путь к этому лучшему. Из работников райкома здесь первое слово. Они, зная о положении дел на судостроительном, должны были бы проявить больше свое организаторское, а не

школах кабинеты оленеводства. Из старшеклассников комплектуются звенья, бригады, за которыми закрепляются опытные наставники. Со всей Чукотки собираются в Анадырь на II слет юных оленеводов ребята, которые решили связать свою судьбу с этой важной для народного хозяйства профессией. Слет посвящается 60-летию ВЛКСМ. И, не сомневаясь, будут ребятам интересно встретиться с такими уже широко известными на Чукотке молодыми людьми, как лауреат премии Ленинского комсомола Семен Келы, как делегат XVIII съезда ВЛКСМ, депутат окружного Совета народных депутатов Наташа Элизигина, с другими оленеводами-комсомольцами, которые не только упорно и успешно работают, но и постоянно вносят интересные предложения: что нужно сделать, чтобы поднять труд оленевода на

современный уровень, какая техника требуется сегодня в тундре, как разумнее и рациональнее организовать сменный выпас оленей, как оборудовать перевалочные базы, обеспечить культурный досуг, учебу и т. д. Над всем этим думают сегодня не только в Анадыре, но и в Москве, Ленинграде, Магадане—в министерствах, научно-исследовательских институтах, конструкторских бюро. Вопросов много—и решаются они, как говорят в России, всем миром.

Она большая, Родина. В ней горы и реки, в ней степи и тундра, в ней люди разных народов—соотечественники товарищи, друзья.

Я оглядываюсь на депутатские свои дороги по Чукотке, перебираю в памяти встречи, впечатления лет и дней... Оленевод, настраивающий в гарните свою «Схиодлу» на волну Москвы...

инспекторское умение. То есть систематически и глубоко анализировать деятельность комитета комсомола завода по всем основным направлениям, оказывать Лукину и другим членам бюро практическую помощь на месте. Ведь прежде чем спросить с комитетчиков, надо им помочь спланировать свою работу, подсказать, обобщить чей-то опыт, исправить, наконец, то, что упущено.

В том, что за положительным опытом ходить далеко не надо, меня убедило знакомство с другим предприятием района—Благовещенской швейной фабрикой, комсомольская организация которой вполне может служить своеобразной моделью, по которой легко проследить влияние Ленинского зачета на различные стороны жизни комсомольцев и на их общественный и социальный рост.

В райкоме мне, не колеблясь, сказали, что сейчас секретарь комитета комсомола «швейки» Гали Крылова, пожалуй, самая сильная и самая опытная из всех секретарей первичных организаций района. Согласитесь, оценка более чем обзывающая. Познакомившись с Галей и ее активом, я отчетливо понял, как много—if не целиком и полностью все—зависит в делах комсомольской организации от личности секретаря. (Не столь, к сожалению, поучительный пример секретаря с судостроительного в данном случае тоже подтверждает эту мысль.)

У Гали Крыловой биография ясная и четкая, как телекала, с которыми она еще недавно имела дело в пошивочном цехе. Она окончила восемь классов и сразу пошла устраиваться на фабрику, так как матери ее—Анне Васильевне было трудно на медсестерскую зарплату одной воспитывать четырех детей. На фабрику Гали не приняли—ей тогда еще не было 16 лет. Но Гали так жалко было маму и так хотелось работать, что она без всякого постороннего совета направилась в райисполком. Там сидели добрые люди, которые разрешили ей, маленькой, хрупкой, застенчивой девочке, поступить ученицей в пошивочный цех. Стрелой помчалась она снова на «швейку», радостная и довольная, что все так быстро разрешилось, а когда выходила из фабрика, неожиданно для себя разревелась. «Как-то страшно стало, все мне показалось каким-то чужим и неприветливым».

Было это летом, многие работницы находились в отпусках, и Гали сразу поставили в бригаду—«по производственной необходимости». Так что она и работала и училась работать одновременно. На петельной и пуговичной машине у нее получалось сразу все хорошо, а когда поставили на «втачу рукава»—застопорилось. Скорость у машины большая, нажмешь педаль—она и поехала, попробуй, без опыта и практики, успей за неей. Но и к этой машине Гали скоро проноровилась, так что через три месяца, освоив почти все операции в цехе, уже перевыполняла нормы и получила третий разряд.

Конечно, ничего не ускользало от внимательных взглядов товарищей. И прежде всего то, что Гали всегда дружелюбна, что она всегда поймет и поддержит, что везде она заводила, со всеми найдет общий язык. Кому же, как не человеку с таким характером, руководить комсомольской массой! И четыре года назад Гали избрали секретарем фабричного комитета комсомола, на учете в котором около 500 комсомольцев.

Все, что человек в свои двадцать с небольшим лет увидел, услышал, прочитал в хороших книгах, до чего сам додумался, а что узнал от старших,—все это составляет его нравственный багаж, кладовую, из которой он черпает свои сегодняшние поступки и решения. И чем богаче эта кладовая, тем быстрее растет человек, тем быстрее формируется его личность. Такой «кладовой» стали для Гали рабочая среда, активная комсомольская жизнь, ее наставники—весь этот фабричный микроклимат и сказался на становлении ее как личности.

Так же происходит сегодня и становление многих других девушек, с которыми довелось мне познакомиться на швейной фабрике. И проследить за их становлением дают прекрасную возможность скромные типографские бланки личных комплексных пла-

Окончание на 28-й стр.

Сергей РАЗУМЕЦ,
матрос-добытчик,
секретарь комсомольской
организации БМРТ «Ленинец»,
член советской делегации
на XI Всемирном фестивале
молодежи и студентов.

Я уезжал с Камчатки в Москву, а оттуда отправился с делегацией в Гавану, так и не дождавшись «Ленинца» в Петропавловске: в районе Курил штурмило, и перегрузка рыбы заняла больше времени, чем рассчитывали. Уже на Кубе получила телеграмму от ребят: рейс, продолжавшийся пять месяцев, закончился отлично, за лучший

по всей Камчатке результат экипажу, как победителю соцсоревнования, вручено переходящее Красное знамя...

Три года я на «Ленинце». Ребята как родные. Без них, без судна нашего, без моря места себе не нахожу. Приеду в отпуск и родным во Фрунзе, так мать паспорт куда-нибудь спрячет, чтобы и невзначай пораньше не сорвался обратно, на Камчатку.

До призыва у меня к воде тоже было непосредственное в некотором роде отношение: играл в командах ватерполистов. Но это, пожалуй, и все. О Камчатке самые общие представления. Ну, в рамках учебника по географии примерно. Знал, что это край рыбаков, край вулканов. Знать знал, но не скажу, чтобы меня это как-то особенно трогало.

И вот призвали на флот, оказался на

Камчатке. Увидел, прочувствовал этот край. И попросту «заболел» им.

О красоте Камчатки поэмы можно писать. Как распахнутся облака, как появятся на горизонте белые конусы вулканов — глаз не оторвешь. Леса богатые, джунгли настоящие. Нетронутая живая природа. Я как-то поехал в Усть-Большерецк, разбил на берегу речки палатку, место великолепное. Лесник подходит, говорит: «Только что здесь медведиша прошла». Поднялись на сопку — вижу, свежие следы...

Трудной бывает Камчатка. Ветры зимой с ног сбить могут. Швартовы у судов лопаются, так задувает иной раз. И вахта в такую погоду — не для слабосильных.

Приметы у Камчатского края разные, но главные, как мне видится, это человеческое доброжелательство и готовность немедленно, без всяких колебаний, прийти на помощь, если кто в ней нуждается. Край-то в основном рыбакский, вряд ли найдешь хоть одного человека, который так или иначе с морем не был бы связан. А в море без товарищества, без помощи друг другу никак не обойтись.

Вот я рассказываю об этом и вспоминается такой эпизод. Захватил нас в районе Курильской гряды сильнейший шторм. Качка свирепая была, волны палубу захлестывали. И случилось у нас ЧП. Сорвался за борт матрос-добытчик. А температура воды градуса четыре. Несколько минут можно продержаться, не больше. Трапмейстер Александр Булатов ни мгновения не раздумывал — кинулся к грузовой лебедке, крикнул только: «Спускайте!». Его на шкентеле лебедки за борт спустили, он схватил парни, подняли их вместе.

КУРС НА КАМЧАТКУ

Помощь человеку — она, конечно, не только в беде необходима. Вот, скажем, пришел в экипаж новый матрос — как он себя на судне чувствовать будет? Многое от «старожилов» зависит. Работа наша, добытчиков, умения, навыков, точности движений требует. А это сразу же не покажется Помину, когда и пришел на «Ленинец», много ли понимал в профессии рыбака? Встретили меня по-товарищески, каждый старался что-то обяснить, показать. Каждый, начиная с капитана нашего Виктора Павловича Губанова, интересного человека, с выдумкой и талантом, профессионала высокого класса. В этом году ему присвоено звание «Знатный рыбак Камчатки».

В вахте — пять матросов и мастер. Старший тралийщик подбирает траул под ту рыбу, которую собираемся ло-

жить. Капитан — на мостице. Появились запись хорошая на эхолоте: скляк! Разворачиваемся, ставим траул. Поставили — идем с траулом час полтора. Потом выборка траула. Переливаем рыбу — ее бывает двадцать, тридцать, а то и сорок тонн. И снова — траул за борт. И лоним, лоним. Восемь часов вахта, восемь отдыха. И снова вахта. Так каждый день.

Но я говорил о добытчиках — а это только часть экипажа. Есть еще служба обработки рыбы, штурманский служба, машинная команда. Взяли рыбу, обработали — и морозим ее. В трюме БМРТ — около 800 тонн. Как трюм полон — связываемся с судном-перегрузчиком. Сдаем рыбу, берем топливо, продовольствие, воду — и снова в район лова.

На нашем БМРТ (большой моро-

зильный рыболовный траулер) почти половина команды — комсомольцы. Коллектив комсомольско-молодежный, боремся за право называться экипажем имени 60-летия ВЛКСМ. «Ленинец» — одно из судов, принадлежащих колхозу имени Ленина, крупнейшему рыболовецкому хозяйству в Советском Союзе. Такого флота, как у нас, нет ни в одной рыболовецкой артели страны. Камчатка дает почти десятую часть всесоюзного улова, а наш колхоз — весомую часть улова камчатского. Наш «Ленинец» дает самый высокий улов для БМРТ по СССР. Камчатская рыба сегодня — на столе любого советского человека. И, конечно, нам это очень радостно сознавать. В какой город ни приедешь, а нет-нет да и завернешься в рыбный магазин: есть там что-нибудь из наших неводов?

Поселок, в котором расположена рыболовецкий колхоз имени Ленина, назван добрым и нежным логнем — Сероглазка. Наш дом. Сюда идем после трудных рейсов — а легких рейсов не бывает. И чувство, которое при этом испытываем, очень точно передал Михаил Константинович Старицкий, в прошлом слесарь и комсомольской вожак, первый председатель нашего колхоза. В своей книге «Сероглазка, любовь мой...» он писал: «На Аянчинскую бухту с ее суровой красотой у нас свой взгляд. Она для нас материншина... Аянчинская губа — колыбель, в которой воспитывались, выросли, стали знанными многие наши рыбаки. В этой бухте учились ходить наши мореходы, прежде чем выйти в открытый океан, здесь проверили свои силы и мужество. Откуда нерастраченная, не потускневшая за годы лю-

Татьяна АЧИРГИНА,
секретарь Чукотского
окружного комитета
ВЛКСМ.

Первым учителям Чукотки

Округл мой лик—несу его как солнце!
Высоки скуль и узки глаза...
От имени учеников, питомцев
мене хочется спасибо вам сказать.

Вам помнятся закаты наши алые,
соседских псов веселая возня,
гусиных стай размахи небывалые
и бесконечность солнечного дня.

А помните, как вспыхивали брызги
на утренней заре—как витражи!—
когда на лежбищах, далеких или близких,
в прибой кидались тучные моржи?

Пурга жилища ваши превращала
в сугробы—эй, попробуй, отгребись!
Сияние полярное сверкало—
оно старалось вам украсить жизнь.

Спасибо вам за вашу откровенность,
за то, что каждый светел был и смел.
Спасибо за любовь и незабвенные;
за чистоту всех помыслов и дел!

бовь к этому когда-то забытому богом и людьми уголку на краю России? Откуда это чувство у людей, оставивших где-то в Рязани, на Смоленщине, в аулах Кавказа, в приволжских степях и хуторах Белоруссии отчий кров, все, что дорого было с детства, и подавшихся в неведомое, на край света? Как ответить на вопрос, что для нас Сероглазка? Пожилой рыбак с посеребренной головой может вместо ответа показать свою рабочую ладонь, на сгибах пальцев у него глубокие незарубцевавшиеся порезы. «Вот она, Сероглазка, здесь у меня», — скажет он. Въедливые, просоленные морской водой канаты и сети навсегда оставили след на руках рыбака. А в детстве он, быть может, и не видел моря, не знал, что мир так широк, что он не кончается за горизонтом, за который скатывается вечером солнце. Но так случи-

Песнь жены охотника

Ну, иди!
И пусть будет удача!..
Заскрипит под полозьями снег.
Как и ты,
нетерпением охвачен,
твой вожак
начинает разбег.
Хак-хак-хак!—
и упряжка умчится.
Заметает поземка твой след...
Позолоченный солнцем,
искрится
от мороза колючий рассвет.
Терпелив будь, хитер и отважен,
возвращайся с добычей,

и мне
каждый встречный на улице скажет:
— Муж добычив—
спокойно жене!

Я знала все, все смела, все могла!
Полынь моя, как ты, горьки утраты...
Я в этом тоже очень виновата.
Но материю я тундру назвала,
вот я стою—и нет во мне бравады!

Дай, тундра, силы вновь и докажи
в который раз, что есть на свете чудо,
и острый лист травинки покажи
под толщей снега, скрытый до минуты

той самой, долгожданной и родной,
которая из века в век приходит,
до той минуты, что травою всходит,
сулит тепло и дождик проливной...

Уехать—пережить потерю—
за сотни верст
от отчих мест!..
И вновь вернуться к колыбели—
туда, где выоги да метели
дороги замели окрест.

Оттапиваю лунку на снегу,
с надеждой приникаю к толще белой
и оторваться взглядом не могу
от веточки ольхи зандевелой!

И чистый запах снега и земли,
так схожий с ароматом зрелой груши,
опять полнил и очищает душу
и, очищая, снова жить велит!

Спасибо, тундра, я приду опять!
Как дочь, с тобою не смогу расстаться,
приду опять полынь твою размять
и в сотовый раз

в любви к тебе признаюсь!..

И к горизонту обернуться,
себя за тот отъезд кляня,
сквозь слезы
трудно улыбнуться
и прошептать:
прости меня!..

Канчаланский лиман

Нас
качал
Канчаланский лиман!..
Гулко билась волна за бортом,
и не спавший всю ночь
капитан
говорил мне:
«Держись молодцом!»
Ты держись молодцом,
сильной будь—
это важно
не только сейчас!
Вот прорвемся—
и можно вздрогнуть,

только б выдержал
трос да кунгас!..»
Была твердо
линия губ,
и он крепче сжимал свой штурвал.
Был похож он на кряжистый дуб,
и лиман его власть признавал.
Помню
выигранный этот
бой,
этру равную схватку двух сил.
Помню пенистый след
за кормой
и причала дощатый настил...

Как бесшумно проносятся птицы,
как широк и просторен лиман!..
Мне не спится,
опять мне не спится,
когда в город вплывает туман.
Это мне пароходы сигналят
басовитым и мощным гудком,
и тревожно звучит в белых далях:
«Мы отходим!»
Мы ждем тебя, ждем!..»
Вот в такие минуты, как эти,
все мне кажется,
что я в пути,
что маяк мне настойчиво светит,
помогая до цели дойти.

Наш труд, труд «океанских пахарей», — это и пот, и вдохновение, и романтика, и строгая, четкая организация. И лихость и азарт рыбакам не противопоказаны, но превыше всего нужны в море ответственность и профессиональная грамотность. Учиться мастерству есть у кого. Не только на Камчатке известны рыбакские династии Максимовых, Шевченко, далеко разнеслась слава наших капитанов — Героев Социалистического Труда Семена Григорьевича Белоусова, Ивана Игнатьевича Малыкина, других рекордсменов лова.

Когда мы у себя в комсомольской организации обсуждали вопросы, поставленные в ходе поездки Генерального секретаря ЦК КПСС Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева по районам Сибири и Дальнего Востока, а

также материалы июльского (1978) Пленума ЦК КПСС, то вновь и вновь задумывались над возможностями увеличения нашего камчатского вклада во всесоюзную «копилку». Эти возможности очевидны. Резервы Камчатки поистине неисчерпаемы. Но вот о чём хотелось бы прежде всего сказать...

Проблема из проблем — нехватка людей. С ней трудно будет справиться, если не решить вопрос с жильем. Недавно вся Камчатка отметила большое событие в жизни Петропавловска: ввод в эксплуатацию миллионного квадратного метра жилой площади. Строительный кран на фоне вулкана — это сегодня неотъемлемая деталь пейзажа камчатской столицы. Но все же не хватает, очень не хватает этих «квадратов». Вот и уезжают туда, где есть живые, многие семьи...

**Конкурс
одного
стихотворения**

Валентин СИДОРЮК,
рэзчик по дереву,
пос. Мухен,
Хабаровский край

Утро

Только тронь рано утром рукою
Эти ветви — роса упадет,
А над лесом, туманной рекою
Солнце в каплях росы проплынет.
Будет все удивительно ново
В этом мире, до боли родном:
И рассвет, и туман, и корова,
И стакан на столе с молоком.
На заборе петух раскричится,
Скосит глазом в окно — кто такой?
И подумаешь: нет, не случится
В это утро беды никакой!
Я улыбчиво верю рассветам
Нашей старой и доброй планеты.
Голосистым в селе петухам
И негромким, хорошим стихам...

Николай САМОЙЛЕНКО,
воспитатель школы-интерната,
пос. Караба,
Камчатская область

Рябина

Выросла рябина молчаливо
В полудиком северном краю,
Сберегла от стужи терпеливо
Кожицу зеленую свою.

Холодами изведет Камчатка,
Соклами взметнувшаяся ввысь.
Все же сердце замирает сладко.
Ведь и здесь в рябине бьется жизнь.

В пору летних гроз по всей России
Гроздья полновесны у рябин,
Потому что в них вселяет силы
Животворный сок родных глубин.

Полушубком я ее от ветра
По пути в поселок укрывал,
И вожак упряжки незаметно
Брал за перевалом перевал.

И светлы рябиновые гроздья,
Алостью их скромной дорожу,
Ведь они сродни Отчизны звездам,
Против них душой не погрешу.

Родина поистине огромна,
Зов ее рябин не заглушить.
Счастлив тем, что мне дано негромко,
Но навек везде ее любить.

ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО

Александр СИМАКОВ,
офицер,
Амурская область

**Кубинскому
бамовцу**

Строителям железной дороги
Гавана — Сантьяго-де-Куба

Бузнос диас, компаньери!
С испанским мало я знаком.
Но ведь рабочие, наверно,
Одним владеют языками?
Нет языкового барьера!
Поймем друга мы всегда,
Ведь нам известен, компаньери.
Язык борьбы, язык труда,
Язык рабочего, солдата,
Прошедших воду и огнь.
...Красноречивое мандата
Твоя рабочая ладонь.
Пусть нелегко, но мы упрямые
Идем вперед, и путь наш прям.
В эпоху вспышки наши БАМы —
Советский и кубинский БАМ.
Мы — комсомольского призыва!
Нам закалять сегодня стала!
От Тынды до Пинар-дель-Рио
Проложим дружбы магистраль!

Николай КОПЧЕНКО,
пограничник,
Владивосток

Граница. Рассветы синие.
Пока не запахло порохом.
Стоит на нейтральной линии
Задумчивый куст черемухи.
До нас, укрывшихся в зелени,
Густой аромат доносится.
Большие соцветья белые
В ладони людские просятся.

Вот ветры подули неистово.
И как-то, представьте, не верится,
Что может сегодня выстоять
Такое вот нежное деревце.
Но вновь журавлинными клиньями
Над ним засверкали сполохи —
Стоит на нейтральной линии
Нетронутый куст черемухи.

Светлана НИКИТИНА,
учащаяся,
Владивосток

Взглянуть на море надо в непогоду,
Почувствовать вкус соли на губах,
Войти в день ясный в ласковую воду —
А это ведь не выразишь словами.
Услышать запах трав морских и рыбы,
Залюбоваться лунною тропой,
Рукой потрогать каменные глыбы,
Обточенные ветром и водой.
Услышать надо гулкий шум прибоя,
Соленый запах моря ощутить
И удивленно знать: так вот оно какое!
И голос моря в сердце сохранить.

Евгений КОХАН,
токарь,
Хабаровск

После смены

Закопченный,
в робе черной-черной,
когда смена близится
к концу,
я похож, наверное, на черта,
что служил Вакуле-кузнецу.
И завод гудит,
гримит в суставах,
и ладони стали,
как броня,
будто я придуман
и составлен
из упорства, гула
и огня.

Олег САНЬКОВ,
монтаж пути,
станция Татакан,
Амурская область

Баллада о желтых жилетах

Я часто
махал из окна
стоящим зимой
и летом
на насыпи
вдоль полотна
людям в желтых
жилетах.
И, уносясь в поездах,
навстречу новым
рассветам,
завидовал иногда
людям в желтых
жилетах.
Возможно, из всех
работ
это — самая
сложная.
Но ведь не каждый пойдет,
да и не всякий сможет.

Куда бы вы
ни собирались
проехаться по планете,
в ответе
за вашу жизнь
люди в желтых жилетах.
Зеленым огнем
засветив
сигнал светофора-привета,
желаю удачи вам в пути
люди в желтых
жилетах.
Помните это, садясь
в стремительные экспрессы,
и, мимо них проносясь,
в них попытайтесь всмотреться.
На скорости обогнав
людей, в жилеты одетых,
манят рукой из окна
людям в желтых жилетах.

И все же приезжает людей куда
больше Камчатка — край молодежный,
край комсомольский. Я в Камчатской правде — такую цифру встретил: 70 процентов граждан области
моложе 30 лет. Большинство — комсомольцы. Многие ребята приехали сюда
после армии, так что школу прошли отличную закалку армейская каждому на пользу. Сильные, уверенные в
своих силах люди. На таких можно в
любой ситуации положиться.

Нет, наверное, ни одного среди этих
новых камчадилов, кто остался бы
равнодушен к масштабам дел, которые
здесь совершаются, к богатству и
красоте Камчатки, к ее интереснейшей и
славной истории. С тех пор, как
казак из Якутска Владимир Атласов, —
камчатский Ермак, прошел полуостров с севера на юг в 1697—1699
годах и дал достоверную его характеристику Сибирскому приказу в Москве, поколения русских людей
посвятили годы жизни и труда замечательной земле на Востоке. Уже в 1720—1721 годах на Камчатке работала первая русская геодезическая партия. Камчатские экспедиции под руководством бессмертного командора Витуса Беринга. Описание земли Камчатской Крашенинникова — эту книгу конспектировал Пушкин. Экспедиции Крузенштерна, Коцебу, Литке... Знаменитая Петропавловская оборона, которая вошла в летопись побед русского флота.

История Камчатки пишется каждый день и каждый час — рыбаками, уходящими от ее берегов на тысячи и тысячи миль, вулканологами, заглядывающими в недра Земли сквозь кратеры камчатских вулканов; геологами, которые очень энергично опровергли утверждавшееся в прежние времена мнение о бесплодии камчатской земли в отношении полезных ископаемых; строителями новых жилых кварталов Петропавловска и первой в СССР геотермальной электростанции — Пищугской, где для получения электроэнергии используются горячие подземные воды; военными моряками, надежно охраняющими наши государственные границы.

Камчатку невозможно не полюбить. Те, кто не был у нас, — приезжайте, и вы убедитесь в этом. Я говорю: у нас. Как и большинство моих друзей, и себя на Камчатке хорошо чувствую. Планы выезда на материк у меня нет. В этом году поступлю на судоводительское отделение Дальнрыбвтуза. Буду плавать и учиться заочно. Так что, можно сказать, твердо: держу курс на Камчатку.

СЛОВО О САХАЛИНЕ

Владимир САНГИ,
писатель.

Приближалось время гососзменов. Но мою племянницу Люду Гишилову занимало предложение принять участие в подготовке программы для учебников нивхского языка. Люда была и обрадована и польщена. Обрадована потому, что ее младшие братья и сестра, дети сахалинских нивхов, скоро будут изучать родной язык. А польщена потому, что ей доверяют ответственную работу.

Люда задумалась. Что бы ей хотелось отразить в учебниках родного языка для начальной нивхской школы? Ей бы хотелось многое передать малышам, но в учебниках обо всем не скажешь. Отобрать самое важное.

Люда — одна из шестерых детей простой нивхской женщины, моей сестры, работающей нииней в колхозном детском садике в Ногликах на северо-восточном побережье Сахалина. Мать Люды училась в школе во время войны, закончила всего два класса. Малограмотная, мать сумела воспитать дочь и убедить ее в необходимости получить высшее образование. Люда, как и все дети народностей Севера, училась в школе на полном государственном обеспечении. Закончив десятилетку, она поступила на факультет народов Севера в Ленинградской педагогический институт.

В институте Люда прошла курс русского языка и литературы, родного языка и литературы народностей Севера. Она знает народности Севера, бесписьменные до революции, за годы социалистических преобразований создали не только письменность, но и

самобытную, яркую литературу. И тема о литературах народностей Севера займет подобающее место в нивхских учебниках. Люда отметит, что грамота не всегда является предшественником литературы. Ведь к североамериканским эскимосам стараниями католических миссионеров грамота и письменность пришли более двухсот лет назад. Но у них до сегодняшнего дня не появились писатели. А в нашей стране литература создается на 76 языках, и среди этих литературных языков свое место занимает нивхский.

Люда обязательно расскажет еще вот о чем. В древнейших сказаниях ее далекие предки обращаются к Ыфх-мифу (Сахалину), родине и кормильце своей, как к живому добруму существу, обильно одаряющему своих подданных рыбой и морским зверем, чтобы нивх жилось сыто, чтобы нивх обходили болезни, чтобы нивх в битве

с многочисленными врагами, посягавшими на его землю, всегда одерживал справедливую победу.

Первых европейцев, посетивших Сахалин, поражало удивительно тонкое знание нивхами такой большой земли. Они прутками рисовали на песке дельфиноподобное изображение и объясняли: вот Мильтенгер — Голова земли со старческим подбородком Патыкыры, вот Спина земли, вот ее Брюхо, а вот двухлонгастый хвост — Мильтаты. И пройдет много десятков лет, пока европейцы с изумлением откроют, что у нивхов были рисованные карты, которые отличались большой точностью. Знаменитый мореплаватель Крузенштерн на свою беду поставит под сомнение сообщение нивхов о том, что их земля является островом. И это дорого обойдется науке. И потребуется еще много лет, чтобы появился замечательный рус-

Фото Альберта ЛЕХМУСА,
Алексея МАСЛОВА,
Сергея ПЕТРОВИЧА
Лева ШЕРСТЕН

ский мореплаватель и ученый капитан Невельской, который с помощью нивхов Позвейна сообщил просвещенной Европе, что Сахалин является островом. Но до встречи с Невельским нивхи переживут много драматических событий.

Как-то теплым днем старейший нашего рода, белоглавый и согбенный Мамзин, имя которого окружала слава великого добытчика, видно, чувствуя приближение времени ухода в Млыново — потустороннее селение, собрал ребятишек на нагретой солнцем песчаной дюне и, подслеповато глядя на играющие бликами залива Чайво, исхорнивший несчетное количество поколений нивхского племени, поведал такую повесть.

Дело было в прошлом столетии. Жители Чайво однажды заметили судно, терпящее бедствие: на нем давно кончился запас пресной воды и пищи, его

сильно потрепало охотскими штормами. Нивхи дали иноземным людям пищу, указали единственный на песчаном берегу источник пресной воды.

Много дней стояло судно в мирном, гостеприимном заливе. Экипаж опрался от недугов, окреп. Жители Чайво помогли отремонтировать судно, снабдили запасом пищи и водой. А перед тем, как иноземцы покинули залив, они по-своему «отблагодарили» хозяев: ограбили селение, забрали пушину, девушек...

И надо было Невельскому обладать неподдельным уважением к достоинству людей иного племени, чтобы нивхи в условиях жестокого грабежа и насилия со стороны заокеанских пришельцев выделили его: нашли в нем многие качества, созвучные с их незыблемыми законами добра и человечности, поверили ему. Именно встреча с Невельским заставила моих

соплеменников задуматься и сделать для себя важное открытие: по тому, как проявляет свое отношение к ним пришелец, можно определить принадлежность его то ли к племени американцев, то ли англичан или лоха — русских. Невельской же, отправляясь в далекое путешествие, взял на безусловное вооружение себе и команде принцип никоим образом не притеснять коренное население заморских земель, проявлять к нему достойное человека почтение, помогать по возможности, умом и сердцем привлекать на свою сторону.

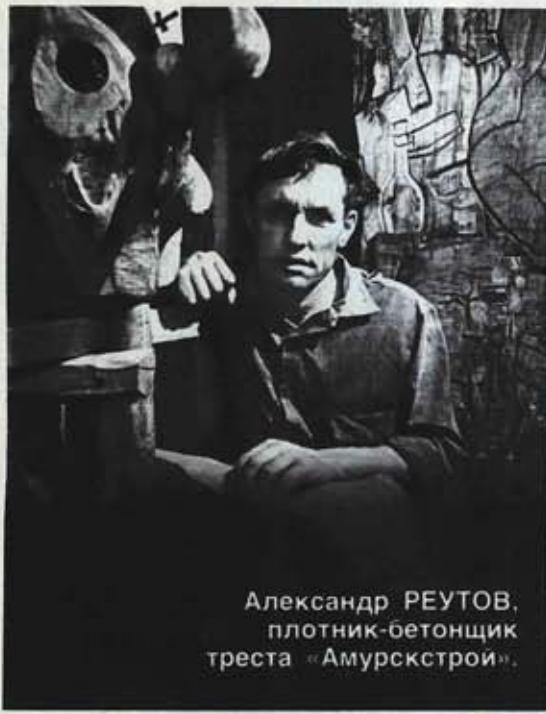
Нивхи поверили уму и сердцу русского капитана. Почувствовали, что народ Невельского может защитить нивхов от грабежа и разбоя, притязаний хищников-иноземцев. И мудрый Позвейн, проводник и друг экспедиции Невельского, собрал старейшин нивхских родов — держать совет. И об-

ратился Большой нивхский совет к Невельскому, а через него к русскому народу с просьбой взять нивхов и их землю Быфхниф под свою защиту.

Ни Невельской, ни Позвейн тогда не предполагали, что царское правительство превратит нивхскую землю в хаторту, что поставит коренное население на грань катастрофы. Но восторжествовала историческая справедливость — на Сахалин пришла очистительная волна Октябрьской революции, поднятая в Петрограде русскими рабочими во славе с Лениным. И нивхи рука об руку с русскими построили новую счастливую жизнь. А у истоков великой дружбы между русским и нивхским народами стояли Невельской и Позвейн.

Да, Люда отразит в учебниках прошлое своего народа, чтобы дети почтывали величие сегодняшнего дня.

...В нашем селении бедник — пред-

Александр РЕУТОВ,
плотник-бетонщик
треста «Амурскстрой».

Когда с Александром Реутовым идешь по улицам Амурска, то чуть ли не каждый второй с ним здоровается. В этом, одном из самых молодых городов Дальнего Востока, Александр — человек известный. Приехал он в Амурск в 1965 году, когда городу было всего семь лет. До этого Александр, родившийся в Забайкалье, работал в Донбассе на шахте, исходил с геологами Кольский полуостров, был формовщиком на заводе железобетонных изделий в Хабаровске... Но в Амурске, как говорит он сам, «просто-напросто осел, и потому осел, что втянулся в общественные дела». Одним из главных таких дел для Александра был и остается музей. Сейчас, пожалуй, нет такого человека, кто побывал бы в Амурске и не зашел бы в этот дом на Комсомольском проспекте, где любовно собраны интереснейшие экспонаты, рассказывающие об истории города, о строительстве Амурского целлюлозно-картонного комбината — первенца лесохимии Дальнего Востока. Сегодня Амурский краеведческий — одна из достопримечательностей города. А началось все с того, что в райкоме комсомола Александру Реутову выдали удостоверение председателя совета по организации музея.

Круг интересов Александра разнообразен. Плотник-бетонщик, в свободное время он занимается живописью, вырубает из таежного дерева удивительные скульптуры, пишет стихи, фотографирует и активно сотрудничает в газетах.

Вот уже несколько лет Александр Реутов ведет дневники, некоторые страницы которых, написанные в разные годы, с разрешения автора мы предлагаем вниманию читателей «Смены».

— Чем-то не очень гладко, — отозвался дед Прокопий Кутымин.

Он уже в возрасте, но о нем не скажешь, что годы приглушили его энергию и силу. Как истый рассказчик, балагур, говорит образно и выразительно, слушать — одно удовольствие. Да и слово его на большой мысли настояно, потому и звучит убедительно. Он из числа первостроителей Комсомольска-на-Амуре, а потому агитатор и оптимист. Любит, чтобы было все четко и ясно. У знающего глаза видят больше. Потому-то его советы полезны и верны.

К всему прочему Кутымин еще рыбак и охотник. Выходец из сибирского села, он любит природу, любительский промысел. На природе он и силы черпает, вот и крутился во время работы, как юла, — не успеешь за ним.

К такому примечательному человеку тянутся молодые. Добрый пример всегда нужен: иди вперед легче.

На его реплику никто не отозвался. Только Иван Шуркин сказал:

— Слово и переставить можно. Пусть сочиняет. А вот фундамент испортишь, ничем не заменишь. В оба глядеть надо.

В Амурск приезжал летчик-космонавт Волынов. Видел его издали. Фотографировать было трудно. Такая толпа народу, просто диву даешься, сколько нас стало в Амурске. И все-таки некоторые кадры удалось. Во-первых, для музея они нужны. А во-вторых, для личной коллекции об известных и заслуженных людях страны, посетивших наш молодой город.

Разговаривал с Денисом Лопатиным. Человек в высшей степени рассудительный. Он отец одиннадцати детей. Зная толк в столярном и плотницком деле, сумел воспитать в них

“ЖИЗНЬ ЗДЕСЬ СВЕТЛА СВОЕЙ МО-

Необходимость вести дневник возникла сама собой. Работая на стройке, занимаясь самостоятельно краеведением, живописью, скульптурой, графикой и фотографией, проблемами в журналистике и литературе, чувствую, что в кипучей текучке не в состоянии удержать в памяти множество имен, встреч с интересными людьми, бесед с товарищами по бригаде. Жизнь, заполняющая дни до предела различными заботами по работе и по дому, творческими поисками и общественными обязанностями, дает повод для массы размышлений. Для меня они важны и дороги: можно проследить, как ты растешь, движешься от упрощенного к сложному восприятию событий, происходящих в твоем коллективе, городе, стране, в мире.

Мне выделили комнату под художественную мастерскую. Рядом тайга, где всегда найдешь для резьбы и скульптур дерево различных пород. Можно приобрести на стройдаре и нужный распил из кедра или осины для моих композиций. Жизнь здесь светла своей молодостью.

Работаю в бригаде плотников-бетонщиков Ивана Шуркина. Народ подобрался солидный. Прокопий Егорович Кутымин и Денис Егорович Лопатин — первостроители Комсомольска. Рядом с ними всегда собранный Геннадий Гаврилов, безотказный Александр Макаров, инициативный Николай Аристов, упрямец Иван Дуля.

Бригадир разворотливый, справедливый. С ним работать интересно всем. Он может организовать дело так, что не будет простое. Когда надо, даст слабинку, а когда и запряжет, что семя потов сойдет. Может, оттого к нему лянут.

Благодаря ему и ко мне пришел вкус к строительному делу.

седатель Совета. Мы в Совет колхозников, бедняков и середняков избрали. Богачей, кулаков и шаманов не избрали. Советский закон говорит: своим трудом живущие люди, мужчины и женщины от 18 лет и выше, в Совет избираться могут. И еще: наша, нивхская, женщин, жизни, очень скверная. Что бы ни было, своим умом жить не дают. Кулаки и шаманы нас, бедняков, закабалля, богатеют. Нас, нивхских женщин, по-старинному только жить заставляют, как собак, на продажу держат. Давайте, женщины, старый закон бросив, по-советскому жить. Это из первой нивхской учебной книги, изданной в Ленинграде в 1932 году.

В те годы Советское государство открыло в Ленинграде Институт народов Севера, и первые студенты-северяне, приобщившись к грамоте,

верно, стрижку не брошу. Нас перевели на закладку фундаментов дрожжевого завода. Работа предстоит большая, и ее надо форсировать по возможности быстрее.

Прошло больше полугода, как приступил к работе над центральными композициями «Военной новеллы». Ее замысел возник несколько лет назад. Он видится мне как цикл композиций на темы Великой Отечественной войны. Всего их будет пятнадцать. Мне хочется рассказать в них о героизме и мужестве советских людей в годину испытаний, торжестве света и солнца над черными силами тьмы.

Был в райкоме партии и райисполкоме. Узнал радостную новость: в Амурске решено создать краеведческий музей. Уже и помещение для него выделено — на первом этаже в доме по Комсомольскому проспекту.

Перевез экспонаты, собранные за четыре года. Их больше тысячи. И каждый из них напоминает мне не только об увлекательных поездках за ними, но и о встречах с людьми различных судеб и характеров.

В большом котловане на месте будущего дрожжевого завода льем фундаменты. Как нулевикам, нам предстоит сделать основу для громадных конструкций, которые будут вслед за нами монтировать монтажники-высотники из бригады Валентина Макарова. Надо сделать так, чтобы все выдержало, а нам не пришлось бы краснеть. Пока дела идут споро, претензий нет, оттого-то и настроение бодрое. Даже стих сложился:

Черные фундаменты,
Белая пурга.
Выдерживай параметры.
Отступи, тайга!

создали вместе со своими учителями — русскими учеными — первые учебники на родных языках.

А вот сегодняшний день:

Ректору Государственного педагогического института имени А. И. Герцена т. Боборыкину А. Д., секретарю парткома т. Жаркову А. П.

Ленинградский интерклуб моряков приносит благодарность руководителям ансамбля факультета народов Севера и студентам — участникам концерта, который состоялся 21 марта 1978 года в нашем интерклубе. Моряки греческого теплохода Вомар и американского т/х Томас Джессиферсон с большим интересом прослушали вступительную лекцию о развитии культуры народов Севера за 60 лет Советской власти и посмотрели концерт. Это мероприятие имело большое значение для ознакомления иностран-

ных моряков с решением национального вопроса в СССР. Моряки сердечно благодарили преподавателей и студентов за интересную программу. Офицеры греческого судна Вомар и представитель судовладельческой компании сказали: Мы не представляем, что малочисленные народы Севера за годы Советской власти достигли такого высокого уровня и имеют свой центр по подготовке кадров...

Директор интерклуба моряков Р. Казанцева.
Секретарь парторганизации В. Ященко.

За годы социалистических преобразований неизвестно изменился нивх. Всего лишь одна неполная человеческая жизнь потребовалась для того, чтобы он из первобытной общины вошел в общество развитого социализма.

Из среды охотников вышли замечательные учителя, врачи, писатели. Неизвестно преобразился и древний нивхский остров, современные белокаменные города оконтурили его морское побережье. Из дощатых времянок вознесся каменный многоэтажный Южно-Сахалинск.

Люда недавно получила из дома письмо: в нем мать сообщила, что морской железнодорожный паром Ванино — Холмск объединил островную железнодорожную сеть со всеми областями. И младшему брату Люды рыбаку Саше Сангигу, комсомольцу, ударнику труда, чтобы в составе молодежной группы побывать в гостях у своих сверстников в Польской Народной Республике, не нужно было выбираться из Ноглик на собачьих упряжках — его вывез из родного поселка рейсовый современный авиалайнер. И еще в

Приступили к оформлению музея. Для начала сделали уборку помещения, переложили экспонаты. Я вымыл пол, стер пыль с предметов. Установили стену избы, привезенную зимой из Орловки, сверлильный станок, подаренный парнями из Вознесеновки.

Прочитал статью о Блоке. Александр Блок тянет к себе чистотой. Его поэзия, как большая звезда, горит, освещая сердца тем, что он в свое время увидел в могучей России.

Прочитал статью критика В. Г. Я с ним переписываясь. Интересны его суждения о прозе лирической и эпической. Но в них нет основательного анализа. Не доказывает, а только походя говорит, что у лирической прозы наступила пора спада, а у эпической, напротив, наступила пора подъема. Мне кажется, эти колебания закономерны, они вызывали и будут вызывать определенные переплыты в литературе. За отображение современности, что характерно, как правило, для лирической прозы, берутся более сильные таланты. Их много. Но немало и тех, кому проще и легче дается изображение вчерашнего дня—далекого прошлого. Эти факторы в равнении привести очень трудно.

Прочитал А. П. Чехова «Остров Сахалин». Это великая книга, исполненная чувства острой правды и высокой совестности. Такую книгу мог написать только Чехов.

Погода стояла чудесная. Солнце щедро на свет и тепло. Лишь изредка набегал ветер, но прохлады не приносил. Безбрежные ясные дали, спокоен Амур. Всюду—литая зелень. Но как бы ни пытало лето, близость осени ощущается. Звенят воздух, горят цветы. Бери краски и пиши, наслаждайся радостью жизни, работай—гори с цветами вместе.

ЛЮДОСТЬЮ"

На монтаже оборудования лесопильно-деревообрабатывающего комбината работают инженеры из Польской Народной Республики. Познакомился, пригласил в мастерскую. Приходили. Один из них пришел с женой. Люди интересные, об искусстве судят верно. Поговорили и о делах, нашем растущем городе, который им очень нравится. Теперь я знаю, что означают международные связи рабочих социалистических стран: быть вместе, помогать и понимать друг друга.

Состоялась профсоюзная конференция. Смогся в редакцию газеты—предстоит оформлять ее фотографиями. Это не единственная нагрузка. В составе группы народного контроля управления участвую в рейдах. Во время последнего похода на бесхозяйственность фотографировал все, что может улучшить некоторых товарищей в нерадивости и халатности. Задумывался, почему так много еще беспорядков на площадке. Местами на участках просто валяется оборудование. Нет подъездов, хотя рядом гора щебня.

Виновникам требования контролеров не нравятся. Иначе некоторые из них не говорили бы, хоть и в шутку, но довольно-таки жестко: «Мы тебе фотокамеру погладим. Арматурой по объективу». Задевает. Никому не хочется быть выставленным на суд общественности.

На площадке дрожжевого оживленно. Наружные стены уже покрашены. Завод принимает нарядный вид. Строители и монтажники в график укладываются с трудом. Из-за ошибок в проекте на переделки не хватает рук. Но стройка бурлит. И сейчас, когда наступает решающий период, рабочие трудятся особенно старательно. Каждый гвоздь, каждая лопата бетона—все идет в дело.

С Кутыминым сбивали щиты для лесов. Дело простое, а не идет. Ни у меня, ни у него тем более. Сегодня Прокопий Егорович вышел на работу в последний раз. Ему оформили пенсию, и с завтрашнего дня он на заслуженном отдыхе.

Событие отмечали вечером всей бригадой. Говорили ему добрые слова. У всех нашлось, что сказать деду, потому что не раз он приласкал нас добрым словом—и Дулю, и Гаврилова, и даже Гордиенко с Дуловым, и, что особенно важно, Шуркина самого. Он слушал нас растерянно.

— Сердце мое не на месте,—сказал Кутымин, выслушав всех.—Почитай, жизнь откружила. А коль говорите доброе слово, знать, было в ней стоящее. Успокоили как бы старика. Мол, считай дела, а не прожитые годы, гордись трудами праведными, а не сединой.

В тот же день из бригады ушел и матрос Санька Гордиенко. Тихо ушел. Потому что уверен был, что счастья на стороне все-таки больше. Эх! Посмотрел бы на Кутымина, может, остался, понял бы: человека ценят за добрые дела, а не за метания с места на место. Да и деньги слабому уму достаются дороже.

Жизнь без матроса не поскучинет. Но трудно представить, кто заменит Кутымина.

Прораб Винокуров, что командует на нашем участке, показал свои рисунки. Я разглядывал их и удивлялся, какой богатой жизнью может жить человек. Мы его знали как изобретателя. Это он предложил пристроить шарнирный толкатель к ручному рубанку. Все время мы застругивали полы вручную, стоя на коленях. Метровая ручка с шарниром помогла «выпрямить» плотника. Позже стали применять электрофуганки, а это и вовсе облегчило труд. Последнее предложение рационализатора: асфальтовый слой вместо щебено-битумной подготовки под бетонные полы. Не знаю, какая выгода в деньгах, но это что упрощает и ускоряет дело,—в этом мы убеждаемся воочию.

Его рисунки о том, что видит на работе, в путешествиях. Он штрихует очень ясные композиции. Поездку на моторке по Амуру решил описать. Поразила природа, жизнь на берегах великой реки. Интересно послушать его суждения о поэзии, искусстве. Хочется, чтобы таких людей вокруг нас становилось все больше и больше.

Бригада Гурова, выкладывющей лестничную площадку, остается совсем немного, чтобы дотянуть до конца.

На стройплощадке висели плакаты, на которых было написано: «20 декабря дадим дрожжевой в эксплуатацию!» Народу становится все больше и больше. Сегодня нас уже 700 человек—электриков, механизаторов, строителей. Выделяются прибывшие только что тридцать монтажников из Магадана, отчаянно приступившие к сборке оборудования сушкильного цеха, самих сушников.

Рисовал Колу Бельды, сильного певца маленьского народа. Его голос производит неизгладимое впечатление. Слушал песни артиста и думал, как самобытны национальные таланты. Встречи по музейным делам с мастерами в селах района, знакомство с печальным прошлым и сегодняшним устроенным бытом, тяга детей к культуре и образованию—все это давно убедило меня наглядно, как много дала революция этой северной народности.

Я знаком с крановщиком управления механизации № 4 национальным Пансе Киле. За его спиной большая жизнь. Он прошел войну, нелегкие дороги труда. В бою он оказывался на трудном участке фронта. В работе—там, где бурлит жизнь. Радости не обольстили. Беды не сломили. У него открытое сердце. Оно, кажется, переполнено любовью к жизни: нигде его не оставляла одна страсть—писать стихи. Мы часто с ним говорим о поэзии. Старик продолжает писать стихи для себя. Читает их всякий раз. Они притягательны чистотой и молодостью.

В нашей бригаде второй месяц работает удзгеец Родион Капчуга, родом из селения Кун, что на реке Гур. Парень работает. Пытается с ним разрешить в разговоре одну проблему—что надо сделать, чтобы сохранить искусное

творчество народностей Севера. Старые мастера отходят, а молодые не призывают.

Коля... Пансе... Родион... Можно ли связать их судьбы друг с другом? Они не сходны, как деревья в лесу. Но их освещает одно солнце нашей жизни.

С утра поехал в Комсомольск. Весь воскресный день провел в краеведческом музее и на выставке детского художественного творчества. Впервые смотрел, как великолепно рисуют дети. Меня тронуло все, что я увидел. Дети самостоятельно творят чудесные вещи. Они видят мир, ярко и щедро пишут солнце. Мне показалось, надо учиться у них так чутко видеть жизнь и землю.

В бригаду пришел новичок, в прошлом матрос торгового флота Юрий Пушкин. Юра побывал в Сингапуре, Японии, Болгарии, Турции. Его рассказы интересны и поучительны. Слушаю и думаю—в сравнении с тем, как много видел он в жизни, стоят ли чего-нибудь мои путешествия?

Иван Шуркин, кажется, доволен. Он вспомнил непутевого Гордиенко. Саня оставил нам меркантильное представление о море. А ведь главное в море—непреходящая романтика, что движет сердцами молодых. И с Юрий море в нашем представлении окрасилось в новый цвет.

Как тут не вспомнить старика Кутымина! В жизни опасно поддаться суете, подогреваемой стремительным темпом цивилизованного времени. Можно попусту потратить силы, притупить мысль, лишиться остроты восприятия доброго, светлого. Чем меньше человек мечется, тем определеннее его дела.

Был в Москве. Приглашали в Центральный дом народного творчества в связи с открытием выставки художников-любителей. Из-за непогоды ИЛ-62 приземлился в Ленинграде. Считаю, повезло: незамедлительно двинулось изучать легендарный город. Осмотрел Исаакиевский собор, побывал в Эрмитаже, а вечером с последней группой экскурсантов—рабочими из Чехословакии—успел пройти в Петропавловскую крепость... История, искусство, архитектура... Все это для меня необычно и величественно.

Утром был в Москве. Решил, кроме основной цели командировки, осуществить все, чего не смог сделать в предыдущий приезд. Встретился с критиком В. Г., поговорил и посыпал. Гости у Павла Антокольского. Позл показал свой кабинет, заставленный книгами, коллекцию фотографий всевозможных скульптур. С удовольствием слушал об Амурске. Длинный разговор произошел у писателя Д. Осина. Наконец встретился с Б. Ласкиным, приезжавшим на Дальний Восток в дни советской литературы.

Успел обойти музеи и выставки. Устал. Соскучился по дому. Был доволен. Вещи, сделанные настоящими художниками, заставили задуматься, над чем и как работать. Главное—закончить начатое. К действию пусть зовут мысль и чувства.

Завод принял, как говорит прораб Винокуров, эксплуатационный вид. Он встречает нас свежими познаниями и плакатами. Красные «молнии» сообщают о завершении последних работ. Полностью готовы дрожжерастительные чаны.

Наконец состоялся и праздник, посвященный пуску нового предприятия.

Винокуров долго тряс руку Шуркину. Благодарил. А нам и радостно и грустно. Всегда немного грустно уходить на новое место. Но такова судьба строителя.

Ивану Шуркину явно не по себе. И нам его понять просто. Столько связано с дрожжевым. Здесь у него прибавилось седин, острее стали морщинки вокруг глаз.

Вечером встретил Кутымина. Расспросил о ребятах. Прокопий Егорович не забывает нас, кажется, будто и не уходит из бригады.

— Слушай,—вдруг вспомнил Кутымин.—А как там про фундаменты? Черные фундаменты, белая пурга...

— Так и осталось. Некогда было.

— Не печалься. Еще успеешь подобрать свое слово.

письме сообщалось, что рыбаки-нивхи самых отдаленных сахалинских селений смотрят московские телепередачи.

Родина Людя знаменита рыбой и лесом, пушниной, углем и сельским хозяйством, газом и нефтью. И сахалинцы помнят славную страницу в биографии Дальнего Востока: сахалинская нефть сыграла свою роль в усилении мощи страны в годы борьбы с гитлеровскими захватчиками. Тогда в суровейших условиях в рекордно короткие сроки был проложен нефтепровод Оха—Комсомольск. Недавно проложили вторую ветку, нефтепровода уже не хватало для обеспечения потока нефти на материк. Поездка Генерального секретаря ЦК КПСС Председателя Президиума Вер-

ховного Совета СССР товарища Леонида Ильича Брежнева по районам Сибири и Дальнего Востока, его указания сыграли выдающуюся роль в усилении комплексном развитии восточных районов страны, в том числе и Сахалинской области. Сахалинские нефтеразведчики вышли на новый этап поиска черного золота.

На Сахалине многое меняется. Теперь сахалинские рыбаки и нефтяники, лесорубы и охотники и зимой могут увидеть на своем столе свежую зелень, значительно расширяется строительство теплиц. Остров может обеспечивать себя огурцами и помидорами, луком и салатом в течение круглого года.

Люда всматривается в синеющие дали и видит преображеный Сахалин, его замечательных людей, по-своему любящих эту суровую зем-

лю. Видит мать, братьев, сестер, земляков—рыбаков и охотников. Они ждут от Люды учебника. Учебника нивхского языка.

На днях из Ленинграда мне позвонила моя племянница Люда Гашилова. Сообщила такую новость: ее и ее мужа Аркадия Гашилова, селькупа, представителя такой же, как нивхи, маленькой северной народности, год назад окончившего с отличием тот же институт и работавшего директором школы в Томской области, пригласили в аспирантуру на кафедру языков, фольклора и литературы народностей Севера Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена. И еще: я написал Люде письмо, попросил взять меня в соавторы программы и учебников нивхского языка.

«Восточный порт—один из 10 портов Дальневосточного морского пароходства. Его строительство в бухте Врангеля залива Находка началось в октябре 1970 года. Сооружение порта было продиктовано необходимостью создания морских ворот Байкало-Амурской магистрали, вовлечением в хозяйственный оборот огромных ресурсов Сибири и Дальнего Востока, дальнейшим расширением экономических связей со странами Тихоокеанского бассейна».

Из проспекта, выпущенного Дальневосточным морским пароходством.

ОКЕАНСКИЕ ВОР

Генрих ГУРКОВ.
Фото Альберта ЛЕХМУСА.
Специальные
корреспонденты «Смены».

АНАТОЛИЙ ЗЕНЬКОВИЧ,
ДЕЛЕГАТ XVIII СЪЕЗДА ВЛКСМ.

— Ах ты, Дениска Анатолич, сынище
ты мой...

И взлетает к потолку толстощекий
человечек в распашонке.

— Толя, ты его затискаешь...

Затискает. Ладонь—с две нормаль-
ных. Плечи штангиста. Кряжистый,
плотный. Микула Селянинович, должно
быть, похоже выглядел.

На подоконнике, возле детской кро-
ватки, книжка раскрыта. Бенджамин
Спок, «Ребенок и уход за ним». Микула
Селянинович вечерами штудирует Спока.
Достал книжку в горкому: когда
конференция проходит, «выбрасывают»
кое-что из интересной литературы. А
вообще с хорошими книжками здесь
беда. По крохам, всеми правдами и
неправдами библиотеку домашнюю со-
бирал, уже скоро полтысячи томов
будет.

...Жареная печенка с картошкой—от-
лично! И еще кружечку чайку крепкого.

— Таня, я сегодня, наверное, на часок
задержусь—по поводу шефства хотели
с Володей Шереметовым в школу заско-
чить, обговорить там кое-что надо...

Таня кивает. Она выросла в семье

военного, и что такое надо, понимает
прекрасно.

У нее хороший, светлый взгляд, мяг-
кие движения, спокойная, неторопливая
речь. Таня—человек обстоятельный,
рассудительный, вдумчивый—и это еще
заметнее по контрасту с бурной Толиной
активностью. Он все делает стреми-
тельно. Стремительно, но не стремглав.
Ведь и поженились как: 29 октября, в
день рождения комсомола, познакоми-
лись, а 9 ноября уже были в загсе. Он
повел—и все тут. А разве против такого
парня устоишь?

Обеденный перерыв закончен. Десять
минут в автобусе.

— Хочешь конфетку? Тебе ка-
кую—карамель «Ромовую» или ка-
рамель «Дюшес»?

— Давай «Ромовую». У нее название
как-то содержательнее...

Хозяйственный пирс—так называет-
ся место, где работает стропальщик-
такелажник Анатолий Зенкович, ла-
уреат премии Ленинского комсомола,
член Находкинского горкома партии,
делегат XVIII съезда ВЛКСМ. Хозяй-
ственный пирс—через него идут основ-
ные грузы для строительства Восточно-
го порта. А что это значит, нетрудно
понять, представив себе размах строй-
ки...

Будто на детском рисунке, самыми
яркими—красными, зелеными, желты-

ПРИМОРСКИЙ СЮЖЕТ.

ми — карандашами вычерченены поднимающиеся над кромкой льда, вписанные в ослепительную голубизну неба ажурные конструкции кранов. Продолговатые кробочки контейнеров. Каждая с железонадорожным вагоном.

Контейнерный терминал — то есть комплекс для погрузки и выгрузки контейнеров — визитная карточка Восточного и его гордость. Технический уровень — двадцать первый век. Сидит за пультом управления стройная девчонка с элегантной «столичной» прической и русалочными глазами, подмигивает ей со всех сторон электроника, выплываются на экране цифры, а за окном плывут в воздухе очертанные «коробочки» с иностранными словами и эмблемами на ребристых боках, плывут и укладываются по запрограммированным для них местам, отмеченные цифрами, как на городской автомобильной стоянке. Первым «своим» гостем терминала был контейнеровоз «Александр Твардовский» — он стал под погрузку 8 мая 1976 года. А первый «иностраник» — теплоход «Сибирь Мару». Японский. Построили его специально для обслуживания Транссибирской контейнерной линии.

Есть разные пути доставки грузов из стран Тихоокеанского бассейна в Европу и обратно. Из Японии, например, контейнер идет морским путем вокруг Африки что-то порядка 27 суток, через Суэцкий канал — чуть дольше 20 суток. Если же доставить его в Восточный, перегрузить на железнодорожную платформу и отправить европейскому адресату через Ленинград — ведь путь займет около 13 суток. Наша страна, употребляя понятие из словаря внешней торговли, «продает услуги». Коммерчески это весьма выгодно. Ну, а масштабы

ОТА БАМА

бах перевозок говорят такие цифры: мощность действующей первой очереди терминала — 75 тысяч контейнеров в год. В недалеком будущем — 150 тысяч контейнеров международного стандарта.

Через Восточный идут грузы для великих строек Сибири. Из Восточного отправляются в Японию лес и технологическая щепа — работают на лесном причале четыре портальных крана «Сокол» из ГДР, два мостовых перегружателя «Сумитомо», установлена система конвейерных и пневматических линий, по которым поток щепы устремляется в трюмы.

И это не все. Громоздятся на причале феерических размеров механизмы для перегрузки угля — стакеры, реклаймеры суперсовременного образца — этакие многоэтажные металлические динозавры, рожденные эпохой НТР. В Восточном создается мощнейший угольный комплекс. Южноякутский уголь, добываемый в разрезах Нерюнгри — Беркаита, по трассе БАМА будет перебрасываться сюда и включаться в актив внешнеторгового баланса страны. 10 миллионов тонн угля в год уйдет из Восточного на экспорт. А взамен — поток нужных нам товаров и изделий.

Глубоководная бухта, которая носит имя Фердинанда Петровича Врангеля — российского адмирала, уроженца Пскова, губернатора Аляски, исследователя Сибири и Севера, — способна пропускать к причалам суда-гиганты

предельно 150—200 тысяч тонн. Эти океанские левиафаны, поглощающие горы грузов, будут наполнять свои трюмы углем на комплексе Восточного с неслыханной скоростью — 8 тысяч тонн в час!

В решениях XIV и XXV съездов партии упоминается Восточный порт. Он будет крупнейшим в Советском Союзе. Грузооборот достигнет 40 миллионов тонн в год. Больше, чем все остальные девять портов Дальнего Востока, вместе взятые. Такая она, арифметика Восточного.

...Первыми, кто высадился на пустынном, безлюдном берегу бухты Врангеля, были тридцать парней и девчонок из Одессы. В кармане — комсомольские путевки. Жилье — палатки возле самой воды. Осень 70-го...

Анатолий Зенькович приехал в 71-м. Из Белоруссии. Тоже с комсомольской путевкой на Всесоюзную ударную...

На хозяйственном пирсе нет электроники. Техника — да, есть. Самая необходимая. Электроники нет.

И подходят сюда не те заморские и отечественные чудо-корабли, один вид которых превращает любого нормального взрослого мужчину в мечтающего о море мальчишку. Здесь швартуются стекленные самоходные баржи, горластые, чумазые портовые буксиры и прочие вполне прозаические, домашние, ничуть не импозантные «плавсредства». Флот не в щегольском мундире, а в рабочей спецовке.

Антракт научно-фантастического романа — там, в диспетчерской контейнерного терминала. Здесь — кран, стропы, «майна», «вира»...

— Красавцы они в работе...

Это произнес штурман — молчаливый, мрачноватый человек, на физиономии которого прочно утвердилась неукроти-

маемая, его настоящее имя Нуритдинов Шарифьян Нуритдинович. Из Башкирии родом. Работает с бригадой Старостина больше трех лет. («Я вообще-то уже пенсионер форменный. С семнадцатого года, ровесник Октября... Но разве от этих оторвешься? Обходительные ребята. Приятно с ними работать. Одно слово, мастера!»)

Бригадир Матвей Старостин — смуглый, темноглазый, очки в крупной, по нынешней моде, оправе. Якут. С семи лет в детдоме. Закончил строительное училище. После армии приехал к себе в село Алтанце, Амгинского района. Приехал один, а уехал с женой. Маргарита ее зовут. Маргарита Константиновна. Она из Ивановской области, кончила пединститут. Вместе сюда и перебрались. («Дочки здесь родились — Женя и Юля. Рита в школе русский язык преподает. Квартиру трехкомнатную получила. Корни, можно сказать, пустили. Я начальница работала здесь каменщиком, бетонщиком, плотником... Ну, а потом бригада сколотилась. Ребята что надо...»)

Матвей — дирижер. Поднял руку, подвел юю — дядя Яша опустил стропы на «ринг» Зеньковичу и Черноморову. Те синхронно коротко поклонились плите — раз-два, закрепили стропы. Анатолий кивнул — бетонный прямоугольник ушел вверх и по выверенной, многократно отработанной траектории скользнул к «Магирусу», застыл в каких-то миллиметрах от борта. Кохримон Касумов принял плиту и повел ее на укладку. Он самый, пожалуй, невозмутимый в бригаде, Кохримон. Флегматичный даже. Но поскольку кавказец, прозвище ему дали соответствующее: «Джигит».

Матвей положил деревянные рейки, чтобы не билась плита о плиту по дороге к стройке. Раз-два, отцепили стропы. Рука поднята. Дядя Яша все видит...

Бытовка бригады разделена на две половины. Одна — официальная, торжественная, что ли. Вторая — деловая. В одной награды. Их много. Знамя «Герой пятилетки», ветераны труда — лучшему комсомольско-молодежному коллектиvu». Вымпел ЦК ВЛКСМ имени Ю. А. Гагарина. Диплом о занесении бригады в «Летопись комсомольской славы». Мандат на право подписать рапорт Центральному Комитету партии к 60-летию Великого Октября... Крупно: «Экран социалистического соревнования». «Качество работы — хорошее... Производственный травматизм — нет... Выполнение плана — от 150 до 200 процентов...»

А в соседней, будничной половине бытовки дневник бригады. Читаешь его — и становится понятным, из чего складываются рекордные цифры. Такая, например, запись: вся бригада прошла курсы повышения квалификации. Или другая: предложили изменить укладку грузов на пирсе, упорядочить ее. И снова — скачок в производительности...

Помнится, в записках Героя Советского Союза летчика-испытателя Марка Галля встретилась мысль, высказанная, кажется, кем-то из его коллег: «Делать быстро — это значит делать медленно, но без перерыва между движениями».

Не суета, а темп, подчиненный логике. Рациональный угол подачи груза. Суверенность каждого жеста. Непринужденный артистизм профессионалов. Великолепная пятерка эти Старостин, Нуритдинов, Черноморов, Касумов, Зенькович...

«Майна!» — сигналит Матвей.

Все. Трюм пуст. Рыча, уходит к поселку тяжело груженный «Магирус». Сегодня были плиты для жилого дома и блоки для угольного комплекса. Самое необходимое...

Резкий, пронзительный гудок. Прочертит зигзаг по бухте, выворачивает к причалу очередная самоходка.

Хозяйственный пирс. «Черный ход» Восточного, так сказать.

Но когда стройки начинаются с парадного подъезда?

После выступлений «Смены»

Под таким заголовком в «Смене» № 7, 1978, были напечатаны материалы рейда по профтехучилищам Приморья.

Редакция получила письмо секретаря Приморского крайкома КПСС тов. Н. Т. ХРОМОВСКИХ, который сообщил: «Критические замечания, высказанные в адрес строительных организаций края, являются совершенно правильными. Отмеченные в статье недостатки обсуждены в краевом комитете партии. Обращено внимание руководителей строительных организаций на недопустимость подобного отношения к развитию базовых профессионально-технических училищ».

Начальник территориального главного управления по строительству в Приморском крае Министерства строительства СССР (Главвостокстрой) тов. А. В. БАХТЕЕВ, подтвердив факты, изложенные в материале «Нулевой эффект», проинформировал редакцию, что начато строительство для ГПТУ № 10 общежития на 408 мест со столовой на 200 мест, закончено проектирование общежития для ГПТУ № 23 на 444 места со столовой на 200 мест (начать строительство предусмотрено в 1979 году); в 1978—1980 годах намечено построить 5 общежитий на 1902 места, 4 столовых на 700 мест, 3 учебных мастерских на 430 ученических мест, 2 пристройки к учебным корпусам на 20 кабинетов, 1 общественно-бытовой корпус.

Заместитель министра транспортного строительства СССР тов. В. М. КОЗЛОВ в письме в редакцию сообщил, что «тресту «Дальнморгидрострой» дано указание провести в текущем году необходимый капитальный ремонт всего комплекса зданий ГПТУ-13 и оказать помощь в укреплении его материально-технической базы. В настоящее время трест приступил к ремонтным работам, которые будут закончены к началу учебного года».

Редакция получила также письмо заместителя председателя Государственного комитета СССР по профессиональнотехническому образованию тов. А. Н. ОСИПОВА, в котором говорится: «Государственный комитет уверен, что проведенная рейдовой бригадой «Смены» работа поможет системе профтехобразования более успешно решать вопросы создания учебно-материальной базы профтехучилищ не только в Приморском крае, но и в других районах Сибири и Дальнего Востока».

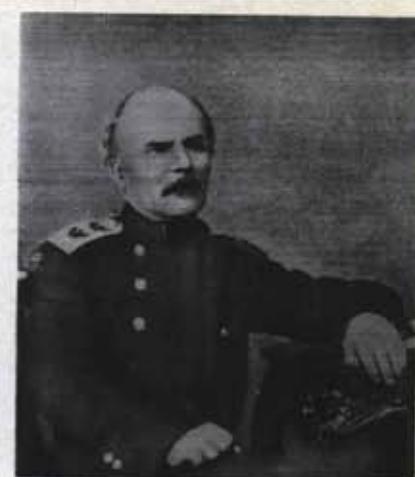
В. И. БЕРИНГ

С. П. КРАШЕНИННИКОВ

Г. И. ШЕЛИХОВ

Г. И. НЕВЕЛЬСКОЙ

В. К. АРСЕНЬЕВ

Дорогие имена

БЕРИНГ Витус Йонссен (по-русски Иван Иванович) (1681—1741).

Из шестидесяти прожитых им лет две трети — 40 лет — отдано второй родине — России, с которой он связал свою жизнь с юности. Выходец из Дании, Беринг в эпоху Петра I поступил в русский флот, был во многих плаваниях, принимал участие в Азовском походе Петра I. А в 1725—1730 годах он возглавил первую Камчатскую экспедицию. Помощником его был замечательный русский мореплаватель Алексей Ильич Чириков. Во время этой экспедиции был открыт (вторично после С. Дежнева и Ф. Алексеева в 1648 году) пролив между Азией и Америкой — всему миру известный Берингов пролив. В 1733—1742 годах Беринг руководил второй Камчатской экспедицией, действовавшей на огромных просторах Сибири и Дальнего Востока. Многочисленные ее отряды составили карту севера Азии.

Морской отряд М. П. Шпанберга побывал у берегов Японии и описывал Курильские острова. Пакетботы «Св. Петр» и «Св. Павел» под командованием Беринга и Чирикова в 1741 году открыли со стороны Тихого океана берега Северной Америки, Аляску и Алеутские острова. На обратном пути «Св. Петр» потерпел крушение у острова. С тех пор он стал называться островом Беринга в группе Командорских островов. Там и умер отважный капитан-командор Беринг. На следующий год оставшиеся в живых построили из остатков пакетбота небольшое судно и на нем добрались до Камчатки. Именем Беринга названы море, пролив, группа островов и еще семь географических объектов. Имя Беринга знакомо каждому из нас еще со школьной скамьи.

КРАШЕНИННИКОВ Степан Петрович (1711—1755).

«Описание Земли Камчатки» — капитальный труд по Камчатке, завершенный Крашенинниковым в 1751 году, — это подлинная камчатская энциклопедия, к которой обращаются и всегда будут обращаться ученые, занимающиеся историей, географией и этнографией Дальнего Востока. Участник Академического отряда второй Камчатской экспедиции, С. П. Крашенинников в 1737—1741 годах совершил множество путешествий по неизвестной тогда, далекой Камчатке, изучал ее географию, быт и языки местного населения. Имя ученого и путешественника десять раз увековечено на карте мира.

ШЕЛИХОВ Григорий Иванович (1747—1795).

«Колумб Российской» — так назвал отважного купца и смелого морехода Гавриил Державин. За свою сравнительно короткую жизнь Шелихов организовал много промысловых экспедиций из Охотска и Камчатки на Курильские и Алеутские острова. А в 1783—1786 годах он плавал в Северную Америку, основал там на острове Кадьяк первое постоянное русское поселение. Оно положило начало Русской Америке и организации монопольной Российской-Американской компании. Именем Шелихова названы шесть географических объектов, в их числе залив Шелихова в Охотском море. Его имя носит город в Сибири.

НЕВЕЛЬСКОЙ Геннадий Иванович (1813—1876).

Это имя едва ли не самое популярное на Дальнем Востоке. Пролив Невельского, залив Невельского, гора Невельского, город Невельск, бухта Невельского, фарватер Невельского, улицы Невельского в разных городах Дальнего Востока, пароходы, носящие его имя, шесть памятников установлено мореплавателю в нашей стране.

Чем так прославился Невельской? Несмотря на то, что в XVII веке русским мореходам и землепроходцам было известно об островном положении Сахалина и о том, что Амур не теряется в песках, а несет свои воды в море, представления о географическом положении реки Амур и Сахалина стали забываться. Сахалин стали изображать на картах полуостровом, а реку Амур — не владающей в море. Во время плавания на транспорте «Байкал» в 1848—1849 годах Г. И. Невельской точно установил, что Сахалин — остров, а в реку Амур возможен вход с моря — из Охотского и Японского морей. Вслед за тем в 1850—1855 годах Невельской возглавил Амурсскую экспедицию, участники которой Н. К. Бошик, А. И. Воронин, Д. И. Орлов, Н. М. Чихачев, Н. В. Рудановский, А. И. Петров, Г. Д. Разградский, В. А. Римский-Корсаков и другие исследовали Приамурье, часть Приморья, Сахалин, нанесли их на карту. Там были основаны русские селения, посты: Петровское, Николаевск, Корсаков, Ильинское, Де-Кастри, Императорская (ныне Советская) Гавань.

МАКАРОВ Степан Осипович (1849—1904).

Прославленный русский флотоводец, полярный исследователь, он был вместе с тем исследователем дальневосточных морей и Тихого океана. «В море дома, а на берегу в гостях», — любил говорить он. Макаров родился на берегу Черного моря, в Николаеве, учился на берегу полноводного Амура, в Николаевске-на-Амуре, плавал на Тихом океане и погиб в водах Дальнего Востока на борту броненосца «Петропавловск», подорвавшегося на мине вблизи Порт-Артура. Юношей Макаров обошел все побережье Дальнего Востока, но больше всего он сделал для изучения Дальнего Востока и Тихого океана во время плавания в 1886—1889 годах корвета «Витязь», которым он командовал. Океанографические исследования Тихого океана, проведенные во время этого кругосветного плавания, составили целую эпоху в его изучении, а также в изучении течений морей Дальнего Востока. Экипажем «Витязя» под руководством Макарова был выполнен промер залива Петра Великого и составлена его карта. В 1895 году, командуя эскадрой, С. О. Макаров продолжал гидрографические исследования в Японском море. Макаров любил Дальний Восток и был всю жизнь предан ему. Девятнадцать географических объектов на карте мира носят имя прославленного адмирала.

ЛИТКЕ Федор Петрович (1797—1882).

Знаменитый русский ученый и мореплаватель, полярный исследователь и организатор науки — таким предстает перед нами адмирал Литке. Он совершил два кругосветных плавания: на шлюпе «Камчатка» в 1817—1819 годах под руководством В. М. Головнина и самостоятельно в

С. О. МАКАРОВ

Ф. П. ЛИТКЕ

С. Г. ЛАЗО

В. БОНИВУР

1826—1829 годах на шлюпе «Сенявин». Он описал западное побережье Берингова моря, остров Карагинский, острова Прибылова и другие. Карты, составленные им, долго служили мореплавателям. Литке четырежды плавал к Новой Земле. Он стал одним из активных организаторов Русского географического общества и долгие годы был его руководителем, всячески поддерживая исследования Дальнего Востока. Он был президентом Академии наук. Именем Литке названы пролив между Камчаткой и островом Карагинским, гавань в заливе Лаврентия, мыс в Беринговом море, мыс в Охотском море, остров в Тихом океане — всего 16 географических объектов на карте мира.

АРСЕНЬЕВ Владимир Клавдиевич (1872—1930).

Певец и исследователь Дальнего Востока, этнограф и писатель, подаривший миру умного и доброго следопыта Дерсу Узала. Арсеньев три десятилетия путешествовал по Дальнему Востоку, больше всего по Приморью. Им исходены в разных направлениях долины Уссури и Амура, отроги и перевалы Сихотэ-Алиня. В 1918 и 1923 годах Арсеньев путешествовал по Камчатке и Командорским островам. Запоминающейся была экспедиция по маршруту Советская Гавань — Хабаровск, совершенная в 1927 году. Позже первопроходцы — изыскатели БАМа исследовали и его вариант проложения стальных путей через Сихотэ-Алинь. Но больше всего Арсеньев изучал быт, обычай, промыслы, языки, фольклор местных жителей, которых знал он и которые любили его. По образному выражению Максима Горького, Арсеньеву «удалось объединить в себе Брема и Фенимора Купера...». Город в Приморье и гора на острове Парамушир носят имя славного ученого и писателя.

ЛАЗО Сергей Георгиевич (1894—1920).

Герой гражданской войны, пламенный коммунист и отважный партизан. В 1917 году он участвовал в подавлении контрреволюционного мятежа в Иркутске, в 1918 году двадцатичетырехлетний Лазо стал командующим войсками Забайкальского фронта, разгромившего банды атамана Семенова. С осени 1918 года жизнь и кипучая деятельность Лазо связана с Приморьем, где он командовал всеми партизанскими отрядами. Японские интервенты, оккупировавшие в начале 20-го года Приморье, арестовали С. Г. Лазо и его соратников А. Н. Луцкого и В. М. Сибирцева, вывезли их из города и сожгли в топке паровоза на станции Муравьево-Амурская. Теперь эта станция носит имя С. Лазо. Во Владивостоке на улице Лазо ему установлен памятник.

БОНИВУР Виталий (1901—1922).

Один из руководителей подпольной комсомольской организации Приморья. В сентябре 1922 года в деревне Кондратенковка был схвачен белогвардейцами. Жестоким пыткам они подвергли Виталия, но он не выдал местонахождение партизанского отряда. Тогда озверевшие бандиты раздробили Бонивуру голову, вырезали сердце из его груди. Так погиб герой гражданской войны, двадцатилетний комсомолец Виталий Бонивур. Во Владивостоке ему установлен памятник.

ИЗ ТВОРЧЕСТВА ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКОВ

Советским шахматам Дальний Восток дал немало энтузиастов древней игры и настоящих талантов. Можно назвать многолетнего председателя Приморской краевой шахматной федерации Алексея Ишутинова, гроссмейстера из Владивостока Александра Зайде-ва, мастера-самородка из Магадана Юрия Шабанова и многих других, в том числе весьма перспективных ныне молодых шахматистов. Например, в финале шахматного турнира Всероссийских спортивных игр молодежи, посвященных 60-летию Великого Октября, второе призовое место среди юношей, несмотря на очень сильный состав участников, занял представитель Хабаровского края кандидат в мастера Юрий Лиан.

намечено опубликовать в сентябре—декабре этого года.

За правильный ответ на каждую задачу присуждается от 3 до 5 очков, в зависимости от того, насколько точно указаны варианты, исчерпывающие авторский замысел. В случае, если в какой-либо конкурсной позиции участник найдет побочный ответ или нерешаемость задачи, то ему будет засчитана максимальная оценка. Победители нашего заочного соревнования определяются по наибольшей сумме набранных очков. 30 лучших награждаются специальными дипломами и шахматной литературой (или фотоснимками выдающихся советских гроссмейстеров). Дипломами будет также отмечена большая группа активных участников конкурса, добившихся высоких показателей. В итоговом материале мы приведем фамилии лауреатов и краткие решения всех задач.

Безусловно, многих любителей шахмат заинтересуют установленные классификационные нормативы: 60 очков из 60 возможных — для получения второго разряда, 42 — третьего и 23 — четвертого разрядов. Всем, кто добьется этих оценок, редакция вышлет соответствующие справки, которые надо будет представить в местный спортивный комитет для получения классификационных билетов.

Ответы на первый тур направляйте на белых листах бумаги, вложенных в конверт вместе с открыткой, которую мы возвратим вам с указанием вашего конкурсного учетного номера. Этот номер надо непременно проставлять на почтовых карточках с решением задач второго—шестого туров. На конверте четко, разборчиво (без сокращений!) указывайте адрес «Смены» и свой домашний адрес, фамилию, имя и отчество. Вверху слева сделайте пометку «На конкурс миниатюр». В письме же, после решений обеих задач, не забудьте сообщить свой возраст, где работаете или учитесь, имеете ли разряд по шахматам и если да, то какой.

Ответы должны быть краткими, лаконичными. Основной вариант приводите в полной шахматной нотации, а остальные — с красной строкой в сокращенной нотации. Словесные примечания следует опустить. Прежде чем отправить свои решения, тщательно проверьте их, ибо ни исправления, ни добавления в следующих письмах жюри рассматривать не будет.

ПЕРВЫЙ ТУР

ШАХМАТЫ

Под редакцией заслуженного тренера РСФСР
Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

К этой довольно спокойной позиции пришел после 15-го хода белых поединок между Ю. Лианом и Владиславом Андреевым из Челябинска. Шансы сторон приблизительно равны. Неожиданно хабаровчанин, игравший черными, жертвует центральную пешку и этим резко обостряет борьбу.

15. ... d5—d4! 16. Kf3:d4 Fd8:g5 17. Ce2—f1 Ke5—g4 18. Cc3—e1 Cg7:d4 19. e3:d4?

Белые «ничтоже сумняшеся» попадаются в скрытый капкан, на что и рассчитывал изобретательный соперник. Необходим был про-межуточный размен ладей, в результате чего после 19. L:c8! С:c8 20. ed Ff4 21. Fg3 F:d4 22. Cc3 положение у белых было бы даже приятнее. Но не случайно говорят, что «смелость города берет»!

19. ... Lc8:c2 20. Fb3:c2 Fg5—f4!, и белые сложили «оружие», так как не видно защиты от смертельных угроз их королю.

Нешаблонные шахматные этюды принадлежат Виталию Коваленко, выпускнику политехнического института во Владивостоке. Вниманию читателей «Смены» предлагаем его композицию, удостоенную третьего приза на всесоюзном конкурсе газеты «Вечерний Новосибирск».

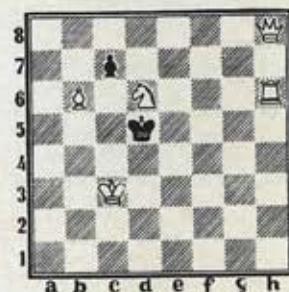

Ничья достигается в результате динамичной схватки обеих сторон — 1. Ce3—c1! Lf5—f4+ 2. Kpd4—c3 Lf4—a4! 3. Cg6—c2 a3—a2 4. Cc1—b2 La4—a3+! 5. Cb2:a3 a2—a1F+ 6. Cc3—b2 Fa1—a2 7. Cc2—b3 Fa2—b1 8. Cb3—c2 и т. д.

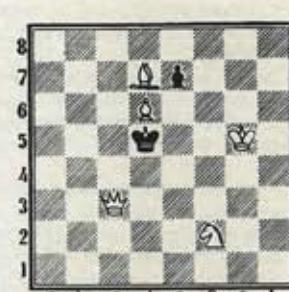
КОНКУРС МИНИАТЮР

«Смена» объявляет свой первый конкурс на лучшее решение задач-миниатюр и приглашает всех читателей — любителей шахмат принять в нем участие. Ждем вас, дорогие товарищи, на старте конкурса и желаем всем на финише успеха!

В конкурсе, разбитом на 6 туров, будут 12 композиций, которые

Мат в два хода.

Мат в два хода.

Запомните, пожалуйста, сроки отправления писем на первый тур — с 16 октября по 10 ноября 1978 года.

ПО СТРАНИЦАМ МОЛОДЕЖНЫХ ГАЗЕТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

КОМСОМОЛЬСКИЙ ФЛОТ

30 больших морозильных траулеров базы океанического рыболовства идут на своих рубках комсомольские значки. И совсем не громко будет сказано, что комсомольско-молодежный флот — это флагман базы. На его счету немало трудовых побед, а в его строю — зачинателей многих славных дел. Комсомольско-молодежный экипаж БМРТ «Мыс Осипова» стал инициатором борьбы за «Паспорт комсомольской гарантии» с присвоением звания «Коллектив отличного качества работы».

«Камчатский комсомолец»,
Петропавловск

«ФЛАМИНГО» ПОД ДУКАТОМ

День был как праздник. Солнце, капель, высокое, будто промытое небо.

На улицах Дуката стояли, не двигаясь, люди. Все смотрели вверх, на соку.

На самой вершине ее над тугими блестящими снегами покоялся маленький красный треугольник, напоминавший видом своим какую-то острокрылую фантастическую птицу, присевшую отдохнуть.

Потом треугольник шевельнулся, чуть приподнялся, и все увидели быстро бегущего под ним человечка. Еще секунда — и дельтаплан взмыл в воздух. Он плавно развернулся, набирая высоту, и, сделав полукруг, приземлился у подножия сопки. Потом ребята опять долго волокли его к вершине, снова взлет, и так несколько раз.

Гена Бакланов полулежал на койке, и вид у него был утомленный. «Фламинго» (это класс дельтаплана) весит двадцать килограммов, и таскать его по склону сопки не мед.

Дельтаплан тоже «отдыхал» рядом, в коридоре, уложенный в пролет лестницы, буднично перевязанный бечевками.

— Ему медаль надо давать, — сказал Гена. — Четвертый год аппарату.

Бакланов на Дукате недавно, работает сейчас бульдозеристом. Он-то и привез с собой «Фламинго». И во-время: здесь уже ребята во главе с

Новыми трудовыми победами встречают 60-летие комсомола молодые труженики моря. О выполнении задания трех лет пятилетки рапортовали экипажи БМРТ «Ительмен» и «Мыс Обручева». На судах базы работают много молодых специалистов. Совсем недавно пришел капитаном на БМРТ «Зарубино» Евгений Каргашин, а сейчас он уже руководит экспедицией.

«Камчатский комсомолец»,
Петропавловск

Сергеем Коштулей (бригадиром комсомольско-молодежной бригады) собирались монтировать свой аппарат...

У Гены Бакланова страсть к небу с детства. Сначала была авиамодельный кружок в Кадиевском Доме пионеров, потом — аэроклуб. Когда отслужил в армии, увидел как-то снимок дельтапланериста. Тогда только появился этот вид спорта. Решили с парнями попробовать, но нехватило ни опыта, ни материалов. Поехал в Киев — там уже были «летающие люди». Они и помогли, там-то и взлетел Гена в первый раз.

— Тот, кто раз поднялся в воздух на дельтаплане, — говорит Бакланов, — обязательно захочет взлететь и во второй раз.

Сейчас на Дукате уже с десяток дельтапланеристов. Со временем их станет еще больше. Ближайшие планы ребят — создать настоящую секцию, благо, желающих много.

«И чего они летают, делать, что ли, нечего?..» Нет, они летают не от безделья. (Все, кстати, «летуны» — хорошие производственники.) И не от скучки. Просто, когда летишь, больше чувствуешь, что ты — человек. Что ты умеешь воспарять над землей. И земля, когда летишь, как птица, другая — неожиданная и удивительная, как в детстве.

«Магаданский комсомолец»

Фантазер из королей

Человек по своей сути — изобретатель, фантазер. И не заложи природа в нем этого бесценного качества, мир никогда бы не узнал, что такое колесо или двигатель внутреннего горения. И вообще, не имея человек неумной страсти к познанию нового, трудно представить, какой бы мир окружал нас сейчас...

...С открытым недоумением встретили односельчане его идею. Одни посмеивались, добродушно говорили: «Фантазер!», другие же без примеси зависти старались при случае кольнуть. А вожак совхозной комсомолии Николай Кирпа изобретать велосипед вовсе и не собирался. Он просто задумался над тем, как с полной отдачей использовать уже давно изобретенное. А именно: можно ли одному механизатору управлять сразу двумя тракторами?

О спаривании гусеничных тракторов Николай Кирпа прочитал в 1975 году в журнале «Техника в сельском хозяйстве». Статья заставила его задуматься. А что если попробовать? И он принялся за дело. За год узнал почти все о тракторах-катамаранах. Плохо было то, что нигде не нашел конкретных примеров работы спаренных тракторов. Одни неудачные эксперименты.

Свой катамаран он делал после работы. Токарных работ было много, и большинство деталей Николай точил сам. Вечерами. Но и товарищи в мастерской не отказывали в помощи.

БОМБА ОБЕЗВРЕЖЕНА

День шел, как обычно, не предвещая ничего неожиданного...

— Я дежурил в этот день по отдельу, — рассказывает капитан Долинского ГОВД В. В. Машков. — В пять вечера — сигнал: обнаружена бомба в Теплой долине, недалеко от пионерлагеря. Геннадий Михеев собирая патрончик и случайно наткнулся.

Минут через двадцать к месту происшествия выехала оперативная группа отдела. Нашли бомбу без труда: ржавая, рыхлая, видно, сползла с сопки... В тот же вечер обследовали подъездные пути, установили наблюдение за участком.

— Дело предстояло сложное, — продолжает В. В. Машков. — Вывезти бомбу? Участок оказался трудным, технике никак не подъехать. Обезвредить? Но это японская бомба — старая, проржавевшая. Очень опасно! Взрывать? Но рядом лес, а

В конце апреля 1977 года тракторный катамаран был готов и успешно опробован в работе.

Без поломок, правда, не обходилось, но тракторы работали. Как одна машина, прижавшись тесно друг к другу, работали два ДТ. И водил их один тракторист — Николай Кирпа.

...Тракторы он соединил по цапфам через траверсы. Траверсы взял с комбайна, а валы — с большой дисковой бороной. Получился надежный шарнир. Машины при движении легко перемещаются (качаются) по вертикали относительно друг друга. По горизонтали они соединены жестко.

Управляются машины гидравлически. Все приборы, следящие за режимом работы двигателей, смонтированы в головной машине на одном щите.

...Много еще работы с трактором-катамараном. Дело новое, незнакомое. Но Николай Кирпа, секретарь комсомольской организации совхоза «Новогорьевский», уверен в своем детище. У него есть на то основания. С начала пахоты его катамаран работал в две смены. Вспахано 1037 гектаров зяби. А дневная выработка Николая — 12–15 гектаров вместо обычных девяти. И более того, Николай думает усовершенствовать катамаран — сделать приспособление для автоматического вождения агрегата вдоль борозды. Но это пока в будущем.

«Амурский комсомолец»,
Благовещенск

погода стоит сухая... Операцию перенесли.

...Прошло шесть дней. Восьмое июня выдалось нежарким, собирался дождь. Все это «работало» на саперов.

16.00. Оперативная группа оцепила участок, начала прочесывать лес...

19.00. Прибыли саперы, руководили ими Е. М. Письмеров.

— В ней килограммов триста было, — рассказывает Е. М. Письмеров. — Почти два метра длиной и сорок сантиметров в диаметре. Положили рядом аммонит и рванули. Воронка четыреста метров осталась...

На счету Письмерова эта бомба двенадцатая. Шесть обезвредил на Украине, остальные — на Сахалине.

«Молодая гвардия»,
Сахалин

ЭНЕРГИЯ ДЕЛОВИТОСТИ

Начало на 14-й стр.

нов. Перелистаем их и сравним с теми, которые девушки заполнили полтора года назад — в феврале 1977 года.

Ольга Сергеева, член Ленинского РК ВЛКСМ, тогда записала в своем плане: «поступить в технологический институт». В этом году она взяла обязательство успешно закончить 1-й курс института и выполнила его.

Ольга Федюнина, тоже член райкома, в предыдущем плане поставила перед собой задачу добиться звания ударника комтруда, теперь записала: «добиться присвоения звания «Мастер II класса».

Галия Бегина, комсорг бригады: успешно учится на 3-м курсе техникума, борется за звание «ударник комтруда» и готовится принять участие в фабричном конкурсе «Мастер — золотые руки», для чего обязалась освоить 6 смежных операций и повысить разряд.

В Галиной группе — двадцать комсомолок. Двадцать характеров, судя по взглядам на жизнь, работу, будущее.

Года два назад в бригаде появилась новенькая — Ира К. Работать она научилась скоро, и по этой части претензий к ней не было. А вот в школу ходить не захотела, к общественной работе тоже не тянулась. В голове больше танцы да книжки про фантастику и любовь. Жила как в своей собственной скорлупке — сама себе хозяйка. Однако нравственная атмосфера в бригаде оказалась такова, что Ира скоро поняла: продолжай она и дальше такую жизнь, впору будет хоть увольняться. А тут комиссия подошла, предложила выступить от цеха на фабричном вечере, и Ира не отказалась. Девчонка потом долго вспоминали, как здорово Ира читала есенниковское «Дай, Джим, на счастье лапу мне». Теперь без нее ни один концерт не проходит.

Когда во время общественно-политической аттестации председатель комиссии Михаил Иванович Голубинский — ветеран партии и комсомола и первый в Благовещенске стахановец спросил Иру, почему она до сих пор не вступает в комсомол, Ира, заметно волнуясь, ответила:

— Мне казалось, что я еще не заслужила этого права.

Галия Крылова в разговоре со мной как-то заметила:

— Участие в Ленинском зачете по-настоящему разбудило в каждой комсомолке потребность размышлять и действовать.

...Размышлять и действовать. Это не девиз, а скорее повседневное рабочее правило комсомоль-

ского работника. Каждый приходит к нему своим путем. Многое на этом пути зависит от характера, от ситуации. Но путь этот никогда не бывает без борьбы и с собственным характером и с этими самыми ситуациями.

Заканчивая эти заметки, хочется сказать о том, что через полтора месяца страна будет отмечать 60-летие ВЛКСМ. Этому юбилею посвящен проходящий в настоящее время второй этап Ленинского зачета «Решения ХХV съезда КПСС — в жизни!». Его итоги будут подводиться в конце этого года. Сейчас же в комсомольских организациях следует поразмыслить над опытом первого этапа зачета. Ведь опыт — это и неустанный поиск новых граней воспитания молодежи и углубление, развитие того, что уже сделано. Второй этап зачета — не повторение пройденного, не копирование предыдущих этапов, а новая важная ступень в организаторской и политической деятельности комсомольских организаций. Все, что было достигнуто хорошего и значительного, не должно бесследно исчезнуть. А то, что показало свою недееспособность, что оказалось формальным, должно быть исправлено. Время еще есть, чтобы не повторять старых ошибок.

Навстречу VII Всесоюзному совещанию молодых писателей

МОЛОДАЯ
ПРОЗА
ДАЛЬНЕГО
ВОСТОКА

АЛЕКСАНДР
ПЛЕТНЕВ

КОГДА УЛЕТАЮТ ЖУРАВЛИ

В лучших традициях работы комсомола и творческих союзов — забота о начинающих прозаиках, поэтах, художниках, драматургах. Эти традиции закреплены и развиты в постановлении ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью». Не упустить настоящий талант, воспитать его — это дело поистине государственное.

То недолгое время, что прошло после Постановления, доказало молодым, — рядом добрые друзья и наставники. Но подумаем, ведь трибуна творчества многомиллионна. Взойдя на нее, нельзя ошибиться, запутаться. Возвестить, что твой талант пришел к людям, к родной земле, чтобы быть рядом в победах и трудных минутах, в свершениях и повседневных делах, — единственно верный ответ начинающих свой путь в искусство и литературу на заботу партии и комсомола.

Сибирь, Дальний Восток. Произнося эти слова, сейчас уже не думаешь о географии.

Видится география свершений, достойных песни, пера, кисти, резца.

Новое поколение дальневосточных писателей уверенно заявило о себе глубоким проникновением в действительность, гражданской зрелостью, заинтересованным отношением к общественно значимым проблемам, самобытным письмом. Конечно, нужно еще трудиться, познавать и преломлять в творчестве традиции, учась у мастеровера прошлого и настоящего... Но ведь таланты уже на карте Литературы, таланты замечены. «Чтобы почувствовать, какие свежие талантливые потоки вливаются в литературу, — говорил на VI съезде писателей Георгий Марков, — достаточно прочитать сборник повестей «Великие версты», изданный «Роман-газетой», или роман геолога Олега Куваева «Территория», или повесть шахтера Александра Плетнева «Дивное дело». Удачных книг молодых писателей много, и это радует».

Удачные книги молодых литераторов Сибири и Дальнего Востока... Уже составлена известная по всей стране серия «Молодая проза Сибири». С этого года начинает выходить библиотека «Молодая проза Дальнего Востока», и впереди у читателей встречи с повестями и рассказами Бориса Агеева, Владимира Коренева, Виктора Лескова, Юрия Манухина, Бориса Машука, Вячеслава Сукачева. Пусть же эти встречи будут по-дружески теплыми и по-товарищески заинтересованными.

В первую книгу библиотеки «Молодая проза Дальнего Востока» вошли произведения приморца Александра Плетнева. Имя писателя из города Артема, шахтера по профессии, зазвучало пять лет назад, на VI Всесоюзном совещании молодых писателей. Ныне Плетнев — член Союза писателей СССР, автор трех книг. Недавно Союз писателей РСФСР обсуждал творчество молодого прозаика. Как подчеркивали выступающие, Александр Плетнев пишет прозу, полную художественного целомудрия, психологической точности, населенную героями с характерами полнокровными и страстными. Молодой писатель успешно прошел этап ученичества — в этом мнении участники обсуждения были единодушны.

И хочется добавить: на своем творческом пути Александр Плетнев сумел бережно сохранить прекрасное чувство ответственности литератора перед людьми, перед родной землей.

В этом номере мы представляем рассказ «Маршалы в отставку не уходят», вошедший в сборник Александра Плетнева «Когда улетают журавли» — первую книгу серии «Молодая проза Дальнего Востока».

Александр ПЛЕТНЕВ
г. Артем,
Приморский край.

МАРШАЛЫ В ОТСТАВКУ НЕ УХОДЯТ

РАССКАЗ

роснулся Василий Андреевич, как всегда, часа на два раньше всех. На подъем он был, сколько себя помнит, легким, и не было с ним такого, чтобы, подымаясь с постели, помечталось: «Эх, послать бы еще!» Обычно тело еще удерживало остаток сна, но неторопливый ум Василия Андреича, не замечая этой тончайшей неги, уже перебирал все предстоящие дела, которые ему нужно сделать за день.

Он почти не думал о сделанном год назад или вчера (что сделано, то сделано) и не спохватывался, сожалея: «Ах, дескать, не так нужно было делать, а эдак. Да, начать бы жить снова, все бы повернули по-иному».

Мера жизни у Василия Кряжева — это работа. И если спрашивал у него кто: как, мол, раньше-то он жил?

— Ничего, — отвечал, — поработал, — и вроде бы прислушается к далекому, возникающему в теле чугунному гулу работающих мышц.

Пробовали как-то расторопные, много знающие люди выведать у Василия Кряжева его мечту. Какая-то девчушка, придерживая на ремне коробку, совала под нос Василию решетчатую железнную кулышечку микрофона и требовала:

— Вы уж скажите о своей мечте. Так мы от вас не уйдем.

Василий поворачивал каску козырьком в сторону, чтобы не слепить светом людей — дело было в забое, — мучился, озираясь на напарника-корреспондента, кругленьского, как колобок, мужика.

— Ну, ну, смелее, чего вы! — подбодрил его «колобок». — Мечта — крылья человека. Вы, я думаю, не бескрылый.

— Да уж это... возмечтаешься, бывает... — У Василия Андреича даже голос зазвенел. — Вот на лопату, покидай ею уголь...

Он совал лопату в руки журналисту. Тот улыбался, отводил лопату в сторону:

— Вы не поняли вопроса...

— Как не понять! — Василий Андреич, приподняв лопату, поворачивал ее то одной, то другой стороной. — Это же мечта! А просто сказать — лопата «Караганда». Свояк Запада приспал. Она в руках-то что лист бумаги, и износу ей нет. А теперь вот местная — Василий Андреич взял другую. — Колода! Раз в пять тяжелей и гнетется, как раба.

— Что вы?! — замахал журналист ручонками-ластами. — «Караганда» — это желание. Вы путаете желание с мечтой, а она должна быть глобальной. Не думаю, чтобы вы не мечтали о рекорде. А? Как, угадал?! — Довольный своей проницательностью, он заулыбался.

— О рекорде не мечтал, — спокойно, не в тон ему сказал Василий Андреич. — Не спортсмен я, а рабочий. Работаю я уже давно, и еще потеть долго. Так что баловаться рекордами некогда.

Были и крылья. Помнится, родился у него первенец — Михаил, а перед глазами день и ночь еще трое неродившихся. И обличье их виделось ему в виде мальчишек-подростков. Лобастые такие мужички, белобрысые, всегда занятые делами: огород вскапывают или мастерят что под навесом у летней кухни.

Мечталось о сыновьях, а Наталья, жена ненаглядная, после Мишки Татьяну, Валентину да Светку как нарисовала.

Глядя иной раз на дочек, пугался и стыдился далекого своего нежелания их рождения. А сыновья нет-нет, бывало, да померещатся, но скатились годы, словно бусы с порвавшегося ожерелья. Шабаш, Вастька, кое-какие дела ты завершил в своей жизни, а дальше дело детей.

...В последние дни Василий Андреич плохо стал чувствовать свое тело. Вроде зачугунел весь. Слабости нет, напротив, вот, кажется, подними он сейчас руку и опусти ее на самодельный дубовый стол — и он, стол этот, рассыплется на куски. И сердце вроде не болит, но ему стало тяжко: будто не грудь покойт его, а на нем, на сердце, повисла вся тяжесть тела. И только в забое, разломавшись и хорошо пропотов, Василий Андреич забывал про сердце, а тело делалось податливым и послушным.

Этакое состояние немного припугнуло Василия Андреича и заставило призадуматься. Он плохо помнит, когда болел в детстве, кажется, животом маялся, объедался на огороде зеленью. Да вот бок в последнее время стал напоминать о себе: ноет, будто большой зуб.

Василий Андреич оделся, присел на кухне у стола, на минуту задумался, вспоминаясь в тишину дома. Через полчасика вскинется Наталья, а пока в сладости добирает она силы, растрченные в бесконечном колготном дне: «Дом не велик, а отдохнуть не велит».

Сперва, как через матовую роговицу, а потом в прояснении стало видеться ему далекое прошлое: уочка на берегу Иртыша, деревянные крыши, заваленные купавами черемух, уют навесиков, под которыми хорошо было укрываться от густых гроз, внезапно вывалившихся из темени степных ночей. А рядом, под одним кожушком, шестнадцатилетняя Натальюшка — близкая его тайна.

Предвидение совместной радости, вольной жизни вдруг гулко рванула война, и закачались судьбы, сливаясь во единую судьбу страны. И с той поры надолго, не как хочу, а как надо, стал жить каждый. Двадцать суток с большими остановками катил на восток эшелон, туда набитый юношами, солдатами тыла. И все эти дни Василий Кряжев исходил острой тоской по беляюке Наталье и по родным местам, по Приморью с колыхающимися хлебами, которые подступали прямо к избам Миловидки. А Иртыш — с глухоманью камышей!

Путь зшелона закончился в маленьком городке с терриконами. Городок будто в чаше — кругом сопки, а за сопками на юге — море.

Спустился Василий в забой, и шибанул в нос пронзительно не похожий ни на что знакомое ему запах. Взорванная масса угля, толстая, матово поблескивающая смолой рудостойка, вывалившийся из крови корж породы килограммов на восемьсот — все это подсказало сообразительному Василию о тяжкой и опасной работе. «Ну что же, — подумал он, — если на войну не пустят, то придется воевать здесь».

А через год приехала Наталья, будто привезла с собой и воды иртышской и степного ковыля с полынью.

А война в дальней дали клокотала, кипела кровью, и здесь, недалеко от тихого городка, в жуткой темени ночи неслышно гибли пограничники. Василий цепко сжимал ручки тяжелого перфораторного сверла, и оно упруго билось в руках, стекало пулеметом. После взрыва, не дождавшись, когда выдует вентилятором газ, бежал с лопатой в забой и с неистовым упорством кидал и кидал уголь на решаки транспортера, прислушиваясь к своему телу и радуясь, что на десять часов силы хватит. Бывало, что не рассчитывал, тогда отливали водой.

Степан Колотай, из закарпатских кулаков, попавший на шахту не по своей воле, громадный бычина с горбатым носом во все лицо, не раз подступал к Василию вплотную, шипел:

— Ты что расстилаешься, норму гонишь?

Глаза Колотая по-волчьи горели в подземном мраке. И тут как тут появлялся его земляк Крысоватый:

— Разъядим, як жиб...

Василий Кряжев поднимал лампу, высвечивал чужие, ненавистные лица:

— Дай-ка вплотную на фашистов поглядеть.

Те отступали, в ухмылке тая угрозу.

А вскоре Василий Кряжев очутился в больнице. Хотелось кричать от нестерпимого жара, будто он спиной не на постели лежал, а на раскаленной плите. В горячем сознании мерещился ему весенний студеный Иртыш. Голову бы в воду — и глотать.

— Воды! — кричал Василий. — Воды!

— Чего тебе? — склонилось над ним женское лицо. Оно таяло, исчезало и появлялось снова.

— Оглохи, что ли?! — рассердился Василий. — Пить.

— Пить, да? Ну и слава богу, ну и молодец! — радовалась чему-то женщина и, придерживая ему голову, влила в рот воды, которая, кажется, тут же испарилась, не докатившись до жара внутри тела.

«Заморит, дура», — подумал он, страдая, и кинулся с берега в горячий Иртыш, пил и не мог напиться, а только сильнее разжигал жажду.

Нехотя отступала смерть от Василия Кряжева. Исчезла жажда, и он стал думать, что умирает, что силы покидают его. Он ничего пока не знал о том, что действительно мог умереть раньше, а теперь уже не умрет. Об этом знали лишь пока врачи. «Раньше» для Василия не существовало, было «сейчас». Все же он стал осознавать, что с ним произошло что-то страшное. Но почему-то все ему улыбаются, будто рады его беде? Приходил начальник шахты Сергей Иваныч Зеленов. Поверх формы небрежно накинул халат. Лицо в улыбке.

— Поздравляю, — говорил, — бой ты, солдат, выиграл.

— Какой бой? О чём вы?..

— Потом, потом... Главное, что победа за тобой.

Потихоньку он догадывался, восстанавливая в слабой памяти события последней смены: вспомнил, как позвал Колотая в заброшенные выработки, чтобы взять рудостойки. Шёл впереди. И все... Значит, Колотай его чем-то ударил. Но почему разорван весь бок? И сколько ни напрягал Василий воображение, ответа дать на это не мог.

А потом пришли друзья, тяжело расселись на табуретках. Василий будто впервые увидел, как замучены были их лица заботой и трудами.

— Давно я здесь?

— Уже три недели. Ты поправляйся поцепче, — говорил за всех Михаил Сухов, — а то угли никак не хватает.

— Фашисты где?

— Под Москвой. Им там пятки выкручивают — вот-вот назад похромают.

— А меня как?..

— Тебя-то? — Сухов, сузив глаза, медленно оглядел товарищей и почти шепотом, торопясь, скороговоркой выпалил: — Чище Иисуса Христа пригвоздили тебя кайлом к лесине. Понимаешь, растерялись мы от этакого зверства. Тебя — на-гора... Ребята же взбульгались: окрутили сволочей тросом да на лебедке — в газенк¹. Они ревут, как быки. Насили отняли. Вытянули обратно, а они обделались... Тыфу!

Сухов испуганно оглянулся на вошедшую сестру, но продолжал:

— Гордость мы свою за тебя выражаем, друг ты наш, герой Василий Андреич!

— Еще где не ляпни! Нашел героя, — обозлился Василий.

— Во, видели пузыря! — Сухов черной ладонью показал на Василия. — Да нам врачи дней десять в глаза не глядели. А теперь... Через двадцать дней, говорят, примите субчика. Костлявую победил, а говоришь, не герой.

Ребята уходили, сутулы и неуклюжие. Половицы скрипели под их грубыми сапогами. Василий глядел им вслед с благодарностью и любовью.

Кажется, в тот далекий час Василий Кряжев навсегда распроштался с Миловидовой.

...Василий Андреич сошел с крыльца, и тут же — сад. Прошел за дом по палой листве, плотно устлавшей почву. Еще было — мглисто, и сад из-за наметившегося только рассвета казался заброшенно-уродливым: ветви деревьев суставчаты, корявы. «Постарел сад, — думал Василий Андреич, — омолаживать надо».

Старость сада совсем недавно еще не замечалась им. По осени Василий Андреич аккуратно обрезал лишние ветки, и все казалось ему, что сад только теперь достиг зрелого возраста. И вдруг увиделось: постарел. Может быть, даже и не столько увиделось, а почувствовалось, как почувствовалось с полгода назад тяжесть своей крови в жилах.

Василий Андреич взял в сарае пилу, топор, лопату, заступ и прошел в глубь сада. Остановился у самой толстой от корня и круто развилиной старой сливы, тронул застекленевший от мозолей ладонью ее жесткую, как камень колчедан, кору:

— Отжала, старуха.

Глядел на пробырнувшую зарю, вспоминал, как посадил это дерево. Наталья тогда стояла около с двухмесячной Танюшкой на руках, а прокудной Мишутка мял ручонками пойманную здесь же сонную после зимы лягушку. Ранняя тогда была весна.

— Может, не надо, а? Может, на Иртыш? — говорила тогда Наталья.

Она понимала, что с корнями молодого сада навсегда врастет в эту каменистую землю Василий, что на месте он укрепляется работой, и чем больше им будет сделано, тем недоступней будет родная Миловидовка.

— На родину, Вася, хочется...

Так сказала это покорно и жалобно, что Василий даже растерялся. «Ах ты, перепелочка степная! Да неужто годы твои молодые не зовут тебя в новь, как позвали они наших родителей из Орловщины в Сибирь вольную?» — подумал он и сказал, нежностью полнился:

— Не растрягивай души — я сам ни дня без Иртыша не живу. А здесь я пот пролил и кровь и человека вырос. Здесь наши дети родились — их родина тут. И мы для них будем жить.

Внукла и поняла. И не жалел Василий тепла души для нее, самой родной. Дом их

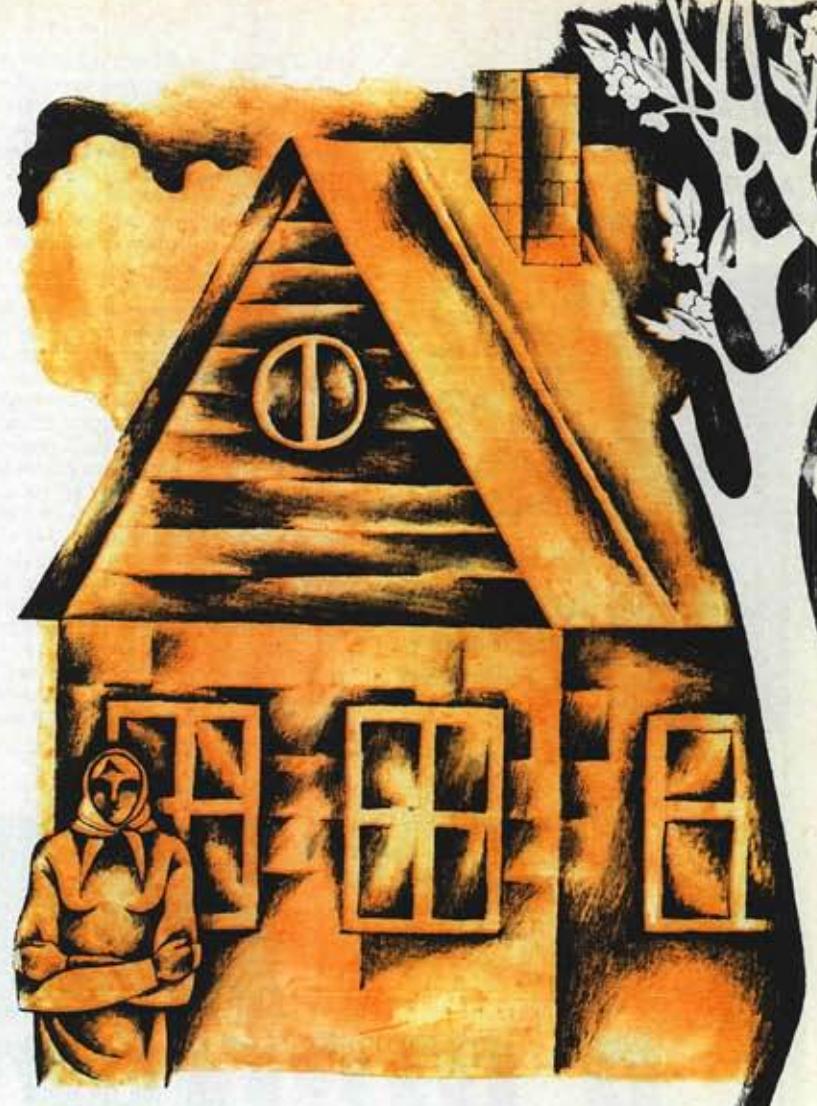

Рисунок Владимира ДЕЛБЫ

тогда стоял на голом взлобке, продувался ветрами, а уж года через три укутал его Василий молодым садом. Славную песню спели, ничего не скажешь! Пятеро внуков: трое у Михаила, двое у Валентины. Было бы больше, да вот Танюшка — шибко учennaя голова. Уж двадцать восемь лет, а все одинока.

...Василий Андреич, преодолевая скованность, стал нащупывать лопатой широко разбежавшиеся толстые корни сливы, освобождать их от земли. Потом приостановился, прослушивая сердце, которое, казалось, заполнило всю левую половину груди. Приподнял лицо к вершине и мысленно ахнул: на ветках снежинками налипло цветение. Цвела слива тщедушно, стыдливо, не по-весеннему, наподобие какой-нибудь пожилой бабы, что вдруг ни с того ни с сего заприхорашивается, заневестится и кинется ловить свой последний момент: жалкая в своем запоздалом стремлении, она ни у кого уже не вызывает сочувствия, а только осуждающую усмешку.

— Ты что это, дура? — удивился Василий Андреич. — Не молоденькая поди обманываться-то?

По коряжине-стволу опустил взгляд до бугристых корней, вздохнул:

— Вот что наделала с тобой теплая осень!

Решительно загреб корни землей: «Живи, когда шибко хочется». Хотя он точно знал, что слива обрекла себя на гибель: закон жизни ей не простит.

Так же решительно Василий Андреич принял раскалывать и обрубать корни ровеснице помилованной сливы. Топор, как от резины, упруго отскакивал от корней, но Василий Андреич упорно с укосом сек их и сек, ощущая, как, разогреваясь, набухают у него мышцы тела, как оно, тело, легчает, а сердце стало уменьшаться, уменьшаться и, наконец, растворилось в груди, дав свободу дыханию.

Свалив дерево, он распилил его ножковкой, перенес дрова к летней кухне и стал выравнивать яму для нового саженца.

А осенняя запоздалая заря между тем наполнилась жидким сиропчиком, песчаный склон сопки напротив посветел; из трубы летней кухни потянулся дымок, чуть приподнялся и гнулся, лынулся к земле, обещая пасмурность и еще долгое в этих местах тепло.

Неслышно к нему подошла Наталья и, выказывая нетвердость женского характера, сказала:

— Не рано ли корчуешь?..

Она знала, что сливы последние годы почти не родили, знала, что не рано, но ей приятно было услышать твердое решение мужа, почувствовать еще раз «каменную стену» и свою слабость за этой «стеной».

Василий Андреич оперся на лопату, пытливо поглядел в лицо жены.

— Жалко, что ли?

— Да оно-то чего уж жалеть. Только место занимали. Чего уж... — И, опустив глаза, стала одергивать на себе кофту. — Жизнь наша начиналась с них.

— С ними не кончается. Насадим молоденьких — и снова поехали.

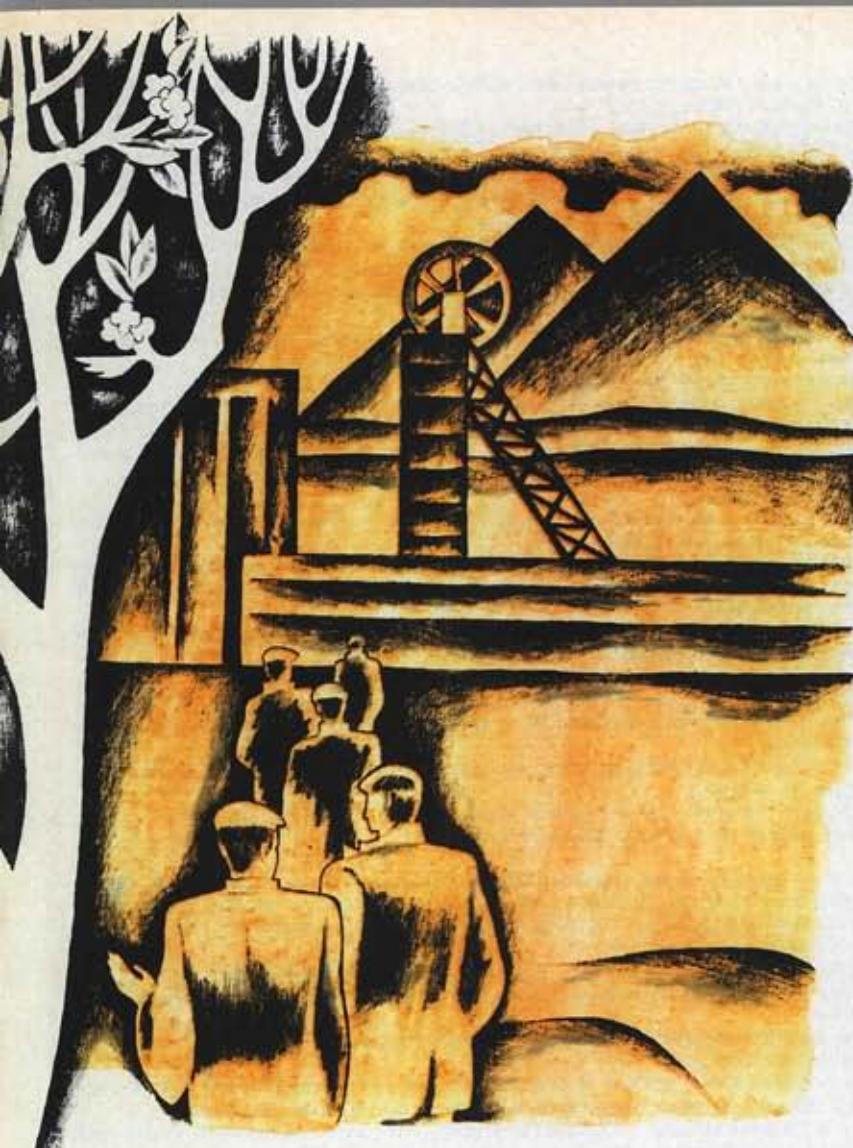
Всхожее солнце окрасило стену дома цветом луковой шелухи, заиграло в стеклах окон. Василий Андреич отер кепкой лоб, кивнул на зацветшую сливу, будто обрызганный розоватыми каплями молока.

— Видела невесту?

В голосе его было недовольство.

— Эх, кабы ей да лето! — легкомысленно вырвалось у Натальи. — Лето бы ей, Вася.

¹ Газенк — вертикальная вспомогательная выработка.

— Если бы да кабы,—вспылил Василий Андреич.—Заладила! Что-то нешибко на ней летом плодов было. Вовремя надо жить.

Раздраженность его была вызвана не разговором о сливе: его постоянно заботила судьба Татьяны. Наталья поняла мужа, поджала губы в покорной обиде. Василий Андреич покаянно спокойствовался.

— Ты бы, мат, поговорила с ней по-своему, по-бабски,—заговорил он просяще-тоскливо и проникновенно.—Двадцать девятый год девке—не шутка. Всякая бурьян-трава норовит семя высыпать да себе подобного родить... Эх!

— Да я ль не говорила: уж и так и эдак подъезжала. Все равно что твердокаменная.—Тон Натальи был полный согласия и сочувствия.—Одну, говорит, ученную степень одолела—к другой подступаю... Что, говорит, вам за охотаглядеть, как я с детишками вниз покачусь.

— Поздно приехала? Спит, небось?

— Какой там! Бумагами обложилась, от машинки стрекотень на весь дом. Светку подняла ни свет ни заря: сон, говорит, дурак. Не смей, дескать, спать, когда замены на носу. А та, дуреха, около Таньки-то так и крутится. Заразит девчонку: сманил на свою дорожку.

Наталья даже всхлипнула и оттерла косынкой глаза.

— Да-а... Вот ведь какие, а!—Василий Андреич не скрыл гордости.—Мы-то кто? А дети...

Наталья растерялась: такая переменчивость в настроении мужа сбивала ее с толку.

— Тогда не говорить с ней, что ли?

Василий Андреич помолчал, вспоминая свой разговор с Татьяной, сказал нетвердо:

— Пожалуй, не надо. Пустой разговор выйдет—время не то. А ты иди, готовь завтрак, а то подсасывает уж.

Василий Андреич, прищурившись, глядел поверх садов и крыш на Воронью сопку. Она стояла в долине—ровная, будто специально насыпанная и вся распланированная рядами виноградников. Мысленно углубившись на полкилометра под землю, он, может быть, и некстати подумал о том, что его забой находится как раз под сопкой. Интересно, что делает сейчас смена: берет уголь или крепит? Хорошо, если бы ему на начало смены пришлось бурить шпуры и взрывать—он любил начинать цикл с нуля. Василий Андреич думал о деле привычном, как дыхание, но ассоциативно вплеталась мысль о Татьяне. И терялся перед сложностью ее дела и загадочностью жизни.

Василий Андреич многое в жизни умел и знал, что предопределено было опытом его предков-крестьян. Он мог выстроить дом, вырастить сад, «угадать воду» и соорудить колодец. Он смог взять сына за руку и повести его по нехоженным подземным дорогам, чтобы передать ему тайну горного искусства, ибо никакая наука не может предсказать, как «поведет себя кровля», какое будет давление пород через метр или десять метров впереди. Он радовался тому, что сын его Михаил не молится покорно «горному богу», а разговаривает с ним на равных.

Где-то в пределах его понятия живут младшие дочери: Валентина—учительница, Светлана учится на строителя. Но вот Татьяна... взвилась, улетела и про жизнь земную, должно, позабыла. И если приезжает в родительский дом, то закрывается в своей комнате, и, так уж повелось, никто не смеет к ней заходить. С утра до ночи то стучит на машинке, то затихнет. А сидет обедать—кажется, дай ей вместо хлеба фанеры—будет жевать.

— Ты бы очнулась, Татьяна. Или такая уж жизнь плохая, что ты ее не любишь?—жалел Василий Андреич дочь.—Пашла бы в сад, там духовитость, иль в кино прогулялась. Что за дела у тебя, если цепью держат? Посмотришь—директора и те в кино ходят.

— Я, папа, с тебя пример беру: много ты гулял?

— Вона! Да у меня вся жизнь в гульбе: то в шахту, то в саду-огороде. Я в хате-то и часы не выдержу.

— Ну вот, ты—в шахте, я—в помещении. Оба мы гулены.

Поставит, чертовка, в тупик, и сказать нечего. Как-то Татьяна уехала, оставив дома папку. Может, забыла, может, она ей не нужна была, эта папка. «Математические импровизации»—с трудом прочитал Василий Андреич, а пониже: «Кряжевой». Пот прошиб от волнения, когда приподымал картон. Кроме жгучего любопытства—узнать тайну дел дочери, а через дела—и ее саму, было собственно, будто заглядывал в девичье письмо. Листы бумаги были исчерканы крючками и закорючками, нерусскими буквами, и, что больше всего удивило, почти не было чисел. Он искал какой-нибудь чертеж, потому что знал: без этого ни завод, ни шахту не построишь, но чертежей не было. Какие-то линии, то загнутые, то пересеченные, будто первоклассник баловался, а вокруг опять паучки да крючки. Смотрел на листы, как дикарь на огонь: со страхом и благоговением, предполагая за этими знаками силу и разум, тайны которых ему никогда не постиг.

Неспокойно жил до ее приезда. Глубокое уважение к дочери вдруг сменилось съедающей душу заботой: «Ну как ее дела—пустое место? И хоть без аппетита, а хлеб-то ест. Сектанты вон тоже из хат не вылезают...»

Был у них разговор.

— Скажи-ка мне, Татьяна Васильевна, э-э... Ну как бы это...—Василий Андреич волновался и сердился на себя за то, что хотелось, но не умел заговорить с дочерью «по-ученому».—К чему, если ясно сказать, твоя наука в жизни приложится? К примеру, подмогнет она хлеб растить или уголь добывать?

— Ты хочешь сказать, папа, не ем ли я даром хлеб?

Татьяна, приспустив пышные ресницы на большие серые глаза и как бы взглядываясь в даль, прошлась от стола к окну и обратно, остановилась напротив, как ученица перед учителем. В ватильковом костюме, волосы в меру короткие, светло-русые, сама крупновата, стройна. Он будто впервые увидел, как по-русски красива его дочь.

«Стати на десятерых девок хватило бы. Завянет зря»,—подумал с сожалением.

— Объясни, коль не так,—сказал, спохватившись.

— Хорошо. Труд математиков абстрактный, его не потрогаешь, как стол. Ну как бы тебе объяснить: вот ты кинул лопату угля и видишь результат: хватит печку протопить. Я же вывела формулу, а ею не нагреешься, и не наешься, и не поставишь в машину вместо колеса.

— Тогда на что она, твоя выводка?

— В том-то и суть, что без этой формулы ни колеса, ни спутника не построишь.

— Что-то не пойму: без пользы—польза?

— Сейчас поймешь. Конструктор сконструировал самолет. Так? О нем, о конструкторе, говорят, пишут в газетах. А о том, что он при расчетах пользовался трудом математика, не пишут.

— Так была бы польза,—облегченно вырвалось у Василия Андреича.—Не для газет ведь работаем.

— Согласна. Но ты меня за тунеядца принимал.

— Принимал не принимал, а, кроме выводов, какие вы выводите, еще что-то делать надо. Я вот отманулил в шахте и полеживал бы до смены. Но ведь нахожу еще дела. Жилье, ягоды, фрукт-овошь—вот! Своими руками. Вас растил воспитывал.

— Значит, бросить науку и идти в огородницы?—Нежно-белое лицо и шея Татьяны стали наполняться розовостью.—Назад к печке и корыту?! Деградировать?

— Оградироваться ни к чему.—Василий Андреич досадливо махнул рукой.—Смерть не люблю, кто за ограду прятется. Но и про землю не забывай. Вы же за столом-то забыли, как земля пахнет, а она соляром да гарью начинает пахнуть. Зашел в магазин, купил... Ловко. А я бы разве не купил? Худо-бедно—деньги немалые получаю.

— Папа, мы отвлеклись: тебя другое интересовало.

— Не отвлеклись!—Василий Андреич даже ногой притопнул.—Скоро детей будете напрокат брать. Наигрался—и сдал обратно.

— Папа...—У Татьяны надулись затрепетали ноздри.—Папа, мы поссоримся.—Отец затронул самое для нее неприятное.

Поднял глаза, а у нее слезы уже копятся. И так жалко стало дочь, хоть самому плачь.

— Ладно, ты прости. Я ведь пень старый. Вы вон куда поднялись. Мне до вас, что кулику до петрова дня. Не понимаю я многого.

— Кое в чем ты прав,—тихо сказала она и отошла к окну.

Василий Андреич подошел к ней и, как когда-то маленькой, положил осторожно руку ей на голову. Она прислонилась к его плечу, и так они стояли, глядели в окно, без слов проникаясь друг к другу доверием.

— Может, что недопонимаю, но в одном твердость и ясность имею: жизненный охват узковат у нас. Вот хоть ты: дело свое любишь. Хорошо. Но угрюма твоя жизнь, будто по узкому коридору идешь. А где кипяток молодости, чтоб через края плескал? Чтоб стены этого коридора размыл?

Василий Андреич помолчал, мысленно углубляясь в свою прошлую жизнь, потом возвращаясь к настоящему, ощупывая память годы, события, через которые он проходил, вплоть до настоящего. Вдруг мысль его споткнулась и, видимо, как-то передалась Татьяне. Та посмотрела на него вопросительно.

— Тут Валентина отмочила. Экзамен, вишь, принимала, а один балбес—ни уха ни рыла, дурак дураком. Билася она с ним целый день. Когда директор ее вызвал—тебя сдал, говорит, немедленно. Думаешь, по правде поступила? Пашла, продиктовала да трояк ему влепила. Заершилась, говорит, квартиры не увидишь. Видал? Деды-отцы—жизнь за правду. А она квартиру не отдала. Вот и говорю: много вы знаете, да кое-что заглавное забывать стали.

Василий Андреич отстранил от себя Татьяну.

— Ладно, дочь, работай тут, выводи.—У дверей вздохнул:—Эхе-хе, голова крепчет—плечи слабеют. А ты не обижайся, коль что не так. Вам дали столько, сколько никто до вас не получал. С вас и спрос строгий.

Василий Андреич выкорчевал три старых дерева и посадил на их место три нежных саженца. Бережно уложил их корешки в чернозем, укутал торфом да сверху присыпал опилками, чтобы славно им было спать до весеннего солнышка.

Небо окутала наволочка, прикрыла светлую полоску неба на востоке, будто запечатала: А тихо-то как! Только пойманным оводом ноет на дальнем шурфе вентилятор.

Уверенно и вельможисто навалились на забор цветы—георгины, стрелчато-фарфоровыми чашечками прицелились в небо гладиолусы.

Он не любил эти цветы. «Потому и живут долго, что пусты, назначения своего не выполняют. Кукушкина слеза на Иртыше нищенка в сравнении с ними, а сколь духовита! За три недели исходит духом и старится. Чудно! Рассеянные и тревожные думы. «Главное позади, а мешок погодим завязывать—горб еще сдюжит... Детальки крепки, да подсохли—не смазываются, не меняются детальки...»

Чем больше он отдыхал, тем больше чувствовал усталость: «Кровь не нагнетаетсѧ... Не хочет сама течь—привыкла, чтоб ее гоняли. Шевелиться надо».

Василий Андреич пошел в сарай. Там он снял с гвоздя снизу коронку и стал точить их на ножном точиле. Полоска холодного огня струилась из-под победитового резца; Василий Андреич давил размежено на педаль, резко отнимал коронку от наждака, прищурившись, прикидывая угол заточки:

«Ладно, как в воду пойдет»,—и брался за другую.

На его либу налились капли пота, а спине стало парко до горячего. Осадистая тяжесть в груди исчезла: работалось легко.

«Во, дожился,—усмехнулся он.—Как на болотистом зыбуне: все время двигайся. Остановился—утонул».

В сарае потемнело. Дверной проем закрыла дылдастая фигура Светланкиного жениха Валерия Кондырева.

— Здравствуйте, Василий Андреич!

— Здоров... птичник. Вползай, не засты.

Сидели друг против друга. Василий Андреич, будто впервые, разглядывал дюжего, толстой кости парня. Каменистое его лицо потянула улыбка и спряталась. «Сколько наук напридумывали. Легко живут, не надсадятся. Проходчик славный бы из него вышел, упористый. А он—птичник».

— Ну как, Валерий, больше воробьев стало иль на убыль пошли в твоей, как ее?..

— Ор-ни-то-ло-гии,—подсказал Валерка.—Это наука о птицах. И напрасно вы иронизируете. Птица человека петь научила и в небо его позвала.

— Да я разве против? Только дело это вроде немужского: птичкам под перышки заглядывать. Задавиши, поди, птаху такими лапами. Ты когда-нибудь бревна носил или, к примеру, камни?

— Нет. А зачем?—удивился Валерка.

— Может, картошку копал?

— Учился когда, месяц сено сгребал. Посыпали... А что?

— Да так. Я к тому: не зовет ли тело к работе? Ну чтоб оно устало, заныло, а потом радостно отдохнуло?

— Так я спортом занимаюсь. Гириами...

«Зовет, значит, на утеху»,—подумал. И спросил:

— Ты, Валерий, грамотный... Не скажешь, что-то меня вразнос берет? Работаю—как живчик, сел—гнет долит. С тобой вот малосидел, а уж грудь обручами тянет.

— Вам нужен отдых,—уверенно сказал Валерка.—Отлежаться, погулять. Это же элементарно: отработал свое—отдыхай. Вам для этого государство пенсию дало. Говорят, маршалы в отставку не уходят. Но вы же проходчик... И всех денег не заработкаешь.

— Ладно,—резко прервал Василий Андреич Валеркину болтовню,—завтракать пошли: кличут.

Тот пожал широченными плечами, вышел.

«Разве поймет птичник. Разрознились, беда».

Дочери вышли к столу свежие, тут обтянутые вязанными костюмами.

— Вы бы платья надели—за стол ведь садитесь...

Наталья поставила графинчик, рюмки.

— Давайте-ка, собрались коли...

Василий Андреич отодвинул графин, начал нехотя есть.

Валерка, как фокусник, налил мгновенно в рюмки.

— Ну, Татьяна Васильевна, за твою без пяти минут докторскую! За тебя, Светлячок!

Валеркина и Светланкина рюмки сошлись над столом в долгой паузе. Светланка, не стесняясь, откровенно счастливая, глядела на него.

— Что-то ты, отец, смурый? Не захворал ли?

Наталья убрала от него наполовину не съеденное блюдо.

— Пустое. К непогоде, должно, разымет.

Он встретился с глазами жены. По-молодому чистые, бесхитростные, они беспокоились и пугались. От нее не скроешься—все знает.

«Как же ты будешь одна?—змейкой вильнула нечаянная мысль.—Что-то я, дурак, пугаю ее. Кровля чуть треснула, я уже ору: обвал».

— Может, к врачам, Вася?

— Чево?!—Василий Андреич натужно рассмеялся.—Вон мои врачи,—показал в окно на сад.—Ты приготовь тормоз¹ побольше—в шахту скоро.

Собравшись с силами, он бодро поднялся.

— Пойду, немного поковыряюсь.

— Ему на курорт надо,—с беспечностью здоровяка сказал Валерка.—Пивка попить, поразлечься... Хе-хе-хе,—закончил он неуместным смешком.

Мать и Светланка потупились от стыда. Татьяна брезгливо разглядывала Валерку.

— Валерий, выдь ко мне, как поешь,—сказал Василий Андреич и вышел.

«Не закрепит жизнь, свистуган, завалит по-черному».

Едва он взялся за лопату, как Валерка выскоцил из дома, закачался к калитке. Почти следом—Татьяна.

— Давай, папа, помогу...

Она сорвостик, по-мужски раскалывала корни.

«Моя ухватка,—подумал удовлетворенно.—Ишь пашет...»

— Зачем Валерку выгнала?

— Наглый он. И инфантальный. А инфантальный мужчина хуже дряни.

— А если сказать по-нашему?

— Разум у него детский, неразвитый.

— Хм... Крута. Прибавится у него ума, если выгнала? А если они друг другу глянутся?

— А, так, пустое влечение!

— Ты не акай.—Рассуждения дочери раздражали Василия Андреича.—И судьбе близких не мешай. Ты помоги ей, судьбе-то. Навыдумывают слов, понимаешь: фантиль-ванильный! Ученые шибко.—И помечтал: Эх, мне бы с годок—я б его...

— В забой увел,—едко добавила Татьяна.

¹ Тормоз—шахтерский обед.

— Вот и дура. Он при стоящем деле, только сам вроде пласти углем с прослойками породы. Выбрать породу-то...

— Ой!—удивилась Татьяна.—Слива-то цветет! Читала об этом, а вижу впервые.

Она загляделась на зацветшую сливу, задумалась. Много было печального сиротства в этом цветении пасмурным днем, в беспредельной глухоте осени.

— Ровесница твоя,—тихо сказал Василий Андреич и смущенно покашлял. Такое напоминание было нелепым.

Татьяна чуть вздрогнула, будто вспомнила что-то страшное.

— Она же старая,—и поглядела на отца растрепяно.

Василию Андреичу стало жалко дочь. Но не возьмешь теперь ее на руки, как когда-то маленьку, не утешишь.

— По жизни она мне ровесница, а по годам—тебе. Только годы—ветер: прошумят, и нету их.

В три часа за отцом зашел Михаил.

— Эва, сколько наворочал!—оглядывая посадки, удивился он.—Ты, папа, как вечный двигатель.

— Вечного ничего нет,—улыбался отец.—Это я вычитал. Только врут в книге: дела вековечные, неумиучие.

— Ты диалектик.

— А шут с ним, с твоим этим... Наше дело—паши, да уголь наваливай, да правду блюди, а уж люди имя дадут.

Окраиной поселка, мимо редких частных домов они шли на шахту. Серую однотонность природы разрушал старый, затухший террикон, осыпи которого оранжево светились.

— Погодка—зимы не дождешься. Не люблю.—Михаил оглядел небо, будто густо завешанное угольной пылью.

— Дом-то думаешь строить?—спросил отец.

— Нет.

— Влетел на этаж, как в скворечник, и доволен. Ни сада, ни огорода, ни положить что в кладовку.

— А что мне класть? Авоську? Есть холодильник. Тысячи в свой дом убухай, а так туда-сюда—и машина.

— Гляди, а то помог бы и силой и деньгами.

Михаил ничего не ответил. Молчали до шахты.

— У вас—крепить. Вам—рубить. Жмите! Кряжевы—бурить, взрывать,—объявлял наряд помощник начальника участка Моев. Средних лет, обрюзгший, замученный бездельем и водкой, он торопился, должно быть, опохмелиться. На шахте он объявился недавно. Пришлый.

«Сколько баловства в жизни»,—подумал Василий Андреич.

Он подошел к столу расписаться в наряде-путевке. В лицо шибануло перегаром и начином.

— Вы бы, Виктор Степаныч, хоть чесноком заедали.

Нарядную потряс хохот.

Моев, поблескивая глазками из-под опухших век, принужденно в меру отсмеялся, стараясь своим участием отвести от себя смех на Василия Андреича.

— Ну и старики пошли... Юмористы. Итак!..—Он резко вскинул от стула свое тесто-тело: рука картино пронятуна.—Вперед! Жмите! Кряжев—минутку.

Рабочие, уходя, возмущались.

— «Вперед!» А в забое лесу—ни палки. Какой день без конвойных цепей. У него одно пиво на уме.

Моев подождал, когда закрылась дверь, затряс подушками щек:

— Ты почему меня перед рабочими дискредитируешь?!

Василий Андреич глядел в лицо Моева.

— Бойтесь, что ли?

— Кого? Тебя? Хо-хо...—Будто гнилую пробку изо рта выбил.—Я не позволю, чтоб надо мной всякая!..

— Над кем же вы смеялись?

Моев на секунду растерялся, скрыл глаза за опухолью век, заговорил злобно:

— Не пойму я тебя. Деньги, которые можно получать, сидя на завалинке, пропадают, а ты старый горб гнешь. Я помогу тебе на завалинку сесть! Не я буду Моев.

— Ладно, делу—время, потехе—час.

Василий Андреич вышел и только тогда понял, в какой глупый разговор он был втянут. «Не пашут, не сеют, а они ёт родятся,—думал он, надевая спецовку.—Должно быть, кроме слив, еще кое-что корчевать нужно».

Приползывая на ходу светильник, он заспешил к стволу.

Рукоятчик Михаил Сухов рад встрече с другом.

— Опаздываешь.

— Да с начальником процеловался...

— С Моевым?

— Ага.

— Я его вчера в клеть не пустил—пьяный был.

— Ты, Миша, приди завтра на шахту до смены. Надо ошкурить мужика да в створ поставить.

Морщины на лице Сухова сбежались.

— Отставили мы свое, Вася.

— Миша, ты что?!—Василий Андреич пытался заглянуть в лицо Сухова.—Смеяться разучился? Нет. А коль нет, то и хорошо. Старики мы—дубы, да?

Режь—кровь не потечет? Эх, ты...

— Ладно, приди.

— Да не в этом дело. Я к тому: тело живое—душа умерла. А тогда зачем жить? Тогда лучше в ствол головой.

— Будет тебе меня хоронить! Что-то ты сегодня вытоньшился?—улыбнулся Сухов.—Уж и жилы не даст ослабить. Иди в клеть, крыса подземная.

— Завидуешь?

— Ага,—признался Сухов, закрывая клеть.—Не радикулит бы, так...

— Ладно, сигнал. Припугнул ты меня нынче. Смотри—растребушу и на копер зажину!

Клеть вздрогнула и резко пошла вниз.

— Смотри погоду!.. Чтоб дождя не было—ой—услышал Сухов уже из глубины.

Клеть с глухим грохотом падала вниз, а Василию Андреичу казалось, что постепенно засыпает его породой. Сперва ноги, а потом все выше порода обжимала его пояс и грудь. Сердце вроде уже толкалось не в груди, а в тесноте холодных глыб. И будто в сон поклонило Василия Андреича, и ему стало страшно.

Стволовой клацнул замком, открыл клеть. Василий Андреич изо всех сил сдвинул ноги с места. Шаг, другой, еще, еще... «Скорей в забой,—торопил он себя,—скорей в забой, скорей...»

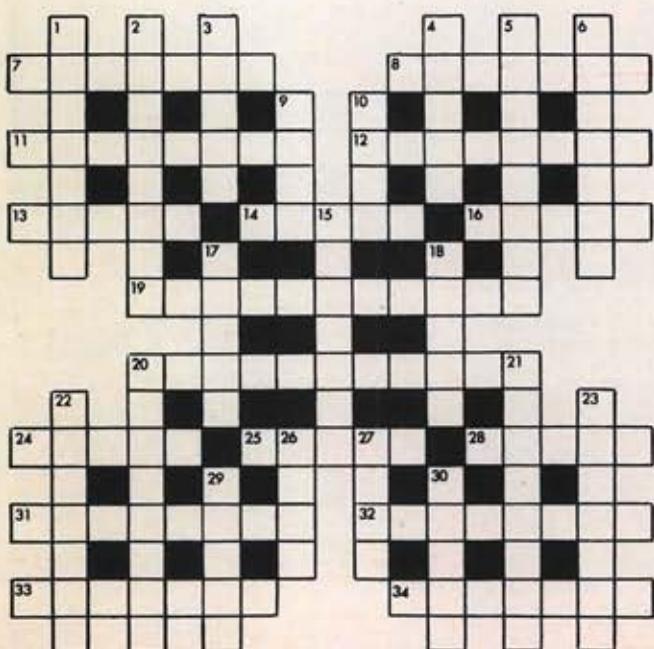
Слова Анатолия СМИРНОВА.
Музыка Григория ПОНОМАРЕНКО.

ПЕСНЯ О ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Люблю Россию дали вековые
И шум весны в березовых лесах.
Люблю ее ромашки полевые.
Как море, нивы в золотых хлебах.

Люблю Россию гулкие вулканы
И гордость нашу, батюшку Амур.
Люблю суда, плывущие в тумане,
Горжусь тобою, славный Бонивур!

Люблю я жизнь Руси моей священной,
С ней вместе мы идем в одном строю,
И о Востоке Дальнем вдохновенно
От всего сердца русского пою!

КРОССВОРД

КРОССВОРД
Составил И. ГОНЧАРОВ
Тында

По горизонтали:

7. Пастушеский рожок.
8. Плетеное изделие из прутьев, камыша.
11. Порт в Великобритании.
12. Часть мола.
13. Картина А. А. Пластова.
14. Украинский поэт, Герой Социалистического Труда.
16. Спортивные состязания в скорости.
19. Часть дроби.
20. Установка, шкаф с пониженной температурой для хранения продуктов.
24. Южное созвездие.
25. Союзная советская республика.
28. Автор поэмы «Маяковский начинается».
31. Город в Донбассе.
32. Углеродный инструмент.
33. Бас, народный артист СССР.
34. Герой рассказа из «Записок охотника» И. С. Тургенева.

По вертикали:

1. Старший в спортивной команде.
2. Локомотив.
3. Русский физик и электroteхник, академик.
4. Клавишный музыкальный инструмент.
5. Атмосферные осадки.
6. Птица семейства фазановых.
9. Воинское подразделение.
10. Домашнее животное.
15. Художник, пишущий картины на бытовые сюжеты.
17. Спортивное оружие.
20. Рассказ А. П. Чехова.
21. Химический элемент, газ.
22. Буквоотливная наборная машина.
23. Форма групповых учебно-теоретических занятий.
26. Малая планета.
27. Единица электрической мощности.
29. Смазка для автомобильных и тракторных двигателей.
30. Возвышенность в центре Молдавии.

«...Ты, метеостужба, нам счастье нагадай»... Вспоминаем слова старой доброй песенки. Ждем у моря погоды — в самом прямом, отнюдь не переносном смысле. Море — Баренцево. Погода — прескверная. Облачность густая, беспроблесковая, ветер злой, колючий, швыряет прямо в лицо пригорши дождя. Анадырь. Место, где и на юг полетишь, а все равно будешь на Севере находиться. Чукотка... Почти полторы Франции. Три Великобритании. Двадцать четыре Бельгии.

Мы собираемся в тундру, к оленеводам. Но вертолеты — «вертушки» по-местному — на приколе. Видимости никакой, зато ветра куда больше, чем надо.

И вдруг — шум мотора. Выскакиваем. Тщетноглядываемся в серую пелену. Прислушиваемся. Точно, вертолет. Как же так, ведь нас обещали отправить первой же машиной!

Звоним авиаторам. Спокойный голос: «Погода нелетная. Ушел один

НОВАЯ ТЕХНИКА СЕВЕРНЫХ ТРАСС.

УДЕРЖИСЬ ЛИ ПОГОДА?
ОНА КАПРИЗНА В ГОРАХ...

К ВЫЛЕТУ ГОТОВЫ!

«ИЛ-76» ПРИБЫЛ В ПЕТРОПАВЛОВСК-КАМЧАТСКИЙ ИЗ ТАШКЕНТА. ФРУКТЫ — ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКАМ...

«Ми-8» в верховья реки Великой: там в шестой оленеводческой бригаде заболел человек. Рейс санитарный. Брать вас не имеем права».

Не имеют права, все точно. Рискованный рейс. Но надо лететь. Мы ждем. Они летят. Будни северного аэродрома...

Дальний Восток, Крайний Север... «Ил-62», прочно «обживший» аэропорт Хабаровска, впервые летом этого года открыл самую протяженную прямую трассу в стране: Москва — Петропавловск-Камчатский. Садятся один за другим в аэропорту Елизово — это главные воздушные ворота Камчатки — тяжелые грузовые «Ил-76». Они пришли из Ташкента со свежими фруктами. Ну, и всюду, на всех широтах, на всех самых скромных аэродромах и аэродромчиках — «Як-40». И уж, конечно, безотказные «вертушки»: «Ми-4», «Ми-8», «Ми-6»...

ТАМ, ГДЕ ЮГ — ТОЖЕ СЕВЕР

ВЕРТОЛЕТ ПРИШЕЛ К ГЕОЛОГАМ.

АЭРОПОРТ «13-Й КИЛОМЕТР» В МАГАДАНЕ. ОТСЮДА СТАРТУЕТ «МАЛАЯ АВИАЦИЯ».

Вулканологи Камчатки и геологи Колымы, оленеводы Чукотки, рыбаки Курил, нефтяники Сахалина — мыслимали сегодня их работа без авиации?

Сняты фильмы и написаны песни о летчиках Заполярья и Дальнего Востока, о подвигах, о чрезвычайных рейсах. Но как часто здесь чрезвычайный рейс — это рейс обычный, а обычный в любой день и час может оказаться чрезвычайным. Здесь, где и к югу — Север и где будни — подвиг...

Геннадий АНДРЕЕВ.
Фото Сергея ПЕТРУХИНА.